

Юрий
Ауфбаум — Находка

Россия — родина слонов!

Хроники смутного
прорыва

Юрий Бурчак-Находка

Россия – родина слонов!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43722336

ISBN 9785005035172

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Книга представляет собой уникальный дневник автора, в котором самые сложные жизненные ситуации описаны с юмором и весёлым цинизмом, весьма характерным для нашего времени. Пионерия, комсомолия, умные книжки вкупе с уличным воспитанием создают определённый сумбур в голове главного героя. Но возможно, именно он и помогает в итоге найти ответы на самые насущные вопросы бытия. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Россия – родина слонов!	5
Часть I	9
ЧАСТЬ II	103
Конец ознакомительного фрагмента.	174

Россия – родина слонов!

Юрий Бурчак-Находка

© Юрий Бурчак-Находка, 2019

ISBN 978-5-0050-3517-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Юрий Бурчак-Находка

Россия – родина слонов!

Хроники смутного прорыва.

«В бесконечном времени, в бесконечности матери, в бесконечном пространстве выделяется пузырьрёк-организм, и пузырьрёк этот подержится и лопнет, и пузырьрёк этот – я».

Л.Н.Толстой «Анна Каренина»

«Зачем всё это делается?.. Через десять лет её закопают, и ничего не останется ни от неё, ни от этой щеголихи в красной паневе, которая таким ловким, нежным движением отбивает из мякины колос. И её закопают, и пегого мерина этого очень скоро, – думал он, глядя на тяжёло носящую брюхом и часто дышащую раздутыми ноздрями лошадь, переступающую по двигающемуся из-под неё наклонному колесу. -И её закопают, и Фёдора подавальщика с его курчавой, полною мякины бородой и прорванной на белом плече рубашкой закопают... И главное, не только их, но меня закопают, и ничего не останется. К чему?»

Прошу прощения, дорогой читатель, за столь пессимистичное начало. Понятно, что все хотят жить. Причём, счастливо и богато. Этот гаденький текст я нашёл у Толстого нашего Льва, в романе «Анна Каренина».

Гениям позволено многое.

Читая такое, чувствуешь себя немножко гением. Ведь я всё это проходил, я тоже задавал себе подобные вопросы, я тоже задумывался о вечном. Я тоже смог бы такое написать. Гением быть легко.

Смог *бы*... Написал *бы*...

Это только кажущаяся лёгкость.

Читая такие вещи, надо просто вникнуть в суть, влезть в его мозг, понять человека. А что, собственно, случилось? Может быть, у парня было плохое настроение. Может быть, посетил утренний, русский синдром. Какое наше собачье дело?

Уважайте гениев!

Предисловие.

Ребята! Я не маньяк. Как раз наоборот, хочу оттолкнуться от такой толстовской безысходности и зарядить вас энергией жизнелюбия. Всем нам иногда бывает плохо. Это не повод опускать руки, надо прорываться, надо верить в форту. Надо двигаться, ведь катящиеся камни не покрываются плесенью, это знают все.

Однажды ко мне подошёл сын и спросил: «Папа, а ты как познакомился с мамой?» Я ему всё подробно рассказал, знал, что для ребёнка это важно. Я сам очень мало знал о собственном отце. Пока он был жив, мы мало общались, всё деньги зарабатывал, хотя теперь очень жалею об этом.

Про деда вообще ничего не знал. Дорого бы дал, чтобы хоть какую-то информацию получить, но эта информация умерла вместе с отцом. Поэтому на вопрос сына ответил обстоятельно.

Через некоторое время подходит дочь с таким же вопросом, и ей рассказал, обстоятельно и подробно. Через пару месяцев сын спрашивает: «Папа, а как ты познакомился с мамой?»

– !? Я же тебе рассказывал!

Выяснилось, что он абсолютно ничего не помнил из рассказанного. С дочерью такая же история. Тогда я их усадил рядом и красочно и подробно описал, как мы познакомились с мамой. Я понимал, что это важно, они должны это знать, и потом, когда их собственные дети спросят об этом, обстоятельно им рассказать. Точно так же я ответил на множество других вопросов.

Но, спустя время, когда они мне опять задали те же самые вопросы, я понял, что все мои рассказы сразу же вылетают в другое ухо, которое я не догадался им заткнуть. Я выдохся, у меня больше не было сил как попка повторять одно и то же без надежды, что хоть что-то останется в их головах.

Тогда решил поступить по-другому, выплеснуть всё на бумагу, и пусть они, когда возникнет интерес, прочитают. А также прочитают их дети, внуки, чёртовы праправнуки и вообще все те, кому нравятся приключения.

Чтобы это читиво не было слишком скучным, я облёк его

в форму монолога юноши, подверженного нескольким мани-
ям. Но все события, происходящие в книге, все даты и места
этих событий подлинные. Подлинные также имена, фамилии
и прозвища, за некоторыми исключениями. Подлинные на-
звания поездов, кораблей, организаций. Здесь всё, от корки
до корки – чистая правда, никакого вымысла, никаких алле-
горий, только то, что я лично видел и в чём участвовал.

Не обессудьте, любители фантастики, фэнтези, сказок
и прочей фигни, иногда реальная жизнь заворачивается так,
что никакому выдумщику не сравняться с ней. Тут вас ждёт
экологически чистый продукт – только одна правда, ничего
кроме правды.

Часть I

1 Кривенькие ножки.

Я оглянулся, чтобы убедиться, что эта куколка тоже оглянулась. Наши взгляды встретились. Это и не удивительно, в узком проходе вагона купе им просто больше некуда было деваться. Именно в тот момент всё изменилось окончательно. Какая-то мелочь, краткий миг, всего одна секунда... но с того памятного взгляда всё изменилось. Именно тот момент можно считать пунктом поворота в другую реальность.

Вначале даже не поверил, уж слишком она была для меня хороша. Кто я такой для неё – очередной простачок с пустыми фантазиями в голове? Наверно она просто хотела убедиться в миллионный раз, что и этот лох обернётся. Как и все остальные. В то время ей было глубоко наплевать на всех самцов мира, она просто наслаждалась существованием. Наслаждалась своей неповторимой внешностью, своими изумительными титечками, своим всепроникающим взглядом, ногами с восхитительными линиями изгибов.

Стоп! Что-то я слишком резко погнал паровоз! Давайте всё по порядку. Начнём с самого начала, чтобы у вас не возникло путаницы в голове.

Россия! Город Лесозаводск! Роддом номер один!

Впрочем, всё это слишком громко сказано. На самом деле, Лесозаводск – небольшой городишко где-то на задворках Советской империи. Здесь нет аэропорта. Морского вокзала тоже нет, да и откуда ему взяться, если до ближайшего моря триста километров. Нет и речного вокзала, хотя речка есть. Очень даже известная речка – Уссури. Уссурийский тигр, Дерсу Узала – это слышал каждый болван. Тут нет даже железнодорожного вокзала, местные жители пользуются станцией Ружино, находящейся неподалёку. Хотя в названии города фигурирует слово «завод», никаких заводов тут и в помине нет. Леса вокруг полным полно, это чистая правда. Тайга непролазная, мать её. Да и не город это вовсе. Больше напоминает деревню.

Роддом, к примеру – просто деревянный барак в стиле трэш, с облупившейся краской на стенах, построенный чёрт знает при каком царе, и приспособленный советской властью под роддом. Зашибись! Водопровода нет, канализации, естественно, тоже нет. Электричество включают вечером на пару часов. Как хочешь, блин, так и рожай. Рожают тут, однако, бабы не очень часто. Одного, максимум двух младенцев в неделю. Да и то потому, что привозят рожениц из окрестных деревень.

Нинка пришла сама. Счастливая будущая мамаша жила неподалёку. Наверно, в этом микроскопическом городишке все жили неподалёку от роддома. Солнечным январским морозным днём родила Нинка пацана. Нормально родила.

Не пришлось ничего мудрить. Ну, кесарево там или другая какая-нибудь хренотень. Здоровая была бабёнка, что там говорить. И мальчик родился «здоровенький», именно это слово сказала акушерка, отрезая пуповину. «Только ножки кривенькие!» – с ухмылкой добавила она. Это она нарочно наврала, чтобы хоть как-то нагадить Нинке. А всё дело в том, что была у неё интрижка с папой этого новорожденного мальчика. Сама бы с удовольствием от Лёньки родила, да кишка тонка оказалась. Нинуся оказалась шустрой девахой – опередила.

В этот город она прибыла вообще из дикой глухомани со странным, нерусским названием Сидатун. Там она появилась на свет божий и прожила до совершеннолетия. Три мазанки да две фанзы – вот и все постройки в той деревне. Хрен пойми, какой дурак вообще выбрал это место для заселения? Находится совсем в полнейшей заднице. Туда даже обыкновенной дороги нет, а не то что железной. Где-то посреди таёжных буреломов. На карте его сейчас искать бесполезно. Сгинул. Исчез напрочь с лица земли русской. Да и плевать!

Вот ведь как бывает. Москва тоже когда-то была вшивой деревушкой, а сейчас вон какой мегаполис вымахал. Исчадие ада, прости Господи. Так что Нинусе этот занюханый Лесозаводск первое время казался чем-то вроде Нью-Йорка.

А Лёнька был хлопец гарный. Котировался капитально

у местных тёлочек. Всё при нем. Не так чтоб высок, зато ладно скроен и красив как бог. Не вру, ей богу! Красавчик был, точно! На Тихонова-Штирлица здорово смахивал. Бабёнки кипятком ссали вслед.

Фронтовик! При медалях! Даже ранение получил на войне с японскими империалистами. Прорывались они однажды на грузовике из пункта «А» в пункт «Б», да и подорвались на самурайской, поганой мине. Сломал ключицу, голову разбил. Но мозги остались на месте, потом даже Владивостокский политех с отличием закончил. Врачи подлечили, подлатали и снова отправили воевать. Да только винтовку снайперскую не доверили, как до ранения, а поручили всякие разные ценности с трупов снимать. В нормальной жизни это называют мародёрством, а на войне без проблем, если ничё – значит наше. Смотрят, чувак честный, крестьянских кровей, ничего не слямзит. Так и проколбасился до окончания войны в трофейном батальоне.

Собирал зубы золотые, коронки, кольца, цепочки и прочую дребедень. Наручными часами, бывало, руки до плеч были унизаны. Всякую мало-мальски ценную требуху собирали сдохлых японцев. А что? Справедливо! Мертвецам оно ни к чему, а при строительстве коммунизма, глядишь, пригодится. Ускорит, так сказать, процесс. После войны прослужил в армии ещё маленько. Каких-то восемь годков. Это вам не год, как сейчас. Советская власть не мелочилась.

Итого, стукнуло мужику к тому времени двадцать семь

рокив. Хохол он был чистокровный, никаких негров или найцев в родне не было. А значит, русский. Как ни крути, русские и хохлы – это одна и та же нация. Язык один и тот же, разные диалекты. На Дальнем Востоке девяносто восемь процентов российских хохлов проживает. Формально. Хотя все они считают себя русскими. Мне, собственно, насрать на национальность, лишь бы человек был хороший. Вон, как Фредди Меркьюри, к примеру: родился как я, тоже в жопе, только другой – в Занзибаре, где-то в Африке. Значит, занзибарец. Ну, тогда я люблю занзибарцев. И говорил он, соответственно, на чистом занзибарском языке. Если переименовать знаменитого поэта, можно сказать: « Я бы занзибарский выучил только за то, что на нём разговаривал Фредди!» Короче говоря, хороший человек – он и в Африке хороший.

А Лёнька был во всех отношениях хороший, мало того, что симпатяга и герой, по понятиям местных морковок. Так ещё и не курил. Это вообще дикий случай. В те времена все настоящие мужики шмалили табак по полной программе. Цигарку изо рта не вытаскивали. Иначе никак не могли – голова начинала кружиться от избытка кислорода. И не пил. Ну... почти не пил. Большинство мужиков бухало по-чёрному. А что ещё делать? Телевизоров тогда не было, интернета – и подавно. А по радио только и было, что галдеж про то, какие американцы разлагающиеся гниды и какая замечательная страна СССР. Как всё в ней шикарно, и всё-превсё

в ней лучше, чем у америкашек. И вообще, Россия – это родина слонов.

Наслушавшись такой херни, мужиков тянуло набухаться и забыться. Слава богу, водяры в СССР было достаточно. Водка да нефть – достояние, блин, нации. А Лёнька так, чисто по праздникам, выпивал полегоньку. К тому же преподавал в единственном местном Лесотехникуме, да не просто, а даже завучем был. О как!

Но и это ещё не всё. Самое главное – это то, что он был коммунистом. Настоящим махровым коммунякой, и конечно, железно верил в конечную победу коммунизма. Наверно, всё-таки, тот удар башкой об кузов дал о себе знать. Кстати, слово «коммунист» для тогдашнего уха звучало, примерно, как сейчас слово «миллионер».

Да! Забыл сообщить! Пацанёнок кривоногий, которого родила Нинка – это я, ваш скромный рассказчик.

Короче, был мой папа тут первый парень на деревне. Бабёнки липли – бог ты мой! Ну и, конечно, он пользовался этим обстоятельством. С той повитухой он тоже перепихнулся пару раз. Вот она и решила новоявленной мамаше слегка потрепать нервы, из ревности. «Ножки, типа, кривенькие!» Брехня! Изумительные ноги. Красивше, наверно, уж и не бывают на белом свете. Они мне оченьгодились потом, когда я в десятилетнем возрасте выполнил норматив на третий взрослый разряд по плаванию с помощью этих, якобы кри-

веньких, ножек. Да и бегал нехило, на всяческих соревнованиях, школьных и городских. А потом – от ментов, когда надо было, сваливал и от хулиганов. Всем бы такие ноги, им надо при жизни памятник поставить.

Расстроилась Нинка, конечно, из-за ножек. Как же так? Лёнька такой гарный, сама будто пава, и на тебе – уродец получился. Но кровинушка то родная, и такой сойдёт, хрен с ними, с ножками, потом разберёмся. Да и Лёньку любила без памяти, или думала, что любила.

Родить-то родила, дело нехитрое. Но вот беда: не желал новоиспечённый папаша расписываться, как у порядочных принято. Всё до последнего тянул, думал, наверно, что рассосётся как-нибудь эта фигня сама собой. Видно, не рассказали ни в школе, ни в институте, что эдакая хренотень сама не рассасывается. Так что, когда меня вытащили на свет божий, первым делом прицепили на ногу бирку с фамилией мамы – Рогаленко, мальчик, рост 52 см, вес 2 кг 200 г, чтоб не перепутали, не дай бог. В морге тоже, кстати, бирку с именем на ногу цепляют, но там, если перепутают, не так страшно. Труп – он и есть труп. Господь бог примет с любой табличкой.

А что? Нормальная хохлятская фамилия, говорю же, тут в Лесозаводске все хохлы, если сало при себе имеешь, лучше не зевай, прячь в дальний карман. Имени на бирке не было, не придумали ещё. А когда показала Нинуся хлопчика ба-

тяне, да увидел он, какой красавчик получился, чисто Аллен Делон, обмякло сердце фронтовика. «Чёрт с ним!» – подумал. – «Женюсь, всё равно всех не перетрахать. Надо след на земле оставить, пусть растёт новый строитель коммунизма!»

Как только мамаша оклемалась, пошли в ЗАГС и распишались, всё чин по чину, как у людей. В любом случае, эти деятели из партийной ячейки не отвязались бы от Лёньки, как-никак коммунист. Партия тогда жёстко стояла на страже семейных ценностей, особо не побалуешь. Трахнул – женись, нехрен тут наших социалистических девок портить. И стали они жить поживать. Пацана называли Юркой.

С именем угадали. Через год Юру Гагарина в космос закинули. Радости было полные штаны. Имя угадали, и отчество совпало – обалдеть. «Юрий Алексеевич» – звучит? В то время все по Гагарину с ума сходили. А по мне так ничего особенного, просто очень здоровый человек, в самый раз, чтобы проверить, как там дела, в этом чёртовом космосе. Если бы не вернулся паренёк, не беда, здоровых много, нехай летят, пока не получится. Да! Вытащил мужик счастливый билет.

Вообще-то Нинка была студенткой в том самом единственном техникуме, всё равно Алексей впух бы в своей дурацкой партийной ячейке, как старый пердун, охмуряющий тупеньких студенток. Как-никак уже тридцать три года дяденьке стукнуло.

Училась она так себе, на тройки. Да и откуда у неё ка-

кие-то знания возьмутся, если в том сраном Сидатуне все школьники разных возрастов учились в одном классе, и все предметы преподавали парочка учителей. Читать-писать научился и вали отсюда, строй своё будущее. А тут вона как подфартило. Считаёшь, за князя замуж выскочила.

2 Получай десяточку!

Прожили пару лет в этом «Лесоболотске», так ласково называл его папа. Нинка училась, папик учил. Помню смутно, совсем малой был. Точнее, почти совсем ни черта не помню. Громадную сиську перед глазами – помню, и мне её пихают в рот. Всё... Дальше темнота. Все эти события излагаю со слов очевидцев и участников тех событий. Наверно, жили счастливо. Все вначале счастливо живут. Хотя, на самом деле, в полном говне обретаются, просто этого не замечают.

С детства Нинке мама талдычила, что мужик должен быть такой, чтобы за ним как за каменной стеной. О-го-го! И вот оно, счастье-то привалило! Вот она, стена каменная.

Но в скором времени беда приключилась, когда её не ждали. Вот всегда так, только наладится всё, только начнёшь счастье полной ложкой хлебать, а дерьмо тут как тут.

А случилось вот что. Казалось бы, безобидная ситуация, житейское дело: группа выпускников праздновала у одного из них в доме окончание учёбы. Ну, понятное дело, набухался народ на радостях. Не каждый день оканчиваешь опостылевший техникум. Потом кто-то ушёл домой, кто-то пошёл

праздновать дальше в другое место. Кто-то остался водку допивать, а потом, оставшиеся участники попадали спать, кто где. Лёнька, на свою погибель, активно присутствовал в этой нетрезвой вечеринке, лакал вместе со всеми. Ему бы домой уйти вовремя! Но нет, всё надо выжрать! Обязательно! «Как это? Добро пропадать будет?» Продолжил гулянку и, позже, отрубился, как и все, мертвецким сном.

Эх Лёнька! Там, где замешан алкоголь, обязательно случится какое-нибудь дерьмовое приключение. Так и вышло.

Утром! Ни свет ни заря! Нагрянули менты поганые! Даже не дали ребятам нормально похмелиться! Всех без разбора повязали и отвезли в местный обезьянник. Что да как? Оказалось, что какую-то из девок, якобы, изнасиловали, и она заявила в ментуру. А тем ублюдкам – «Радость-то какая!», у них план по преступлениям как раз горит, такое счастье привалило. Ништяк! Целую банду насильников обезвредили. Грамоты и премии предвидятся. Всем навалить, что Алексей Палладьевич мирно сопел всю ночь, и снилась ему мамка, с вышитым крестиком рушником, угощавшая варениками со смородиной. Он кусает вареник, а оттуда стреляет соком во все стороны.

Впрочем, сильно не расстроился – суд разберётся что к чему. Он-то ведь не при чём. Советская власть – она справедливая, суд – самый гуманный, в обиду не даст труженика мела и указки. И нахрена ему кого-то насиловать, если все тёлочки этого паршивого городишка за счастье считали зага-

ситься с ним? Эх, Лёнька! Знал бы ты, как всё паскудно повернётся.

Защищать на суде должен был его корешь, адвокат Резниченко, зажигали вместе в своё время во Владике. Этот хренов адвокат опоздал на судилище. Когда он появился, всё уже свершилось, помочь было невозможно. С насильниками в те времена особо не церемонились. Восемь человек отправили на нары и всех делов, насилывал, не насилывал, какая нафиг разница? «Ты там был? – Получай десяточку!» Таким образом, он оказался в роли той знаменитой щепки, про которую толковал его кумир, дедушка Джугашвили.

Отправили недалече, здесь же, в Приморье, в посёлок Волчанец. Из партии, конечно, пнули нахер, такие говнюки партии не нужны. Правда, отсидел он всего пять лет. Резниченко, видимо, подсуетился, подсобил дружбану – срок скостили. За хорошее поведение и всё такое. В тюрьме, когда начальство разобралось, что за мужик к ним попал, назначили главным инженером. Зона, на самом деле, была предприятием по изготовлению металлических бочек, просто все работяги были зеки, а директором – начальник тюрьмы. Кстати, там, в зоне, до сих пор стоит железный ангар, спроектированный и построенный отцом. Это, конечно, не Эйфелева башня, но тоже надо покумекать, пораскинуть мозгом, чтобы соорудить такую хреновину. Что-то вроде памятника себе самому.

Нинка к нему ездила вместе со мной. Как раз в это время я стал из животного превращаться в человека, меня уже посещали проблески сознания. Были мы там лютой зимой. Помню, возле туалета, на улице, бегала здоровенная крыса. Впрочем, может быть, это я был настолько мал, что она мне показалась огромной. Катались с какой-то горки на санках на замороженную то ли речку, то ли озеро. И снова темнота... Мне было годика три. Маман к тому времени закончила свою учёбу и переехала поближе к супругу в Находку. Прямо как декабристка, едрит твою мать! Только наоборот. Из говна всё ближе к цивилизации.

3 Хорошо быть маленьким!

Наверное, моя мамочка заколебалась меня воспитывать в одиночку, или по другой какой-то причине, но, волею судеб я оказался на Украине, на родине, так сказать, предков. Сбагрила она меня своим родителям. Да не абы куда, а в знаменитый Чернобыль. Ещё та жопа. Размером менее Лесоболотска. Деревянные халупы, утопающие в песке. Но, правда, один огромный кирпичный дом я там видел, он и сейчас стоит. А всем известной атомной станции тогда ещё и в помине не было. Опять же, плоховато помню из того периода.

Припоминаю такой факт, местный петух почему то невлюбил меня. Подкрадывался сзади и со всей дури долбал меня в темечко своим железным клювом. Вот скотина! В конце концов, бабуся однажды не стерпела от глупой пти-

цы такой наглости, выхватила топор и отрубила засранцу голову, чтоб не обижал маленьких. Жестоко, а что поделаешь? Съели его... Удивило то, что какое-то время он ещё бегал по двору без головы. Надо же! До сих пор перед глазами эта картинка стоит – чёрный петух носится кругами, а из того места где была башка фонтанирует кровь. Потом снова темнота...

Более или менее мозги стали переваривать информацию, когда меня снова вернули в Находку и отправили в садик. Там я впервые осознал свою половую принадлежность. Воспитатели нас не разделяли по тому, что там у нас между ног находится, бугорок или выемка, и писять-какать все мы ходили в одно помещение. Мало того, всех в одно и то же время сажали на горшки, и мы хором, дружно и весело испражнялись. Запашок, конечно, стоял тот ещё. Наверно, тётенькам так было удобнее – все просрались разом, и проблема решена. Теперь можно порисовать. А может быть, так по технологии воспитания было положено. Чтобы новые люди понимали – что и как.

После обеда, сонный час. В том же помещении, в котором мы весь день болтались, ставили раскладушки, и мы на них спали. Как-то раз девчонка, раскладушка которой находилась рядом с моей, предложила показать мне свою пиписку в обмен на показ моей. Естественно, я согласился с радостью, и достал свои муди. Ну конечно, никакие там были не муди в то время. Пипетка, сантиметра полтора. Увидела

она его вообще или нет, неизвестно. Не помню даже, как отреагировала. Но её собственная презентация меня поразила. Там тупо ни хрена не было! Я, можно сказать, был слегка в шоке. Вот эта прорезь и есть девчачья пися? В первый момент подумал, что она меня как-то дурит. Где-то прячет свою хренотень.

Потом консультировался с пацанами, что да как? Оказалось, истинная правда. Эта щелка и есть ихний писюн. Тьфу! То ли дело у пацанов! О какой! Тогда я понял, что мальчиком быть лучше. По крайней мере, конденсат сливать гораздо удобнее, достал шланг, отлил, стряхнул последнюю капельку, и готово. Тарасова Ирка – её только и запомнил из всех. Потом выяснилось, что эта озабоченная Тарасиха уже всем перепоказывала свои чудные прелести, я был последним. Скромный был, стеснительный мальчик.

Потом, конечно, эти женские интимности видел много раз. С возрастом они видоизменяются, увеличиваются, матереют, темнеют и т. д. Но, без сомнения, остаются важной деталью в мужском мироощущении, если, конечно, не педик. Погладить, понюхать, потрогать, засадить туда и остальное прочее – это завсегда. Это с радостью. Матушка-природа хитро всё устроила, мимо этого женского причиндала никак не пройти мимо.

Как раз в это время, пока я познавал устройство человеческого организма, в Саратове родился младенец примерно такого же размера и веса, как я. Акушерка тут же прицепила

ему на ногу бирку с надписью «Абрамович. Мальчик...», ну и так далее, что полагается в таких случаях. Чуть позже, родители записали его в загсе под именем «Рома». Да, ребята! Вы правильно подумали, это был будущий миллиардер, начальник Чукотки. Об этом никто тогда не догадывался, и он тихо, мирно, сосал мамкину сиську, пользуясь моментом, пока не разнюхали журналисты.

Жили мы с мамочкой в малосемейке, недалеко от находкинской мореходки на улице Дальней. Там, кстати, в качестве соседей были девчонки, и мы почти каждый день, коллективно играли во врачей, в то время пока родители пропадали на работе. Играли в гинекологов, естественно, и урологов. Я продолжал ходить в садик. Короче, познавал мир через прорезь женской мошнашки. А мама вкалывала на заводе, зарабатывая на жизнь на настоящем оухительном заводе. В смысле, большом, огромном. Находка – это вам не Лесозаводск копеечный, реально портовый город. Иногда она брала меня с собой. Гигантские пароходы, вытасченные на берег, с вырезанными дырами по бортам, так что видны были все внутренности – дикое переплетение труб, нагромождение неведомых механизмов. Футуристическое, диковинное зрелище. Опупенные винты, охрененные рули. Всё колоссальных размеров.

И я понял: море – это круто! Потом, много лет спустя, сам оказался в море на подобных голиафах, и контролировал работу этих футуристических механизмов. Все находкинская

шпана, в то время, грезила морем. Короче, после увиденного я был в гораздо большем шоке, чем после просмотра Тарасихиной промежности. И решил – буду моряком, кровь из носу! Из всех садиковских дружков ни один не стал гинекологом. Ну, то есть в пидзах, конечно, колупались от случая к случаю, но всё это за бесплатно.

Маманя, похоже, не очень была уверена в Лёшке, и поэтому подыскивала пути отхода, на всякий пожарный. Женщины – хитрожопые, в этом смысле, существа, у них всегда наготове вариант «Б». Во всяком случае, помню, как какой-то дядька приходил к нам в гости. Такой морячок, в кителе с погончиками. Мы даже были у него на пароходе. Небольшой пароходишко, то ли спасатель, то ли сейнер. Однажды я сидел в кают-компании, и вместе с экипажем смотрел фильм «Девочка ищет отца». Старый престарый советский фильм. А они остались вдвоём в каюте, наверняка, целовались в это время. Я её не осуждаю, она была молода, надо было строить своё будущее. Да и секс, говорят, благотворно влияет на женскую психику. Так что, нет проблем.

По субботам я с ней ходил в баню. Женскую, конечно. Эмоции получал почти как на заводе. Тоже всё колоссальное. Опупенные сиськи, здоровенные, лохматые лобки. Это вам не садиковская мизерная прорезь. Все эти чёрные, рыжие, седые мохнахи, с висящими этими штуками на уровне моих глаз, меня совсем не интересовали. Помню, как бабушка, раскорячившись, натирала мочалкой свою кошмар-

ную, седую дырку с таким остервенением, что я подумал – не свихнулась ли старуха? Сейчас понимаю – наверно, она в это время ловила кайф, вроде как мастурбировала. Зрелище, конечно, не для слабаков.

Потом появился папик. Как чёрт, резко так выскочил из небытия, и стал с нами жить. Мне объяснили, что «это твой папа». Ну, папа так папа, я уже был у одного на пароходе. Тогда я не понимал, что папа может быть только один. Опять стали жить-поживать. Кстати, с папой тоже ходили в баню, только уже мужскую. Мы бы и рады в женскую, да не пускали. В мужской, тоже ужасы неслабые. Тут у дядек прибамбасы болтаются, по моему носу задевают. Да все разные, сколько мужиков, столько и пистолетов. Толстые, тонкие, длинные, короткие. У толстяков вообще не видно ни черта, только залупа торчит из-под жировых складок. Помню, у одного мужичка член искривлённый был, как бумеранг. Или из-за травмы, или вражеская пуля угодила. Он согнутый был градусов на 35—40. Как же бедняга им пользовался? Непонятно! А может быть наоборот, очень даже прекрасно осеменял своей загогулиной. Вполне возможно, что его подружки получали эксклюзивные ощущения. Были с огромными яйцами, и с совсем мелкими. И тут я среди них, со своей свистулькой микроскопической и яйцами с горошину. Славные были времена. Хорошо быть маленьким.

Папик тоже на завод устроился, тоже судоремонтный, только другой. Вскоре мне подошёл возраст идти в школу, пора набираться уму-разуму. Скучно в школе. Пидзы никто уже не показывает, и мой агрегат никто рассмотреть поближе не хочет. Насмотрелись, наверно. Несколько садиковских мальчуганов оказались со мной в одном классе: Забровский Сашка, Филинов Андрюха и Леньшин Юрик. Школа на улице Сенявина, уже и номер не помню.

Однажды гуляли с друзьями по лесочку, недалеко от дома. Там сейчас гостиница «Горизонт». Повстречалась нам компания незнакомых пацанов, возрастом постарше. Говорят нам: «Хотите корень уматный попробовать? Сладкий как мёд. Вообще офигенный корень! Называется „Борец“. Сами только что наелись!» И мы, как дураки, повелись на эту лажу. Они показали, как его выкопать и правильно очистить, чтобы витамины не потерялись. После этого предусмотрительно свалили. Больше я этих ублюдков никогда не видел. Надеюсь, бог им воздал по заслугам.

Короче, нажрались мы все этого чудесного корня до отвала. И в самом деле, он оказался сладковат, всё без обмана.

Твою же мать! Как будто нас дома не кормили! Дебилы! Через некоторое время во рту стало жечь, ну, мы думаем, так надо, витамины, наверно, действуют, и не беспокоимся. Потом стало оухительно жечь. Трындец! Я почувал неладное, побежал домой. Мамке побоялся признаться сразу, ругать ведь будет. Ужасно скромный был мальчик. А потом стало

совсем неспособно. Слюноотделение сумасшедшее, во рту всё распухло, огнём горит. Мамадя смотрит, что-то с сыночком неладное творится. А я уже загибаюсь реально, температура под сорок, рвота дикая. Когда ей рассказал кое-как, с трудом ворочая раздувшимся языком, за голову схватилась.

Этот Борец, оказывается чрезвычайно ядовитый корень. Его в деревнях использовали вместо отравы. Она-то, таёжный житель, знает всю эту фигню. Ёпэрэсэтэ! Давай меня водой поить и т. д. В итоге я отрубился, ничего дальше не помню. Врачи еле откачали. Сказали, что если бы съел чуть больше, помер бы, как пить дать. Ни ухя себе, погуляли мальчишки! А насчёт тех пацанов – проблема так и не решена, хотел бы с ними встретиться. «Эгей! Отзовитесь, говнюки! Если живы!»

Зашёл в интернет, и прочитал про это поганое растение. Выяснилось, что сам Тамерлан был отравлен ядом этого корня. Ничего себе, ещё бы немного, и мы с ним на том свете свиделись.

Снег увидел первый раз на улице Дальней. Просыпаюсь утром, глядь в окно, и обалдел! На улице белым-бело, я был просто ошарашен. До сих пор перед глазами эта картинка стоит – белый двор, скамейки, деревья, дома. Да всё белое! Аж глаза ломит! Картинка просто впечаталась в мозг. Наверно, когда буду помирать, вспомню эту фантастическую картину.

В школе страшно нравилась одноклассница – Степанова Наташка. Терялся перед ней, просто деревенел. Красивая была девочка, прямо куколка. Где она сейчас? Чёрт его знает. Вообще, мне часто нравились различные девчонки, не знаю, что это было, возможно любовь. Тогда получается, что я параллельно любил двух, трёх и более девчонок. Конечно, я им не говорил об этом, и вообще никому не пидзел лишнего по этому поводу. Просто любил втихаря, да и всё. Тогда ещё не знал, что мужчины полигамны, думал, что один такой ненормальный.

Однажды зимой шёл в школу. На улице темень, мороз дикий. Идти надо было два квартала, по тротуару вдоль дороги. Между дорогой и тротуаром валялись железные трубы приличного диаметра, одна за другой. Наверное, хотели менять водопровод, да так и бросили на зиму. Совдепия, что с неё возьмёшь? Иду я, иду, значит, скучаю. На ногах валенки. По дороге присоединился ко мне Фил, Андрюха Филинов – лепший кореш. Вдвоём веселее. Примерно на полдороге колонка с водой, в Находке они были повсеместно. Фил говорит мне: «Хочешь, приколы покажу?» Что за глупый вопрос, все любят приколы: «Ёп тыть, конечно!»

Кстати, в первом классе все мальчуганы, общаясь меж собой, уже всю матерились как сапожники. Это считалось шиком. А приколы заключались в следующем: он намочил свои ботинки водой из-под колонки, взгромоздился на трубу, постоял немного, и конечно примёрз. Мы весело гого-

тали, шутками обыгрывая эту ситуацию. Я, не будь дурак, быстренько мочу свои валенки и тоже забираюсь наверх рядом с ним. И мы, ещё пуще прежнего, стали веселиться. Помните этот трюк в знаменитом фильме – когда Шурик вытаскивал ногу из прилипшего к смоле сапога и пинал по заду плохого дядьку. Так вот, мы эту фишку придумали задолго до Гайдая. Я вытаскивал ногу из примороженного валенка и, заливаясь счастливым, детским смехом, пинал Филя по жопе. Андрюха радовался не меньше моего. Всё-таки как мало надо для счастья!

Ладно... Расслабились малость, пора и в школу. Оба-на! Хрен там! Оторваться невозможно. Мы и так, и эдак! Фига! Повылезали из своей обуви, тянем, потянем, ничего не выходит. Вот это мы вляпались! Что делать? Хоть на улице и темень, но народу много. Вы не поверите, но раньше в совдепии работали все. Дико, не правда ли? Если вдруг какой-то гондон не работает, приходит участковый и даёт срок найти работу. Не устройшься – дадут срок по статье «Тунеядство». Полезная статья. Сейчас, похоже, такой нет.

Короче говоря, народ щемится на работу с утраца. Наши спасители, ёлы-палы! Выбрали мужика поздоровше и попросили оторвать наши шмотки. Всё это время в носках скачем. На улице колотун, про глобальное потепление слыхом не слыхивали. Поднатужился чувачок, дунул, плюнул и... отодрал-таки наше барахлишко. Молодчик! Давай мы их скорее пялить обратно, чтобы согреть околевшие копыта.

Что такое? Ступня вылезла наружу. Мужик слишком здоровый оказался. Богатырь, мать твою, земли русской. Вся нижняя часть осталась на трубе, видно я переборщил с водой. Пипец! Повеселились! Пришлось бежать домой с валенками под мышкой, на ходу шевеля пальцами. Ну, пидзюлей, конечно, словил от мамани. Долго ещё потом мы с Филом мимо останков моих валенок проходили мимо, и ржали как дураки.

До сих пор эта унылая картинка перед глазами стоит: чёрное-пречёрное, звёздное небо, редкие падающие снежинки, и в свете фонарей, на трубе – одинокие, напрочь приклеенные подошвы валенок. Прости меня, обувь, я просто был тупенький! Вывод: ребята, не становитесь в мокрых валенках на железо зимой – получите по тылке от мамани.

В школе у преподавателей я был среди любимчиков, но уж слишком пидзлявый. Почти каждую неделю в дневнике была запись красными чернилами: «Разговаривал на уроке!!! Обратите внимание!!! Вертелся на уроке математики!!!» и подобная фигня.

В первом классе все уже пробовали курить. Естественно, я не отставал, был как все. Не курить было неприлично. Но какая всё-таки это дрянь, ребята! Тьфу! Нормальных сигарет почти ни у кого не было. Поэтому, собирали окурки, и шмалили это вонючее дерьмо за углом школы. Плевались, морщились, но продолжали курить. Круто! Так делают настоящие боссы. Всё равно, несмотря на это, так и остал-

ся некурящим, привыкания не произошло. Уж больно мерзкой была эта пакость. Тем более, что папик не курил совсем. И слава богу. Но изредка, конечно, за компанию покуривал с закадычными друзьями.

Как-то раз делал уроки по математике. Ошибся что-то там с цифрой, взял резинку и давай стирать ошибку. Тёр, тёр, пока не протёр приличную дырку в тетради. Ну, блин! Испугался, что наругают, глупый был. Оторвал кусочек бумажки, наклюнявил и заклеил дырку. Про клей, наверно, тогда ещё не в курсе был. Мамка, конечно, спалила меня с этой дыркой, это её сильно развеселило, смеялась, хватаясь за жирненькие бока. Наверно, сама такое в техникуме делала неоднократно. Это же надо, догадаться залепить дырку в тетради собственными соплями. Поучала меня: «Учись хорошо, сынок, тогда из тебя человек вырастет!» А я удивлялся – «Как это? Я и так человек». Ну, тупень был несусветный!

Летом отправили в пионерский лагерь. Назывался «Факел». Он и сейчас есть. Ни хрена хорошего не вышло. Две смены шёл дождь как оголтелый. Мать перемать, носа не высунуть. В Находке такая фигня в порядке вещей, зимой солнце палит, когда особо не нужно, а летом, сука, дождь как прорывает. Не дождь, так туман. Если бы не это говно, цены бы городу не было. Он ведь находится на широте Сочи.

В лагере у меня своровали замечательную вещицу – шикарный водяной пистолет, японский, кстати. Папаня притаранил с работы. Они там чинили корабли ФЕСКО, ну и вы-

цыганил, наверно, у какогонибудь маримана. Я расстроился, само собой, второго такого пестика в этой стране не найти. В общем, о проклятом «Факеле» только одни негативные воспоминания остались.

Однажды сидим в беседке, то ли речёвку разучиваем, то ли другой какой-то лагерной фигнёй занимаемся. Чувствую – нестерпимая вонь накатила. Думаю: «На говно наступил, что ли?» Проверил подошвы. Нет, всё чисто. А говном несёт невообразимо. Да что такое, эй кто насрал!? В итоге всё прояснилось. У нас был хлопчик по фамилии Твердохлебов. Тоже застенчивый мальчик. Уж на что я скромный, а тот вообще полный тормоз. Короче, захотел Твердохлебов какать и постеснялся сказать вожатой, думал перетерпеть. Но в пионерских лагерях Советского Союза, как правило, хорошо кормили, в отличие от германских концентрационных. Поэтому у него клапан на заднице не выдержал давления навозной массы, и вся эта ерунда полезла наружу, источая страшную вонь.

Пидзец! Обосрался парень, в прямом смысле. Тупо навалил в штаны. И он хотел это скрыть, сидел себе, как ни в чём не бывало, обосранный и, бля, речёвку дурацкую учил. С выражением так читал, типа всё нормально! Без палева! Штирлиц хренов. Извините за маты, но как тут не матюкнуться. С тех пор у меня фамилия Твердохлебов ассоциируется с говном и вонью. Когда кто-то при мне упоминает твёрдый хлеб, я сразу вспоминаю этот стрёмный случай

из моего детства. До сих пор картинка перед глазами: беседка, снаружи стена дождя, на скамейке сидит обосравшийся пацан с кислой рожей, а вокруг офигевшие все мы. Вполне отчётливо помню его лицо с родинкой на щеке. Вот никого не помню, ей богу. Ни лиц, ни фамилий. Его запомнил. В каком-то дальнем закоулке мозга. Что такое память? Удивительно! Сейчас стараюсь поменьше есть хлеба. Особенно твёрдого! И вообще, слово «факел» в каких то мрачных тонах воспринимается.

Вывод: когда хочешь срать – беги быстрее в сортир, чтобы чего не вышло.

Пока я в лагере наслаждался погодой и ароматами окружающей среды, родители получили новую хату. Батяня всего пару лет поработал на заводе и заработал квартиру. По советским меркам, очень удачный прорыв. Другие ждут десятки лет. Вот они, преимущества мужа, каменной стены. Мать особо не мыкалась по съёмным углам, как другие. Это была вполне себе замечательная двушка, хрущёвка конечно. Но, по тем временам это был шик. Это как если бы сейчас получили пентхаус с бассейном на крыше. Многие мои одноклассники жили в бараках, их тогда было в Находке тьма. Пакет услуг такой: вода в колонке на улице, отопление печное, дрова в сарае, туалет тоже на улице.

Чувствую, придётся снова про говно писать. Уж извините, постараюсь покороче.

5 Босс дерьма.

В те времена, во дворах, между бараками, стояли такие домики из неструганных досок, аккуратно побеленные извёсткой. Туда окрестный люд ходил какать. Этакие храмы испражнений. Когда подходишь к ним летом, стоит сумасшедшая вонь уже за много метров. Толстые, блестящие, зелёные мухи, по-своему даже красивые, роятся тучами вблизи, лакомятся, чем бог послал.

Весь кал собирался в здоровенную яму под домиком, и примерно раз в месяц приезжала спецмашина. Мы называли ее просто – «говновозка». Из неё выходил водитель, говновоз, и толкал толстый, весь испачканный говном, шланг в этот навозный бассейн. Шикарная была картина! Переполошившиеся мухи в бешенстве пытаются защитить свою собственность. Но куда там, разве осилить царя природы с его техническими достижениями. Директор шланга врубает насос, и кал с таким смачным, чавкающим звуком всасывается внутрь бочки. А вонь усилилась многократно, теперь уже за несколько десятков метров слезу вышибает. Говновозу хоть бы что, деловито шурует такими длинными загнутыми вилами, разбивает крупные образования для лучшего всасывания. Тряпочки подозрительные вытаскивает.

Есть такой фильм – «Сладкая женщина». Там героиня работает на конфетной фабрике, и от неё сладко пахло всегда, даже если она не на работе. Вот бы ей выйти замуж за такого парня. Они перебивали бы духан друг друга, в итоге запах

никакой. А может быть наоборот, шиббили и тем и другим, тоже неплохо.

Местных шпанюков этот процесс всегда почему-то очень интересовал. Мы собирались толпой и дразнили мужика. Кричали ему как дураки: «Говновоз, говновоз!» На большее фантазии не хватало. По-хорошему, здесь требуется какое-нибудь рифмованное четверостишие, но поэтов среди нас не оказалось. А если и были, то весь процесс откачки выглядел непоэтично, и наверно, слабо стимулировал говно-стихосложение.

Дяденька на нас не обращал внимания, добросовестно делал своё дело. Возможно, даже любимое дело. Профессионал! Покончив с процессом, складывал свой инструментарий в машину, кое-как очистив от налипшего кала. И на его перепачканном, с засохшей коркой говна, комбинезоне, появлялись новые пятна навозной жижи. Он садился, весь такой босс дерьма, в кабину, внутри тоже покрытую какашками. Кстати, когда вся эта хрень покрывается корочкой, то почти не воняет, он это знал. Когда фырча, тачка, тоже, естественно, покрытая диким слоем говна, выезжала со двора, мы радостно бежали за ней и кричали как кретины: «Говновоз! Говновоз!»

Как мало детворе надо для счастья!?

Мне вот сейчас стыдно стало... ей богу. И зачем мы так!? Человек просто делал свою работу. Нахрена мы это делали? Не понять. Я прошу прощения у всех говновозов мира.

Всех тех, кто транспортирует его, перерабатывает, прочищает унитазы, канализационные трубы и прочее. Кланяюсь вам в ноги за ваш нелёгкий говённый труд. Кстати, я и сам отчасти говновоз. Гораздо позже, в море, работал четвёртым механиком, а он, кроме всего прочего, отвечает за исправное функционирование канализационной системы судна: унитазы там, фекальная цистерна и прочее дерьмо.

Так вот, эти уличные туалетики были белоснежными, их белили каждую весну, во время всесоюзного ленинского, коммунистического субботника. Не чаще одного раза в год. Типа, подарочек ко дню рождения Ленина. А внутри было самое интересное. Все стены и потолок исписаны и изрисованы простым карандашом. Тексты и рисунки специфической тематики. Все, что касалось писек и жоп. Эх, жаль не догадался все это сфотографировать. Все эти человеческие органы во всяких видах и ракурсах, то по отдельности, то воткнутые друг в дружку. Да нарисовано так здорово, с полутенями, со всеми подробностями. Ну, просто офигенно! Летящие члены с крылышками. Фантастика! Тексты в стихах и прозе, тоже об этом. Приглашения встретиться здесь же. Сплошь, сплошь, сплошь!

Даже переписка, вроде современных эсмэсок. А что? Удобно. Чтобы сообщить что-нибудь, пишешь на стене карандашом. Потом подходишь через какое-то время, читаешь ответ. Я бы назвал это – «говнофон». Переписка тоже специфическая: «Отсосу! Подходите в шесть часов». Или: «Маль-

чки, хотите полизать, жду вас вечером, пароль – Жопа». Ну и в таком же духе всё остальное. Попадались толстые коричневые полосы, видно кто-то очень спешил и вытер задницу просто пальцем, потом всё это дерьмо на стену вытер. Вот думаю; а если бы он загнал занозу в палец? И что? Доски-то неструганные.

Про туалетную бумагу в то время не слышали. Зад вытирали, кто чем мог, но чаще всего газетами. Допускаю... возможно, у Брежнева была импортная туалетная бумага. Наверно, самолётами доставляли из Америки. Хотя, может быть, и нет. Нафига ему, герою Малой Земли, такие буржуйские нежности. На фронте всё было просто: чаще всего пользовались лопухом или травинкой. Когда совсем плохо, то снегом, осколком снаряда или неразорвавшейся миной... вытер и порядочек, теперь можно воевать дальше. Хотя, об этой интимной, жопной подробности, лучше почитайте у великого Франсуа Рабле. У него лучше получается.

Самые озабоченные из пацанов, выбивали сучки из побеленных досок и подглядывали в эти дырки, когда какая-нибудь неосторожная девушка заходила внутрь по своим женским делишкам. Так и развлекались. А что? Как-то надо релаксировать! Театра в Находке нет, телевизор тогда был большая редкость, а социальные сети ещё не изобрели. Теперь функцию этих проковыранных дырок играет интернет – здоровенная дырища, хоть с утра до вечера смотри порнушку, наслаждайся.

6 Вытришки.

Квартиру получили на улице Горького. От дома до школы десяток метров. Новый класс, новые одноклассники. Чебуречная через дорогу, горячий чебурек со сковородки стоил пятнадцать копеек. Бегали как балбесы по подвалам с деревянными ружьями, в войнушку играли. Бах! Бах! Тыдын! Ты-дыдыды!!!

Летние каникулы проводил в деревне у бабки с дедом, родителями отца. Посёлок Кировский на берегу Уссури. Дни напролёт с пацанами пропадал на речке. С утра до вечера кувыркались в воде. Все были загорелые, чёрные как негры. Играли во всяческие водяные игры, например в «квача». Игра в квача – это разновидность пятнашек, только на воде. Тот, кто в данный момент квач, должен догнать в воде кого-нибудь из корешей, тогда тот становится квачом.

Вода в речке мутная до ужаса, на расстоянии двадцать сантиметров от носа ничего не видно. В том-то и фишка. Очень трудно различить кого-нибудь под водой в такой грязи. Нырнул паренёк в воду – и ищи-свищи его там, внутри воды, он может завернуть куда угодно, вот и попробуй, догони. Как раз в Кировке здорово научился плавать, там любой сопляк нырял лучше, чем акула. Даже самый маленький. Когда приехал в деревню – совсем не умел, а потом стал нырять как бог. Не припомню случая, чтобы кто-то из пацанов утонул. Мужики тонули, это было, но в основном по пьянке.

При мне один бухарь, разогнался и нырнул с обрыва, на краю которого он культурно отдыхал, накатывая водяру с местными тёлочками. Хотел, наверно, поразить дам, показать какой он оухительный Ихтиандр. И он добился таки своего. Поразил вообще всех на пляже. Нас тоже.

Там глубина была сантиметров тридцать. Когда вынырнул – мама родная! Вся морда в крови. Пасть разинул и вопит как раненый шакал. Хули орать? Раньше надо было думать! Тёлки тоже заголосили наверху как сумасшедшие. Это он ещё легко отделался. Обычно в таком случае ломается позвоночник. До сих пор эта картинка как фотография перед глазами стоит. Что за странное свойство моей памяти? Всё, что было давно, помню как сейчас. А то, что было вчера, не могу толком вспомнить.

И вывод сделал: «Никогда не купаться по буху». Но почти всегда его нарушал. Только иногда, когда в чрезмерно алкогольном угаре был не в состоянии доползти до воды, тогда не нарушал.

В те славные времена по реке сплавливали лес. Лесорубам не хотелось тратить на транспортировку, и они тупо сбрасывали добытый лес в речку. Брёвна плыли непрерывно всё лето. Иной раз так много, что по ним можно было перебраться на другую сторону реки. А ширина местами метров двести. Конечно, это было опасное развлечение, если соскользнуть с бревна неудачно, то могло запросто покалечить стволами или совсем раздавить в лепёшку.

Пешком вдоль берега забирались как можно выше по течению. А там заросли черёмухи. Просто-таки черёмуховый лес. Конечно, лакомились ягодками, языки потом у всех были чернее угля. Кошмар! Долго плыли обратно, загорая на брёвнах, мимо Кировки и ниже, до паромной переправы. Брёвна были хвойных пород деревьев, поэтому в итоге все были жутко перепачканы смолой. Всё пузо, ладошки, трусы и яйца вечно в этой грёбаной смоле, хрен отчистишь.

Была мода на трусы поприкольней. Там в деревне и научился шить. Нашёл у бабки кусок ситца с огромными красными розами на белом фоне, попросил у неё швейную машинку, изумительный древний «Зингер» на литой чугунной раме, и сшил себе шикарные трусы. Оухительные были трусы, на публике они сразу же приковывали всеобщее внимание. Иду, бывало, по пляжу, кричат: «Эй! Красавчик! Где такие трусы оторвал?» Но я гордо шёл мимо в развевающихся парусах, типа, насрать на вас, шелупень. А на самом деле просто стеснялся подойти, скромный был мальчик. Окружающие много чего ценного обещали в обмен на эти чудные труसेля. Хрен вы угадали, трусы мои! Самый шикарный парень был на «Бухте», так назывался пляж. Точно вам говорю, без балды!

Обычно, пацаны бросали свои шмотки на берегу и шли купаться. Была такая шуточка, особенно с новенькими, штанина завязывалась, ну, очень туго, и на узел ссали всей кодлой. Потом, когда чувак возвращался, ему приходилось раз-

вязывать тугой, обоссанный узел, зубами. В это время все весело гоготали. Никто не обижался, все знали: потом подкараулят кого-нибудь другого и тоже обоссут узел, всё по-честному, не зевай.

У многих в деревне были лодки. Так называемые плоскодонки. Делались из трёх широких досок, широкая доска – дно, и две доски поуже – борта. Потому и название такое. Зато удобно стоять в этой лодке, дно ровное как пол, и осадка маленькая. Дед Палладий один из первых в деревне приобрёл подвесной мотор ЗИФ-5. Гораздо позже появились разные Вихри и тем более Ямахи, блин, по пятьдесят лошадиных сил. Этот моторчик дед приобрёл, когда меня ещё и в планах не было. Стоил он очень дорого. Поверьте, ребята, это была дико дорогая покупка, просто сумасшедшие бабки. Сами знаете, когда что-то новое, оно всегда стоит уйму деньжищ. Все нормально пользовались вёслами, и когда вдруг папин папа прицепил к лодке эту зловонную, безумно тархтящую штуковину... Нет- нет, конечно, они не подумали, что дед колдун или что-то в этом роде. Те времена давно прошли, народ не настолько глуп. Они просто решили, что мужик свихнулся. Да! Точно! С ума сошёл! Вёслами ведь гораздо удобнее, не надо таскать туда-сюда такую тяжёлую бандуру. Бензина вонючего не надо. Опять же, деньги будут целее. Да и шумит она, будь здоров. Простите друзья, как не сматериться, мужики в деревне просто охуели от такого безрассудного поступка, ну, а про баб и говорить нечего.

Всё! Кранты! «Палладий совсем з глузду зыхав!» – это по-хохлятски «с ума сошёл». Знаете что... про Колумба нашего Христофора тоже бухтели что ни попадя, когда он в Индию отправился. А вот на тебе, гений оказался.

Так вот, дедушка мой, незабвенный Палладий (имя-то какое), для масштаба Кировки что-то вроде Колумба, да нет, бери выше, вроде батеньки Ньютона был. Современники, очень часто, недооценивают размеров личности, пока эта личность дуба не нарежет. Вот вам свежий пример: пока писал вам про деда, помер Стив Джобс. Только вчера его поносили всяко, а тут запели, мол, помер супергений, и что будем делать дальше без него? Как жить? Так что ж вы, бля, нервы мотали человеку, пока жив был, мать вашу? Вы же сами и свели его в могилу вашим поганым пездежем!

Гонял с этим мотором дед по Уссури, как Шумахер по Монако. Прошли, однако, годы. Я появился на свет, вырос. А моторчик как новый, жужжит, будь здоров. Теперь мы с папусиком и маманей гоняли по речке. Правда, к этому времени устарела техника. В нашем ЗИФе лошадей было всего-то пять, эти вихри чёртовы обгоняли нас словно торпеды. Да и хрен с ними, всё равно дедушкин ЗИФ был лучший.

Забирались с батенькой на моторке в дикие верховья. Папаня мне доверял рулить. Я хулиганил, петли всяческие, кренделя лодкой выписывал, а маманя верещала, ухватившись за борта. Плавать не умела, мы-то с отцом как акулы, да-

же чуть получше. Ну, женщина, им по штату положено верещать. Причаливали где-нибудь на живописном островке без названия, где песочек белый, ивы молоденькие склонились к воде. Мама ня снеди какой-нибудь доставала, хозяйственная была, кушай Юрик. А сами плескались в речке как сумасшедшие. Потом гольшом бегали по песку, не стесняясь меня, а я и не удивлялся. Думал, так положено у взрослых. Я этакую фигну видел-перевидел, Тарасиха помогла, да и маму я гольшом видел в бане сто раз. Рубенс не отказался бы изобразить, в теле была девушка. Ей тогда тридцати ещё не было, а папа старше на четырнадцать годков. В общем, зажигали они по полной. Временами убегали в заросли ивняка. Теперь-то знаю, чем они там занимались. Ну, а тогда и внимания не обращал, потому как несмышлёный был, совсем малец.

Но такое случалось нечасто, в смысле, чтобы я в деревне был вместе с родителями. У них там сложности взрослые, типа график отпусков не совпадал и всякое такое прочее.

Таскал с колодца воду дедам, пилил, колол дрова. Было мне тогда восемь лет. Бабушка меня любила, баловала. Называла «малик» или совсем уж «маличок». Потчевала разными вкусняшками. Однажды, когда я отказывался кушать что-то очередное вкусное, говорит: «Хиба ж ты ничего ни йиж? А хочешь, тэбэ вытришками вгошу?» Хохлуха была натуральная.

– А что такое вытришки, бабушка? – спрашивал внучек.

– Пидожди трошки, – сказала она и стала убирать со стола вареники с клубникой, яблочный пирог, сметану и что-то ещё. Закончив, поставила передо мной большую миску и ушла. Я был жутко заинтригован. Думаю, раскрутил бабуся на что-то архивкусное. Сидел, сидел, а её всё нет.

– Бабушкаааааа! – не выдержал я. Она тут же появилась, как будто ждала, когда я завоплю.

– Шо, маличок?

– Ну, где твои вытришки?

– Та вот же! В тэбэ пид нисом! В гэтой мисьци.

Я уставился на пустую миску, ничего не соображая. Потом постепенно дошло, что бабка просто решила проучить меня.

Оказывается, вытришки – это когда гостю ставят в качестве угощения просто пустую тарелку. Человек на неё глупо тарашится, это и есть «вытришки». Потом я своим детям часто предлагал отведать вытришек, когда сильно доставали. Позже в нашей семье это понятие стало нарицательным. Вытришки – значит полный облом, дуля, борода. Дырка от бублика.

– А вытришек не хочешь? – то есть, – Ни хрена ты не получишь, дубина!

Иногда, когда я в чём-нибудь провинился, лупила меня лозинкой по жопе. Лозина – это прутики лозы, которые используются деревенскими бабушками в воспитательных целях. Было чертовски больно. Но бабуся была справедлива. Что заслужил, то и получал. Задница, конечно, потом горе-

ла, но недолго.

Научила меня кататься на велосипеде. Однажды выволокла из сарая какие-то жалкие, запылённые железяки, облепленные паутиной.

– Сделай малику, пусть катается, – дала распоряжение деду.

Но у того нашлась куча отговорок, мол, винтиков-шпунтиков нет, ключей нет, ни хрена, короче, нет. Думаю, ему не шибко понравилась перспектива пару-тройку часов вынакиваться с этим пыльным хламом, лучше на лавке посидеть. У них было такое развлечение. Сидеть на лавке и наблюдать, кто прошёл мимо или проехал, обсуждать всё это, строить различные предположения и догадки. Этакий деревенский бесконечный реалити-сериал, примерно как в фильме «Синьор Робинзон», когда герой соорудил себе псевдокинотеатр на необитаемом острове, каждый день смотрел якобы кино и возмущался, что опять фильм, мать его, про море.

Так и здесь. Только каждый день про деревню. А что? Уматная тема. Телека нет, даже если бы и был, всё равно тока нет.

Короче, бабка обматерила его как-то смешно, по-хохлятски, и стала сама с этими железками вынакиваться. Проволочками, верёвочками, сопельками. Кряхтела, бухтела что-то себе пид нис. Сляпала в итоге нечто велосипеодообразное. Колёса разные, крыльев нет, руль кое-как, после каждой колдобины приходится поправлять. Цепь обрывалась через каж-

дые десять минут. Но зато это был настоящий велосипед. «Чудо-юдо лисапет – жопа едет, ноги нет!» Кто из пацанов не мечтает о велосипеде? Это была моя первая техника, если не считать коляску.

Но старушка была очень хитрая, таким образом она из меня делала мужичка. Знаете, у которых руки растут не из жопы. В итоге я сам постепенно довёл его до вполне приличного состояния. Первый механизм, который я отремонтировал своими руками. Спасибо тебе, бабушка. Лежит она во сырой земле уже давно. Но, в связи со странной способностью моей памяти, я помню её как живую. Такое доброе, сморщенное как сухофрукт личико, выцветшие голубые глаза с хитринкой. Бабуся была что надо.

В деревне все разговаривали на каком-то странном диалекте русского языка. Я тогда ещё не знал, что это украинская речь. Думал, ну просто такой деревенский сленг, неграмотное произношение. Бабка не училась ни одного класса, писала сумасшедшие тексты неразборчивыми каракулями без точек, запятых, без всяких абзацев, заглавных букв. Разобрать с непривычки было невозможно. Да там, наверно, все деды так писали, никто никогда нигде не учился. Пипец! Зато ядерного оружия валом и в космос полетели.

В кроне здорового тополя, неподалёку от дома, оборудовал себе лежанку из досок. Прикрепил её там кое-как гвоздями и верёвками. Было довольно высоко и сквозь листву ничего не видно. Я забирался наверх, если нельзя бы-

ло на речку, и читал там книжки, которые находил у бабу- си в кладовке. «Хижина Дяди Тома», долго я её читал, тол- стая книга, половину ни черта не понял. Нудная до ужа- са, какая-то скучная история о том, как паскудно живётся неграм в Америке. Фигня полная. Кое-как осилил полови- ну и бросил. «Тартарен из Тараскона», тоже дерьмо ещё то. Про какого-то толстожопого турка. Вроде как приключения. Охрененно интересные, настолько, что заснуть можно. Ещё там были кое-какие книжонки. В общем, прости, бабушка, но книжки в твоей кладовке были полная лажа.

Позже я надыбал деревенскую библиотеку, там ситуация гораздо лучше. К примеру: «Водители фрегатов», опупенная книга. Из неё я узнал всю правду про капитана Кука. Зави- довал приключениям рыжего Рутерфорда, он был мой ку- мир. Капитан Лисянский, великолепный Лаперуз были мои- ми любимчиками, я им завидовал, вот мне бы так.

Тополь шатался от ветра, вся эта вшивая конструкция скрипела и трещала, раскачиваясь вместе с деревом, но мне это страшно нравилось. Я представлял, что я в штормовом море. Плыву там где-то на настоящем корабле среди злоб- ных, зубастых акул. Да, я себе всё это чётко представлял, книжонка была что надо.

И вообще, перечитал там миллион книжек, Золя, Мопас- сан, Зощенко, Гюго, Флобер... Блин, «Воспитание чувств», только от одного воспоминания у меня пошли мурашки по коже. Стендаль, Сэлинджер, О'Генри и ещё много-мно-

го изумительных и прекрасных книг. Мне, конечно, до этих парней далеко, я букашка.

В деревне ходил только босиком. Никто никогда не настаивал на этом. Но мне почему-то казалось, что будет неправильно, если я буду обут. Это же ведь не город. Здесь природа и всё такое. Вот сейчас сижу, думаю, почему я так делал? И не могу достоверно вспомнить. Деревенские все ходили в шузах, только один я как балбес – босиком. Мне было приятно ощущать землю голыми ступнями. После дождя пройтись босиком по грязи – это кайф! Наверно, деревенские считали меня малость пристукнутым, ну а я, в свою очередь, удивлялся с них – как можно ходить в обуви? Босиком ведь так клево. В начале лета, как только снимал башмаки, было очень больно ступать по всем этим мелким камешкам, шкурка тоненькая, а в конце лета нарастала такая подошва, что даже попадавшие стёкла не могли причинить вреда. Я был горд самим собой. Местные казались мне неженками.

Когда заканчивались каникулы, так не хотелось покидать все эти деревенские фишки, такая тоска накатывала, хоть вешайся. А что делать? Надо снова уезжать, чёрт подери, учиться, блин. И ещё раз блин! Недолюбливал я школу. Ох, недолюбливал!

7 Жить хорошо!

В новой школе приняли в пионеры. Оухеть, какое счастье! Заставили всех ходить в галстуках. Гладить его каждый день.

Дежурные на входе в школу не пускали, если галстука нет. Общее ощущение от этих лет – полнейшее дерьмо, голимая показуха. Не нравились мне советские порядки. Чувствовал, что меня дурят, что-то тут не так. Что конкретно? Не понять. Хотя бы взять эти долбанные галстуки. Ну зачем они нужны? Считалось, что в пионеры принимают самых лучших. Да какой там! Гребли всех подряд, даже таких, которым в этой пионерии вообще ловить нехрен. Самые ненормальные вообще считали неприличным носить галстук. Серёга Дулин – балбесяра был ещё тот, всегда таскал его в кармане. Все окрестные, обескрышенные ублюдки были его друзьями. Но по натуре был пацан бесхитростный. Подрасться любил, похулиганить. Энергия била из него ключом. Меня он не трогал, хотя, наверно, по его понятиям, я был интеллигентшишка срачный. Но уж если он кого трогал, то доканывал человека капитально. К примеру, на уроках он развлекался тем, что плевал на спину впереди сидящего Скиданова Серёги, и дико угорал. У того аргументов против не находилось. Честно говоря, я побаивался Дулю, чердак у него был явно набекрень. Но с кулаками умел обращаться, не хотелось бы оказаться в роли терпилы от него. Я то был дохляк, в серьёзной драке он отметелил бы меня, как пить дать. Несмотря на это я, по-своему, издевался над ним.

Он был туповат, не тупой как сундук, а просто обаятельно глуповат. Сидели с ним на одной парте на математике. Была такая фишка – устный счёт. В начале урока в специальной

тетрадке мы писали цифры, которые получались в результате вычислений в уме, которые зачитывала вслух математичка. Я считал, а Дуля у меня списывал, сам он мыслить не умел. Я высчитывал результат и писал ответ, но не полностью. Он добросовестно у меня всё скатывал. Потом, когда надо было сдавать тетради, незаметно от него дорисовывал пропущенные цифры. Я получал пять, он – два. Ёп тыть! В тот момент у него было такое удивлённое лицо, вы бы видели. Он каждый раз психовал и кипятился, но так и не понял, как это получается. Если бы догадался, пидзюлей мне не миновать.

С ним было интересно. Вообще, меня всегда тянуло к не слишком правильным личностям. Точнее, с распиздяями мне было комфортнее, чем с приглаженными. Сколько себя помню, всегда ближайšie дружки были или размандяи полные, или около того. Распиздяи, чаще всего, при ближайшем рассмотрении оказываются яркими личностями. Безбашенность во многих случаях оказывается положительным качеством. Разные рискованные предприятия и опасные приключения, так называемый адреналин булькает в крови. Они не могут жить спокойной, сладенькой жизнью. Вечно впутываются в какие-нибудь дерьмовые ситуации. А тут и я рядом, получаю свою порцию.

Постепенно сложилась группа ближайших корешей. Брeня – брутальный парняга, немногословный, высокий, неплохо сложен. Волосы до плеч, как и положено по последней моде того времени. Принимал участие во всяческих школь-

ных соревнованиях, но всё это между делом, систематически спортом не занимался. Учился он хреновато, но был не дурак. Был как бы лидером в классе, хотя не стремился к этому и не пользовался этим. Даже не осознавал, похоже. Девчонки мечтали с ним заечь, но одноклассникам не светило, предпочитал бабёнок со стороны. С несколькими девахами зажигал одновременно. Как бы, такой ловелас-молчун. Я всегда завидовал этому обстоятельству. Он молчит, гадёныш, но все тёлочки к нему липнут как сумасшедшие. А тут изощряешься в красноречии как чёрт, всякую фигню выдумываешь, чтобы марфушки заметили, и ни хрена, в итоге липнут к молчащему Брене.

Яцек – такой своеобразный мальчуган, с очень жёсткими как палки волосами. Это была его трагедия. У всех продвинутых, к которым мы себя причисляли, должна была быть причёска «а-ля битл». А они у него были чересчур жёсткими и непослушными, никак не хотели принимать нужную форму. Поэтому он постоянно вот так делал ладошками, пригладивая их. Был помешан на музыке. Я и имею в виду не классическую, и не ту пропагандистскую херню, с помощью которой партия надеялась воспитать действительно несгибаемых строителей, мать его, коммунизма. А реально настоящую музыку, которую какими-то хитрыми способами провозили моряки.

Оухительные диски Led Zeppelin, Pink Floyd, Deep Purple и всякое такое прочее. Он нас всех посадил на этот му-

зон. Считали себя продвинутыми меломанами. Однажды мы зарулили с Бренькой к нему в гости, он открыл дверь весь в слезах. «Яцек! Что с тобой?» Оказывается, он слушал пластинку группы America, она его настолько зацепила, что он даже всплакнул. Вообще-то, Яцек фарцевал пластинками, но поклялся нам, что этот диск никогда никому не продаст. Даже пару дней не давал нам слушать эту пластинку, ревновал, вообще ненормальный. Я уверен, что в Находке того времени советскую музыкальную лажу никто не слушал. Если только самые отпетые «кресты» – это тогдашний аналог нынешнего слова «баклан» или «лох». Обожал баскетбол, мог часами играть в него. Финтил всяко-разно, вообще классно играл. Я-то в командные виды спорта вообще не врубаюсь. В процессе игры ни черта никого не вижу. Без балды, в таких видах игр я полный профан.

Это двое моих ближайших дружков, мы были неразлей вода, всё время таскались вместе. С девчонками, я был в хороших отношениях, практически со всеми, периодически влюблялся в некоторых. В тинейджерском возрасте, в седьмом классе, влюбился в Нарушку. Взял, блин, вырезал из коллективной фотографии её лицо, вставил в бижутерное сердечко, и таскал на шее. Пипец! Вот это бред! Какой всё-таки был тупень! Испортил фотографию, она до сих пор у меня лежит с дыркой вместо Нарушки. А началось с того, что однажды она, со своей ближайшей подружкой, зашли ко мне домой и пригласили... куда бы вы думали? Не пытайтесь

отгадывать, собирать металлолом. Класс! Мы же были пионеры. Самое, что ни на есть пидзатое, пионерское развлечение: собирать с девчонками ржавые железяки. Ну, мы пособирали маленько как примерные мальчики, а потом гуляли с ними. Я с Яцеком, и они двое. Джентльмены хреновы! Похоже, что это было моё первое свидание с настоящими девочками. Те, интимные отношения с Тарасихой не в счёт.

А ухаживали мы за девчонками так. Однажды Игорёк обнаружил у родителей секретную нычку, а там куча презервативов. Мы сразу же сообразили, как их использовать, чтобы весело и культурно. Яцек жил на первом этаже, Нарушка на пятом. Решили так: надо наполнить презик водой, позвонить девчонкам в дверь, и когда они откроют, бросить его в квартиру. Так и сделали. Презик, естественно, порвался, вода залила коридор и барахло, находящееся в нём. Убегая, мы ржали, раскрыв зубастый рот. Жить хорошо! Вот чокнутые! Зачем мы это делали? Непонятно. Но было весело! Интересно, что же девчонки о нас тогда подумали?

После уроков, как стемнеет, собирались компанией на скамеечке во дворе, вели разговоры о том, о сём. Однажды забрались на пятиэтажку по настенной пожарной лестнице, что была неподалёку. Девчонки остались внизу. Мы что-то кричали им сверху, шутили, кидали камешки вниз, а потом Дуля достал свой писяндрис и, не долго думая, стал ссать с крыши. Ох, и фантазёр был на такие дела. Остальные, конечно не растерялись, достали свои аргументы и устрои-

ли приличный водопад. Нет, это был мочепад. Зашибись!!! Шикарное ноу-хау. Таким образом мы, наверно, пытались развеселить подружек. Круто? А они, в диком восторге, пищали там, внизу.

Пробирались на завод, это несложно, в заборе были сплошные дыры, и ловили камбалу с пирса. Потом дома солили её и вялили на балконе. В школе хвастались, у кого камбала уматнее. Была такая фишка – нажраться вонючей, сушёной камбалы и бегать, рыгать на девчонок и дышать на них этим камбальным ужасным смрадом. После того, как съешь парочку засушенных рыбных трупов, вонь изо рта просто кошмарная. Девчонки звонко верещали и обзывали нас всякими грубыми словами.

Учился так себе, не шибко хорошо, но зато без троек. Школьная система в Совдепии была полный отстой, думаю, что сейчас мало что изменилось. Если ты попал в говнюки, то останешься говнюком до окончания школы. Это как в Индии касты, из неё выбраться невозможно. Если ты неприкасаемый, то останешься им навсегда, и дети твои тоже. В классе у нас были такие неприкасаемые. Например, Серёга Скиданов. Таким личностям даже клички придумывают какие-то особенно говённые. У него было погоняло – Плешивый, хотя никакой плеши у него не было. Или Клавка Синицына – та вообще изгой, родоки у неё были конченные бухарики. У всех пионерские галстуки были шёлковые, а у неё какой-то странный, из непонятной ткани. Где они его вы-

драли? Чёрт знает. Наверно, с какого-нибудь старого платья вырезали, чтобы на бухаловку себе сэкономить. Её, беднягу, мои одноклассники гнобили капитально. Прозвище было вообще гадкое – Блохастая.

Но я, слава богу, не был в такой ситуации. Даже наоборот, по нынешним понятиям нашу кампанию можно было бы назвать мажорами. Хлопцы все влатанные, одеты по последней моде, в фирменные, заграничные шмотки.

Джинсы стоили сумасшедших денег, 120—140 рублей. Это месячная зарплата неквалифицированного работника на заводе. Охренеть! Относительно современных зарплат получается, что они стоили примерно 15000 рублей. Моряки неплохо наваривались. Кстати, джинсы не принято было так называть, мы пренебрежительно именовали их «штаны», этакий шик. Были джинсы фирмы «Cantan». Опупенные штаны, из ткани ужасно жёсткой, как фанера. Если их поносить день, то вечером, сняв, можно было спокойно поставить вертикально на пол. Без говна! То есть не вру, ей-ей. Они могли стоять всю ночь до утра при условии, что были новые и нестиранные. Но имели существенный минус: через несколько месяцев носки они как бы ломались, под коленкой появлялись трещины, говорю же – фанера. Поэтому, поносив их немного, надо было сбегать каким-нибудь посторонним лошкам.

Пластинка с заграничным музоном стоила 50—60 рублей. Тоже нехило. Как я уже сказал, советскую музыку мы

не слушали. Какие-то совдепские, вшивые ВИА приезжали, конечно. Только хрен его знает, кто на них ходил? Зато мы с Бреней продавали этим модникам наши штаны. Они как с голодного края налетали, раскупали всякую шнягу, ни черта не разбирались в лейблах, да ещё втридорога. Мы от барахольной цены накидывали ещё рублей 20—30. Что были за ВИА – чёрт его знает. Весёлые ребята какие-нибудь или Голубые задницы, для нас все они были просто лошары.

Но однажды, это было уже в десятом классе, на барахолке нас с Бренькой замели менты. Отобрали нахер весь товар, привезли в город и кинули за решётку в ментовке на Ленинской. Мотали нам нервы, запугивали кошмарной перспективой, что, якобы, за фарцовку нас выгонят из школы и комсомола. Кошмар! Оухеть, какое счастье! Нахрен мне обосрался ваш комсомол! Так что, можно сказать, я пострадал от советской власти за продвижение в массы рыночных отношений.

Барахолка в то время располагалась за городом в районе Угольной. Там был заброшенный карьер, вот в нём и собирался народ, жаждущий прикупить заграничного барахлишка. Условий никаких, ни прилавков, ни павильонов, продавцы просто держат товар в руках, причём надо было делать вид, что ничего не продаёшь, просто как бы прогуливаешься с джинсиками. Потому что вокруг шныряли оперы и вылавливали зазевавшихся фирмачей.

Представьте себе картинку: в карьере, среди камней и чахлых кустиков, пара тысяч людей с вещами в руках бродит

кругами по кошмарной грязи. Некоторые, самые продвинутые, расстелили по этой грязи газетки и, разложив на них свои богатства, ждут покупателя. Если чувак захотел примерить – нет проблем, заходи в кустики и меряй. В этих дохлых кустах примеряющих набиралось человек пятьдесят, парней и девок. Никто не стеснялся друг дружку, навалить, дело житейское

Часам к двум все разъезжались. Тут вообще фишка. Добирались до барахолки на электричке, народу в неё набивалось, как в трамвае в час пик, даже пошевелиться было проблематично. В одну сторону ехали эти две тысячи людей, с вещами и деньгами, в другую сторону точно такой же набор – люди, вещи, деньги. Только те, кто был с вещами, теперь были с деньгами, и наоборот, кто на балку ехал с бабками, теперь были с шикарными заграничными шмотками. Меня всегда веселила эта метаморфоза. Зачем вообще куда-то ехать, обменялись прямо в поезде – и порядочек!

8 Трава по пояс.

А Брежнев в это время жевал по телеку на съезде партии про какие-то мифические прорывы к коммунизму. Как я ненавидел всё это дерьмо! Эти грёбаные комсомольские собрания. Поганые песни о комсомоле или коммунизме. Но одна из песен всё-таки была прикольная, это которая про траву по пояс.

Чем интересна эта песня? Ну, слушайте. В девятом клас-

се Дуля нас просветил: оказывается, из травы можно делать не только гербарии. У нас был штаб в подвале на Горького, там проводили время в непогоду. Однажды прибегает одуревший Серёга и возбуждённо начинает задвигать какую-то хренотень про траву. Достал из тулупа пакет, дал понюхать. Не скрою, запах приятный, напоминает хвойный. Он тогда в шикарном тулупчике ходил, я долго уговаривал продать его мне. Ни в какую, тот ещё был стилига. Сигареты я покупал время от времени, за компанию, а тут такое предложение поступает. В то время никто не знал ни про марихуану, ни про гашиш. Никто в это дело не врубался. Дуля нам разъяснил, что к чему. Забил папироску, и всё это, мы тут же дунули.

Капец! Цепануло нас, конечно, неслабо. Сначала сидели в подвале, показывали друг другу крепкие белые зубы. А потом смеялись как ненормальные до коликов в животе. «Гы! Неплохой такой гербарий получился, оттащи биологичке, она тебе в четверти пятак поставит. Гы-гыы-ыы!» Потом вышли в вечерний город. Небо сплошь в алмазах, бьютифул! Описывать все ощущения после косяка не буду, почитайте какого-нибудь Берроуза или Джима Кэрола – у них такое лучше получается. Не хочу делать рекламу этому дерьму. Говорят, будто оно вредно, типа, крыша едет и здоровье пошатывается. Могу только успокоить: в медицинской энциклопедии сказано, что употребление марихуаны не вызывает привыкание и вредит здоровью не более, чем простой та-

бак. Короче, это табак, только обладающий возбуждающим, галлюциногенным эффектом. Хотите шмальнуть? Поезжайте в Голландию, там можно.

Но это было очень давно, мы были молодые и глупые. Нам хотелось жить, а не прозябать под бесконечное бухтенье Брежнева о коммунизме.

Был ещё один кент, Серёга Митин по кличке Митька. Небольшого ростика, вертлявый и пиздявый пацанёнок. Залупастый такой, но в принципе нормальный. Всегда был в курсе всех важных событий на районе. Хрен знает, откуда он всё узнавал, вертлявый, я же говорю. Однажды родители на днюху подарили ему кассетный магнитофон «Томь». Это был фантастический прорыв, кассетники тогда только-только появились. Неслыханная роскошь. Как сейчас помню: такого глупого, голубого цвета. У Яцека как раз оказалась кассета Гранд Фанк: помните, тот самый диск, где они на обложке были изображены в виде качков-бодибилдеров. Поначалу мы всерьёз поверили, что они такие накачанные в реальности. Вот балбесы! В смысле, не они, а мы. Фотошопа тогда не было, скорее всего, на них напялили эти дурацкие поролоновые костюмы-псевдомышцы. На самом деле, они были тощие как глисты, в чём только душа держалась, видимо, анашу дули круглый день от рассвета до заката.

И вот мы ходим по району толпой, включивши эту голубую «Томь» на полную громкость, предварительно пыхнув для полного улёта. А в самых уматных местах что-то пыта-

емся подпевать, как дебилы. Пидзец картинка! Мы были реально клёвые пацаны, нас уважали. А как не уважать? Ни хья себе: кассетник, Гранфанк, штаны, да ещё под кайфом – оухеть! Какая там к чёрту пионерия-комсомолия? Не смешите. Вот это – ништяк тема!

Как раз в тот год вся школа переехала в новое здание, а из старой сделали интернат для детей с задержкой развития. Стала называться «дебильная школа».

В процессе жизни у меня прорезались некоторые таланты. Например, однажды учитель рисования показал мои художества кому-то из художественной школы, и меня пригласили туда учиться рисовать по-настоящему. Но прозанимался там недолго, мне было в лом ездить чёрт знает куда, в другой район, и заниматься там хернёй, как я считал, отработывая технику рисования. А родители особо не настаивали. Я как-то заметил, что они особо никогда ни на чём не настаивали, казалось, им было наплевать, чем я занимаюсь, как живу. Мне отец однажды поведал, что за ним вообще никакого присмотра или контроля не было. В деревнях всем навалить, чем занимаются дети, не до этого, дел по горло с огородом да свиньями. Дети растут как трава в поле, сами по себе, это считалось нормальным. Но теперь-то я понимаю, что так нельзя, должен быть жёсткий контроль, и побольше занять всяческими художественными школами, спортивными секциями и прочим говном, чтобы не оставалось времени на изучение действия марихуаны на человеческий мозг.

Вот вам мой пример, хотя бы. Плохой пацан Дуля научил курить травку, если бы родоки загрузили меня обязанностями с утра до вечера, этого не случилось бы. Я, может быть, стал космонавтом или великим футболистом, а так получился размандяй недоделанный.

На уроках вместо того, чтобы, раскрыв рот, слушать учителя, рисовал в специальной тетрадке всякую чушь. Помню один рисунок, до сих пор перед глазами стоит. Как-то раз Яцек притащил фотографию группы Queen. Шикарная картинка! Фредди со своим знаменитым микрофоном на переднем плане, сзади Тейлор с барабанами, еле видимый в темноте. Фредди ярко освещён прожектором, от микрофона световой блик. Классное чёрно-белое фото. Так вот, всё это я скопировал в тетрадку чёрной шариковой ручкой. Очень тонкая, ювелирная работа. Иногда нужно чуть-чуть касаться бумаги шариком, и к тому же исправить в случае ошибки невозможно: тушь, ничего с ней не сделать. Можно только дырку протереть, соплями потом не заклеишь. Получилось просто неотличимо от оригинала, наверно, после этого я и охладел к рисованию. Знаете, есть такой психологический казус: когда человек добьётся чего-то труднодостижимого, это становится ему не интересно.

В дальнейшем, во всех последующих местах обитания, оказывался в редколлегиях и, оформлял всяческие стенгазеты, новогодние поздравления и прочая херота, связанная с рисованием.

Вот ещё один талантишко. Однажды пошли с друзьями в бассейн, его как раз построили тогда. Платишь три рубля пятьдесят копеек в месяц и купаешься один час, три раза в неделю. В итоге тренер увидел мои оухительные плавательные навыки, развитые в Кировке с помощью «квача», и пригласил тренироваться в спортивную секцию. Как раз мои замечательные ноги, которые обосрала непутёвая акушерка, тут и пригодились. Я легко обгонял местных сраных чемпионов, которые потом вызывали меня в туалет и имели там со мной очень серьёзный разговор. Но когда узнавали, что я с «Квадрата», резко передумывали меня лупить, и мы расходились, пожав друг другу руки. Чуть позже какой-то подонок подрезал у меня ласты, ну, то есть своровал. Вот думаю: не их ли рук это дело?

«Квадратом» называли четыре дома на улице Горького, стоящих в форме квадрата, там проживала ужасно знаменитая шпана, гроза всего города, два брата близнеца. Но они были старше, я с ними совсем не якшался, разве только по башке от них получил пару раз. Так от них почти каждый на районе получил по затрещине, авторитет-то надо поддерживать. Короче говоря, проживание в квадрате было гарантией того, что в другом районе ты не получишь пидзюлей. Наверно, гниют сейчас эти близнецы где-нибудь на туберкулёзных нарах, если вообще живые. Ох, тяжела жизнь хулигана!

Прозанимался три года плаванием, выполнил норматив

на третий взрослый разряд и бросил. Осточертело всё это. Каждый день надо проплыть пять километров разными стилями, да не просто, а с нереальным напрягом. Тренер Василий Саныч следил по секундомеру, если начинаешь халювить – пидзел неимоверно, давил на психику. Плывёшь, как конь, эти бесконечные километры, из сил выбиваешься. Вода, блин, то горячая, то холодная как лёд, нервов не хватает. Знаете, одно дело плескаться с бабёнками в бассейне, дурака валять, и другое дело вот так жилы рвать. В общем, колебался я, ребята. Серьёзно! Думаю: «Ну-ка вас всех к чертям с вашим долбаным спортом! Плавать научился – и достаточно». Собрал свои вещички и свалил. Саныч потом приходил ко мне домой пару раз, рисовал радужные перспективы, олимпийские медали, титулы и всё такое. Но я не повёлся. Вообще, по жизни, если приму какое-то решение, то всё, кранты, назад ни ногой. Просто потеря времени. Это самая правильная политика. А Саныч мужик нормальный, дай бог ему здоровья.

Вот ещё кое-что. Спасибо господину Зингеру за его ловко сбацанную технику, не изнашивающуюся сотню лет. Все знают, что первый небоскрёб в Нью-Йорке построил именно он, разбогатев на швейных машинках. Он помог развить ещё один мой талант. Как я уже сказал, первую вещь я сшил в девять лет, это были опупенные, модные трусы-паруса, не постесняюсь сказать, номер один в Кировке. Ну, а потом пошло-поехало: шил штаны из всего, что подворачивалось

под руку. Однажды сляпал подделку под джинсы. Внешне их было не отличить; лейблы, штампованные пуговицы на ширинке, двойная строчка, всё как надо но, только они были лучше чем фирменные. Я их шил из оранжевого брезента – того, из которого на заводе у отца делали робу работягам, ну, сварщикам там, токарям. Ткань слегка вытиралась подобно джинсовой, поэтому было полное ощущение, что это настоящие джинсы, только такого эксклюзивно-оранжевого цвета.

Дуля, когда увидел их на мне, аж поперхнулся сигаркой, модник был страшный, даром что хулиган. Выпрашивал их у меня, мы ведь с ним одного роста. Мне так не хотелось с ними расставаться, в них я был в центре внимания, и вообще сидели на мне как влитые. Но всё-таки уступил по-корейски, он потом в них долго зажигал, пока совсем не развалились. Под конец вообще штаны шил за пару-тройку часов, все движения отработаны до автоматизма.

Добрался до рубашек. С ними сложнее, там с воротом проблемы. Помню, состряпал из старого отцовского болоньевого плаща шикарную рубашку, изнанкой наружу. Выглядела как лакированная тонкая кожа. Фасончик придумал сам, объёмные кармашки там, погончики и всё остальное. Когда народ увидел моё произведение – пораскрывали рты. Никто не верил, что сам сварганил. Дуля долго её клячил, но я не отдал, уж больно шикарная получилась вещица. Кто был не в курсе, думали – фирменная. Потом кепки разные, вельвет, кожа и прочее. Но всё это в школе. В конце кон-

цов бросил шить, не было времени, да и машинка под рукой не всегда. Сейчас, заходя в какойнибудь Остин или Глория якобы джинс, и видя тамошние страшные тряпки, мне становится неудобно за этих «дизайнеров», и я стараюсь поскорее уйти. Руки следует поотшибать за такое!

Да, чуть не забыл: сабо сварганил, тогда как раз была мода на эти штуки. Правда, саму деревянную платформу папик на заводе сделал, из дерева. Зато кожаный верх сам соорудил, с шикарнейшей пряжкой от старых маманиных сапог. Сабо получились просто оухительные, ну как не сматериться, извините, высота в каблуке – двенадцать сантиметров. Короче, модник был до мозга костей.

Думаю, как всё-таки в этой жизни важен случай. А если бы я продолжил шить и выучился на модельера? А если бы я продолжил плавать? А если бы получил художественное образование и навыки? Этими вещами мне заниматься нравилось, по большому счёту. Что было бы? Кем бы я стал? Володя Путин во время учёбы в институте попросился в КГБ, но его не взяли: «Маленький ещё, иди подрасти». Если бы про него забыли, он никогда не стал бы президентом, но его не забыли и однажды пригласили поработать на контору, доработался до президента нашей Раши.

Так к чему я всё это развёз? А, вот! Наблюдайте за собой или, если есть дети, то за ними. Разберитесь, к чему тянет, что лучше получается? Если что-то есть, не просирайте, как я, берегите это, развивайте. И оно вам принесёт в лучшем

случае известность, ну а в худшем – просто любимое дело, приносящее доход.

Но все эти талантишки я благополучно просрал, поступив учиться на механика судовых двигателей, и выучился именно на то, что не люблю и к чему у меня нет никаких способностей. Парадокс!

9 Отсечь всё лишнее.

Снова и снова продолжал влюбляться в девчонок, как ненормальный. В то время все они казались мне воплощением целомудрия и чистоты. Увидев более-менее симпатичную девчульку, я почему-то считал, что она скромна, прилежна, трудолюбива, добра, как дева Мария. Потом, позже выяснялось, что шикарные внешние данные не гарантируют шикарности её внутренних качеств. Иной раз под замечательной оболочкой скрывается такое говно, что просто не знаешь, куда бежать. Втихаря любил нескольких из своего класса, но общался со всеми примерно одинаково. Никого не выделял, понимал, что как только я попробую замутить с кем-нибудь, то остальные тут же отсекутся. Меня больше устраивало флиртовать со всеми.

А флиртовал так. Однажды из поролона вырезал нормальных таких размеров фаллос. Сделал, как советовал древний скульптор: взял кусок поролона – и отсёк всё лишнее. Постарался, конечно, напряг свои художественные способности, всё в деталях, как положено. Раскрасил гуашью в натураль-

ные цвета, так, что он стал неотличим от настоящего. Если его вложить в кулак, как бы вмять туда, то при ослаблении сжатия пальцев он начинал увеличиваться и вылезать из руки, превращаясь во вполне настоящий с виду половой орган. Это было в самом деле круто. Сначала я испробовал этот хуй на корешах, ребяташки были в диком восторге. Он выглядел настолько натурально, что вначале все решили, будто я действительно вытаскиваю свои собственные муди.

Потом перешёл на девчонок. Они, ещё неискушённые, совсем зелёные школьницы. Это сейчас в интернете хуёв сколько хочешь, порнушка там и всё такое. А в те времена ничего подобного не было. В лучшем случае, десять лет назад, в садике, могли видеть стрючок у какого-нибудь прибабахнутого соседа по раскладушке. А тут такой членище вылазит из штанов, прямо дракон. Ужас! Руку, естественно, во время опытов прикладывал к ширинке, эффект был потрясающий. Девки сначала в панике разбегались, но потом просили показать ещё.

Да, пошалили мы на славу. Кстати, это моё ноу-хау, больше нигде такого не видел ни до, ни после. Долго потом экспериментировали с этим членом в школе и на улице. Недалеко от школы как раз в это время построили Находкинский ГУМ, мы там продавщиц пугали. Впрочем, тех, наверно, такой фигнёй не напугать, только и мечтали об этом. Весёлые были ребята, что там сказать. В итоге, эту штуку отобрал Циклоп, он нам преподавал труд. У него по какой-то причи-

не был только один глаз, точнее, второй тоже был, но стеклянный, жуткий такой, который тупо смотрел в одну точку и не шевелился. Брр! Поэтому его так прозвали. Наверно, он в учительской отжигал с моим агрегатом, удивлял преподавателей. Но училки, скорее всего, не удивились, уже искушённые в таких делах.

Как-то раз с Мулей, то есть с Замориным Валеркой и Митькой делали у меня дома фотографии. Надо сказать, что делать фотки в то время было нелегко. Это сейчас у каждого тупня фотоаппарат, можно хоть год на флешку фотографировать, а потом сдать в проявку. А тогда у-у-у! Папин фотоаппарат «Зоркий 4», чудо советской техники. Только самые продвинутые имели фотик. В нём фотоплёнка, ровно 36 кадров, прежде чем нажать кнопку приходилось изрядно помозговать. Если начнёшь от фонаря щёлкать направо и налево, ничего не получится. Вначале продумать композицию, само собой, потом выставить ручную диафрагму и выдержку, в зависимости от освещённости. Диафрагма – это диаметр дырочки, через которую на плёнку падает свет. Всё просто, на самом деле: диаметр меньше – света меньше, и наоборот. Когда светит солнце, делаешь меньше, когда темно – делаешь больше. Выдержка тоже выполняет функцию ограничения попадаемого на плёнку потока света. Больше времени экспозиции – дольше дырка будет открыта, больше попадёт света, и наоборот, ничего сложного. Конечно, всё это на глазок, частенько ошибаешься в расчётах и, как правило,

из всех 36 кадров отлично получалось несколько, какая-то часть хреновато, ну и штук 10—15 совсем никак. Жесть! А бывает, вынакиваешься по полчаса, композицию там выстраиваешь и всё прочее, про что сейчас пояснял, а в итоге получаешь хрен на палочке. Ни одного нормального кадра, полное говно. Короче говоря, в то время фотографированием занимались настоящие герои.

Напечатать фотографии с отснятой плёнки тоже не так-то просто. Во-первых, надо иметь фотоувеличитель. Такой специальный закрытый фонарь, в прорезь которого вставляется плёнка. Иметь красный фонарь, ведь вся процедура фотопечати происходит в темноте, и чтобы что-то видеть включают красный свет. Проявитель, закрепитель, ванночки, глянецватель. Весь процесс обычно происходил в домашнем санузле, закрытом, дико закупоренном, чтобы не дай бог не засветить, сука, чёртовы драгоценные кадры. От всех этих ламп и закупоренной двери в галюне стояла сумасшедшая жара, температура градусов под пятьдесят. Печатаешь обычно не один, а с кем-нибудь, толпой надышим углекислотой, напердим сероводородом, вообще полный пидзец! Пот градом, ужас! Короче, задолбаешься пока сделаешь эти проклятые фотографии. Именно поэтому так мало было людей, желающих заниматься подобной лажей. Но мне нравилось, до сих пор у меня много фотографий той счастливой поры. Всё, конечно, оцифровано, как полагается.

Так вот, сидим мы в этой жести, шлёпаем фотки. Чу!

Кто-то щемится во входную дверь. Звонят... Снова звонят... Опять звонят... Проклятье! Только настроили процесс, неохота прерываться. Звонит какой-то лось, не понимает. Блин, надо вылезать! Открываю: стоит Нежига с подружкой, соседка с первого этажа, та ещё тёлочка. Старше на год, но почему-то предпочитала с нами зажигаться. Размандяйка ужасная, но грамотная до чёртиков, в смысле умная. Мозги у неё варили что надо. Да и сейчас варят, профессоршей стала во Владике, в Дальневосточной Академии Наук с трибуны не слезает. Её богу не вру.

Объяснил, что пацаны здесь, но выйти не можем, делом заняты. Она прорывается, сучка, типа тоже хочет участвовать в процессе фотопечати.

– Да куда ты ломишься!?! Там места нет! И без тебя тесно! – упёртая такая была, борзая. Кое-как её уболтал, попросил подождать, а у самого мысль созрела.

Пока девчонки ждали, мы сделали им сюрприз, типа подарочек необычный, на память. Изготовили теньевые фотки наших ялдаков. Всё предельно просто, суёшь член в поток света от фотоувеличителя так, чтобы тень попала на бумагу, и засвечиваешь. Но для уматности с этого негатива я делал позитив, приложив новый лист и засветив его сквозь негатив. После проявки и закрепления получается замечательный чёрный член, как у негра на чистейшем белом фоне, в натуральную величину. Надо было видеть эту картинку, три типа в красном свете фонаря вывалили свои пока ещё це-

ломудренные писюны, и дико выворачиваясь, чтобы достичь нужного ракурса, суют их под яркий луч света. Пот бежал ручьями, мы ржали как кони, комизм этой тупой ситуации нас здорово развеселил. Таким образом, сделали три изумительных хуя и передали девчонкам.

Вначале они не поверили, что это настоящие копии наших половых органов. Но когда Нежига прочухала сюжет, вот же хитрожолая сучонка, ещё пуще стала прорываться в чуланчик, хотела удостовериться, что это всё натуральное. Своими глазами увидеть, как три дегрода пихают свои изумительные муди в фотоувеличитель. Любила она с пацанами якшаться, мы это знали. Распидзайка страшная, но мы её уважали, уж больно умная была девчонка, это точно. И как в одном человеке могут уживаться такие противоречивые вещи?

10 Жизнь коротка.

Отец к тому времени стал изрядно закладывать за воротник. Видать, до него дошло, что жизнь коротка, а он просрал в долбаной армии восемь лет, да в тюрьме пять, самые продуктивные годы похерились. В институте ещё пять лет, тоже ничего хорошего не видел. Итого восемнадцать лет потратилось на чёрт знает что. Жизнь толком началась только в Находке. Подал прошение на восстановление в партии. Да куда там, отработанный материал, партии такие мудаки не нужны. На заводе получил должность заместителя начальника большого цеха. Но время упущено. Начальником завода –

его бывший ученик Карабанов, пока старик по тюрьмам да ссылкам болтался, у нормальных людей карьера пёрла. Как тут не забухать? В алкогольном дурмане ощущал себя увереннее. Дружки на заводе завелись, тоже алкашня, после работы в гараж, а там бухаловка. Приползал, конечно, на рогах.

А тёткам такие приколы не нравятся, отношения с женой, естественно, испортились. Хотя по пьянке он был миролюбив и неопасен. Если сильно набухивался, то просто сразу падал спать. Другие погром в квартирах учиняли или мордобой устраивали, а Лёшка просто засыпал, абсолютно никому не мешая. Только храпел ужасно. Маманя была из обычного теста, ей такое тоже не нравилось, и она устраивала жуткие разборки, доставала его всячески, хотя он её не трогал. Не слышал, чтобы отец когда-нибудь матерился по-настоящему. Самое ужасное ругательство, которое он использовал в такие моменты: «Дурочка ты, Нинка!» Вполне даже нежно. А она изгалялась напрочь, иной раз даже милицию вызывала. Его увозили в вытрезвитель, потом лишали премии. Зашибись, умный ход!

В семьдесят втором году купили тачку, «Жига» апельсинового цвета. Оухительный рывок. Круто! Жигули только-только появились. Вообще, автомобилей у народа было крайне мало, все нищета, голытьба подзаборная, зарплаты еле-еле хватает на жратву. От получки до получки дотягивали кое-как. Жига в те времена – то же самое, что сейчас Круз 200.

Если даже человек каким-то чудом умудрился накопить денег, купить машину просто так было невозможно. Надо отработать на предприятии много лет, зарекомендовать себя оголтелым строителем коммунизма, записаться в очередь и прождать ещё несколько лет. Да и гараж нужен, об автостоянках в те годы не слыхали. На улице оставить на ночь нельзя: утром, скорее всего, машины не будет. Об автосигнализациях тоже не слышали, а гараж хер купишь, они не продавались. Но Алексей Палладьич был хоть и пьянь, но не лох. Построил кооперативный гараж, скорее всего, чтобы там спокойно бухать, и вот теперь он пригодился. Аккурат на сопочке, за тем самым знаменитым нашим ГУМом. Как покупали машину? О! Это целая история.

11 Фунтиков.

В конце декабря он уехал куда-то вроде как на разведку. Разведка, насколько я понял, завершилась успехом. Папаня нашёл способ приобретения машины, минуя все эти советские преграды, говорю же – не лох. Теперь требовалось отвезти ему в Кировку деньги для покупки. Вопрос: а кто доставит деньги? Мамуся как бы работает, кто её отпустит? В Совдепии с этим было строго. Короче, всё сходилось на мне. Она собрала все деньги, какие были дома, заняла ещё где-то, получилось пять тысяч пятьсот рублей, советских нормальных рублей. Завернула все эти бумажки в простыню в виде пояса, обернула вокруг моего тела и застегнула

булавками. Чтобы было понятнее, в переводе на российские рубли двухтысячных годов это примерно миллион. Всё, конечно, относительно, но где-то так.

А мне в январе должно было стукнуть двенадцать годков. Или родители у меня были такие смелые, или я очень самостоятельный пацан, но как бы то ни было, именно мне доверили привезти этот миллион в Кировку, где в это время обретался отец, с нетерпением ожидая бабок для покупки четырёхколёсного друга. Предновогодняя суета и всё такое, билетов на тот поезд, которым мы обычно ездили, конечно же, не оказалось. Мамазя взяла билет через Владивосток, только надо было его там «перекомпасировать» и пересесть на другой поезд, следовавший в родную деревню. Приехал во Владивосток, «переколбасировал» билет. Удивительно! Первый раз был во Владике, и колбасировал первый раз, наверно, в самом деле, был смышлёный малец, никто меня этому не учил.

«П-а-а-аехали!» – сказал я, когда отчалили от Владивостокского вокзала, практически как Гагарин. Поезд оказался очень странный, наполовину багажные вагоны, наполовину пассажирские, в расписании его не было. Добавили, наверно, чтобы разгрузить систему. Вместо того, чтобы прибыть в Шмаковку ночью, как было всегда, этот странный паровоз приехал ближе к обеду. От Шмаковки до Кировки ещё на автобусе тилипаться километров двадцать пять. Вышел на своей станции. Лепота! Хорошо! Солнце светит, сугробы в рост

человеческий. В этих местах всегда так, снега зимой как грязи. Тишина! На улице никого. Народ сидит по избам, печку топят. Из труб дым столбом. И тут я нарисовался, обмотанный миллионом. Здравствуйте! Местный вокзал – это деревянная халабуда, только крыша из-за сугробов виднеется, и дымок из трубы. Пошёл узнать расписание автобуса.

– А хрен вы угадали, молодой человек! – сказал пузатый, красномордый дяденька в оухительной красной панамке с кокардой.

– Ждите. Ночью будет автобус! – И заулыбался коричневыми зубами. Всё-таки русский народ иногда бывает жутко гостеприимен. Похоже, этот парень, судя по цвету рожи, с утра уже накатило грамм пятьсот. Видно, начал праздновать хэппиньюеар.

Вот тебе на! Оказывается, автобус тут бывает раз в сутки, встречает единственный останавливающийся здесь в четыре часа ночи поезд. Этот паровоз и сейчас так ходит, чтоб ему провалиться, долбаный №671, Тихоокеанская – Совгавань. Почесал я в затылке, думай, Юрбан, думай, шевели рогом, мать твою! Да уж, мама учудила. Поплёлся я к трассе, должны ведь какие-то машины проезжать. Температура за бортом градусов 30, ясное дело – зима, резко континентальный климат, как раз проходили недавно по географии. Давай закрепим сейчас знания на практике.

Промчались на раздроченном мотоцикле пьяные деревенские хлопцы, воняя бензином и что-то крича. Как бы не про-

студились ребята, разве можно на таком морозе так широко раскрывать рот!

Знали бы они, что тут на дороге миллион практически ничейный стоит – не так бы заверещали. Из-за сугробов показался грузовик. Стою, размышляю – остановить или не стоит? Пока думал, автомобиль выехал на шоссе.

Блин...

А это ещё что!?

Еле увернулся. Из кузова, чуть не задев мой мыслящий череп, вывалился прямоугольник замороженной рыбы и, пролетев со свистом мимо меня, врезался в сугроб. Хотел его взять с собой, но, подумав, решил не трогать. Одинокый пацан, обмотанный миллионом, да ещё с блоком замороженной камбалы под мышкой – это слишком. Даже для России. Конечно, если бы не бабло, обязательно взял бы. Хозяйственный был мальчик, бабушкино воспитание. До сих пор не выношу, когда выбрасывают хорошие продукты, а в далёком Занзибаре, может быть, в это время от голода погибает мальчик, который мог бы стать знаменитым артистом.

Потихоньку начал зябнуть. Здесь народ зимой в валенках зажигает, все поголовно, а я в ботиночках стою. Сразу видно, городской фраерок. Из снега вынырнул «Уазик». Надо что-то решать, замёрзну нахер тут, возле камбалы. Поднимаю руку. Лайба остановилась. В окошко высунулась сморщенная, как жопа у слона, рожа. Кстати, у всех матёрых шоферюг почему-то рожи одинаковые, высохшие и сморщенные. Вижу,

водила уже под мухой. Да что за дела, они все тут уже начали праздновать, что ли?

– Дяденька, мне бы до Кировки.

– Залазь, моряк, не стесняйся. Мигом домчим! «Блин, остряк. Домчишь ты, в канаву ближайшую. И с чего он взял, что я моряк?»

Помчал, как и обещал, нормально, в меру быстро. По дороге выяснилось, что он знает моего папаню, и что они вообще какие-то кисельные родственники, через троюродных сестёр. В этих местах через пятое колено все родственники. Пока ехали, чуть ли не всю свою биографию успел рассказать. Нормальный мужичок оказался.

Приехали, а они тут все сидят офигевшие. Мало того, что внук пропал (они меня ночью встречали, оказывается), так ещё с кучей денег. В Израиль, вроде как, не должен сбежать, пионер ведь. Да и граница на надёжном замке, хотя идея хорошая! Выходит, всё, кранты, грохнули Юрку неизвестные злодеи, завладели богатством. Ладно, не буду описывать всё это нечеловеческое ликование по поводу моего чудесного воскресения. Чуть не раздавили в объятиях. Раздели, размотали миллион. Усадили возле печки отогреваться. Деньжищи разложили на столе, удивляются, сроду такой кучи бабла не видели.

Оказывается, документы на машину уже оформили, надо было только оплатить. Бумаги были на имя Фунтикова, я ничего не понял в этих маклях, папа что-то объяснял про дове-

ренность, но я так и не въехал. Шибко сложная комбинация. Да это и не важно!

Главное, что машина теперь у нас в кармане. Изумительного оранжевого цвета. После всего, не помню даже, как до Находки добирались, переволновался, наверно. Совсем ничего не помню. Зато в Находке папа произвёл фурор своим появлением. Это были чуть ли не первые «Жигули» в городе, тут у всех «Москвичи» да «Жопарики» сратые. А у Палладича такое апельсиновое чудо. Пацаны на районе меня ещё больше зауважали.

12 Таракан.

Но в следующем году помер дед Палладий, царство ему небесное, и мои летние вояжи в Кировку прекратились. Только один раз приезжали с отцом на машине, и жили на природе в палатке, недалеко от паромной переправы. В том месте сейчас мост через Уссури. Удовольствия мало, комарья там дикое количество, мне чуть всю кровь не высосали. Если бы не машина, точно загнулся бы. Днем отец навещал всех своих кировских кентов, они собирались и бухали весь день за разговорами. Надо сказать, рассказчики все были отменные, пидзели – заслушаешься. В конце, когда уже все были в лёжку, я развозил их по домам. Мне было тринадцать лет. Но, правда, старикан сидел на соседнем сиденье, пьяный в ноль, и держался за ручной тормоз, на всякий случай. Гаишников там никаких нет и в помине, или сидели

в это время, бухали тоже где-нибудь. Расея, мать её!

Потом папа, вырубленный, спал в палатке, а я, не будь дурак, гонял на тачке по лесным дорожкам, пока ему там снились мамины вареники. Так и научился управлять железным конём. Почему-то все пацаны обожают гонять на тачках, а девчонки любят шоколадки хавать или нюхать духи с этих белых бумажных полосок. Странно!

В девятом классе у нас появились новички, девчонки и один парень. Юрка Широков, иначе просто Ширик. Он разбил вдребезги тот уютный мирок, в котором я так удобно устроился. Всегда считал себя вполне успешным и интересным парнягой. До его появления был в классе, как бы, лучшим по учёбе, среди парней, конечно. Не то чтобы отличником был или каким-то особо одарённым, но учителя со мной считались, находился я среди любимчиков, нервы им особо не мотал, как другие. И тут появляется Ширик со своим шикарным мозгом. В математику он врбался со страшной силой, а также в физику, химию, и вообще паренёк был коммуникабельный, быстро со всеми, с кем нужно, сошёлся. Както резко вклинился в нашу компанию и по авторитету потеснил Бреню. Память у него была исключительная, из «Двенадцати стульев» наизусть помнил здоровенные смешные места. С юмором у него тоже было всё в порядке. Имел все качества, необходимые для лидера. И, конечно, стал любимчиком учителей, особенно математики и физики.

Эти проклятые задачи по физике он щёлкал моменталь-

но. А у меня с физикой были особенно дерьмовые отношения. Бывало, сижу как овца, ни хрена не могу сообразить, а он уже всё сделал. Одно утешение – по геометрии у меня всё-таки было лучше. И на том господу богу спасибо, что не полностью обосрался! Раньше я жил в своём уютном гнёздышке, ограниченном стенами класса, и был доволен существующим положением, просто не с чем было сравнить. Узнав Ширика, понял, какой я всё-таки недоделанный. Косноязычен страшно, убедить никого ни в чём толком не могу. Лидерские способности напрочь отсутствуют, память никакая, элементарных вещей запомнить не могу. Застенчивый до маразма, публичных выступлений пугаюсь как огня. Девчонки быстренько переключились на него, да что там говорить – Юрка был просто обаяшка. За словом в карман не лез, ну и всё такое прочее. Короче, на фоне его я стал выглядеть бледновато. Одна из новеньких девчонок мне очень приглянулась. Миниатюрная такая принцесска, ну просто прелесть! Очень понравилась, сучка. Эх, мне б такую женщину!

Как раз подвернулся подходящий случай познакомиться с ней поближе. Всем классом пошли в поход с ночёвкой, куда-то в пригород. Пока я там сопли жевал со своей сраной застенчивостью, Ширик и тут опередил. Оказался с ней на ночь в палатке тет-а-тет и разрушил ей девичью гордость. Вот гадёныш! Если бы я с ней замутил чего-нибудь, то не так радикально, в лучшем случае поцелуйчики там да обжимания при луне. А Ширик фуганул всё и сразу, нахрена так

делать? Тут школа, учиться надо, знания впитывать, какой нафиг секс? Мозги ещё не окрепли как следует, а он баб ки- нулся трахать, как будто с дикого края приехал! Вот такой сука был, максималист долбаный.

Больше всего меня огорчала моя память, а точнее, хрено- вая способность запоминать некоторые вещи. Например, на- звания музыкальных групп и фамилии музыкантов, да вооб- ще, любые фамилии. В нужный момент я ни черта не мог вспомнить, меня это жутко бесило. Вот даже сейчас, не могу вспомнить фамилию этой, как её? Ну, блин, «Пять минут, пять минут»! Да как же её? А! Вот! Гурченко. Даже ассоци- ативное мышление не помогает, ну к чему привязать такое дурацкое сочетание звуков? В споре или разговоре не нахо- дил вовремя нужных слов, аргументов, просто беда. Потом, гораздо позже, всё, что надо, приходит в голову, только оно уже нахер не нужно, Бобик сдох. Поэтому мне удобнее ар- гументировать на бумаге в спокойной обстановке. Хотя зри- тельная память прекрасная, вот за счёт её я опережал Ши- рика по геометрии, видно, у него с этим было не очень.

Да вот вам случай для примера. Однажды положил в ав- томатическую камеру хранения на вокзале вещи и забыл но- мер ячейки. А этих дурацких ячеек там было ну очень много, весь цокольный этаж Владивостокского вокзала был ими за- бит под завязку. Положил спросонья, утренний поезд из На- ходки приходит очень рано, не успеваешь выспаться. Забыл напрочь. Ходили потом с этим придурковатым дежурным

по вокзалу, тыкались в разные дверцы, пока он не послал меня к чёрту: «Вспоминай! Я тут тебе не мальчик бегать!»

И что делать? Стал я вспоминать своей страной черепушкой. И представьте себе, вспомнил. Благодаря огромному таракану. Раньше на вокзале было море тараканов: Совдепия, мать её!

Сiju на лавке, мимо по полу по своим тараканьим делам пробегает таракан. Да наглый такой, прямо возле ноги пробежал, совсем не боится. Прихлопнуть его мог одной левой. Да уже и собрался это сделать, но тут у меня прорезалась память. Когда ложил своё барахлишко в камеру, по стене пробежал такой же таракан, я это видел боковым зрением. А вместе с тараканом в башке отпечатались и особенности стены, ну там цвет краски, облупленности разные, трещины, и расстояние до стены. Пошёл я по этому помещению уже с картинкой в башке, и нашёл. С тех пор у меня нормальное отношение к тараканам, тоже ведь божьи твари, тоже жить хотят. А то, что какают где попало – так ведь им никто не объяснял, что это плохо

Если нужно запомнить, например, автомобиль, даже не буду пытаться с помощью его номера. Нахожу какое-нибудь повреждение на кузове, форму дисков и прочий мелкий, но важный навоз, фотографирую в мозг – и порядочек. У какого-то разведчика, его фамилию, конечно, не помню, была настолько оухительная память, что ему не надо было даже фотографировать документы: увидев мельком страни-

цы, он мог потом воспроизвести всю эту хренатень с текстом и чертежами лучше всякого ксерокса. Зашибись!

У меня не настолько шикарно, но кое-что умею. Помните, писал про картинки из детства, так это чистая правда, всё это у меня в башке в мелких деталях. Тот бешеный петух бежал вдоль поленницы дров, из-под которой пробивалась ярко зелёная травка. А те подошвы валенок – именно в свете фонарей на фоне медленно падающих снежинок. Слава богу, я такой не один, уже потом, гораздо позже, читал Мишеля Монтеня и умилялся, насколько мы с ним похожи. У него память тоже была дерьмовая, ходил с записками в руке, чтобы не забыть, что хотел сделать. Обожаю Монтеня, парень жил пятьсот лет назад, а почитаешь – будто сегодня.

13 Утро начинается с Рассвета.

После окончания девятого класса, отец устроил меня к себе в цех плотником какого-то там разряда. Не зря, выходит, я родился в Лесозаводске. Как раз на заводе у отца и началась моя грёбаная трудовая биография. Сам завод – это кошмарная жесьть, даже в упрощённом советском варианте, со всеми этими дырами в заборах, с распидзайской ВОХРовой охраной и системой труда, далеко не потогонной.

Деньги мне нужны были позарез. Правда, я колебался, на что их потом потратить. То ли на мотоцикл «Восход», мечту каждого рокера. В то время байкеров называли рокерами, а ездить на мотоцикле – значит, рокерить. Нормально?

То ли на магнитофон Маяк-202. Это всё, что было по части ассортимента. Совдепия, что с неё взять? Поэтому я согласился на жестокое папино требование – состричь свои кудри. Для меня это был страшный удар по самолюбию. Как же так? Все нормальные парняги ходят патлатые, а я буду как лошара, аккуратно пострижен. Тьфу, дерьмо!

Но выбора нет – или мотоцикл, или ни хрена. Взял ножницы и обкарнал свои изумительные, выющиеся, как у Жюльена Сореля, чёрные-пречёрные волосы.

Да! Я часто стригу себя сам, на это есть несколько причин. Не хочу, чтобы стригла какая-нибудь страшная шмара, это не очень приятно. А симпатичных в то время среди парикмахерш было не так много, в основном толстопузые, злобные тётки. И ещё приходится долго объяснять, что хочу иметь на голове в результате стрижки, и всё равно эти ляры, как правило, всё портили. К тому же, они так долго это делают, зачем-то одну волосинку укорачивают по нескольку раз, пока добьются нужной длинны. То ли боятся срезать лишнее, то ли специально тянут время, чтобы показать – вот, мол, какое оухительно сложное искусство – стричь! Вот, мол, какая я охрененная специалистка! Просидишь там битый час, заснув и проснувшись десяток раз, и уйдёшь в итоге с безнадёжно испорченным бубном и охапкой обрезков волос за шиворотом. Другое дело, если бабёнка попадётся симпатная да сисястая. Буферами своими как начнёт елозить перед носом, так бы и вцепился зубами. Уходишь, бывало,

с болями в яйцах, не приведи господи. Тоже ничего хорошего. Короче, в парикмахерских я редкий гость.

Стою перед зеркалом в ванной, обрезаю свои шикарные локоны, кидаю их в унитаз, и так мне стало себя жалко, аж слёзы навернулись. Я плакал как лось, навзрыд. «Чудесные вы мои, дорогие волосики, как же я без вас?» Теперь-то понимаю, что это были символические слёзы. Просто закончилось детство, и я вступал во взрослую, жестокую и ублюдочную жизнь, где придётся подстраиваться, где меня будут ломать. Придётся лизать чьи-то жопы, хотя я не любитель лизания чужих жоп. Соглашаться с разными подонками, выполнять какие-нибудь глупые приказы туповатых начальников. Убегать от налоговой полиции, прятаться от доморощенных мафиков и прочая херня. До этой исторической стрижки я был свободен как фанера, особо никому не подчинялся и не подстраивался ни под кого.

Родители не трогали, учителя благоволили, одноклассники уважали, одноклассницы местами любили. После пришлось перестраиваться, отвыкать от этакой халявы и доказывать окружающим, что ты дееспособен и тебе позволено вдохнуть свою порцию кислорода.

На заводе всё по гудку. Такой же, как у паровоза, только мощнее в сто раз. Если близко стоять, можно оглохнуть к чертям. В восемь утра гудит как сумасшедший, типа «Хватит спать! Вставайте, вонючие строители коммунизма, пора впахивать!» Если во время гудка ты находишься ещё

не на территории завода, на проходную лучше не соваться. Там какие-нибудь правильные пиджюки с повязками на рукаве палят всех, кто опоздал, а потом тебя за это лишают премии. В конце своей заводской карьеры я не ходил через проходную, сразу шёл к любимой дырке в заборе, так было проще и спокойнее. Следующий гудок в двенадцать часов – обед, мать его! Все работяги, как потерпевшие, косяком прут в столовую. Грязные, замызганные, в своих засраных робах. Зрелище, надо сказать, жутковатое, помните фильм про живых мертвецов, вот так примерно всё это выглядит. Все перепачканные в говно. Слесари в мазуте с ног до головы, руки, лицо, даже уши у некоторых перемазаны мазутом, бля, с одежды аж капает! Как они умудрились так засираться? Хрен его знает.

Морды у мужиков, которые отчищают борта судна от ракушек и ржавчины, покрыты сантиметровым слоем ржавчины, вперемешку с ракушечной пылью. Работа у них ну очень пыльная. Специальная турбинка, работающая на сжатом воздухе, весит килограмм десять. Жужжит и скрежешет по металлу с таким паскудным звуком, что мертвецы поднялись бы из могил. Ржавая пыль стоит столбом, самого чувака почти не видно в туче этого дерьма, и так восемь часов подряд. Респираторы и очки не спасают, но зато за вредность дают молоко. Ни хрена себе, какое счастье! Лучше бы водяры наливали, как на фронте. Но ребятам, похоже, мало этого навоза, вместо того чтобы подышать нормальным, чистым

воздухом в перерыве, тут же пихают в рот сигарку и дымят похлеще Титаника. Мать вашу, лучше бы лёгкие свои засранные провентилировали!

Сварщики тоже прокопченные неслабо, чёрные, зловонные, как будто вылезли из преисподней. И вот вся эта блоть несётся на обед, как стадо обезумевших бизонов. Быстренько проглотив жратву, бегут обратно, туда, где работают, и падают спать. Картинка, как будто после ядерного облучения. Там и тут валяются замызганные типы, на досках, на железе, просто на земле, в разных позах, жуть. Двадцать минут здорового сна, и снилось им светлое и чистое коммунистическое будущее, каждому, сука, по потребностям. Ну-ну! Скорее всего, парняги бухали каждую ночь до утра, как кони. Им хотя бы малость покемарить, чтобы совсем с ума не сойти.

Поскольку я работал плотником, то был не сильно зачухан. Плотники на заводе как бы чистюли. Им негде особо пачкаться. Работа с деревом – это благородно. Можно сказать, плотники – это белая кость. Потом гудок с обеда, с заспанными репами все разбрёдаются по рабочим местам. А суть именно моей работы заключалась в следующем.

Завод ремонтирует гигантские пароходы, а между делом изготавливает небольшие пассажирские судёнышки. Не такие уж они маленькие, на глазок примерно водоизмещением около 500—700 тонн. Длиной метров пятьдесят, вместительностью двести-триста пассажиров. Корабль, естественно, железный, но вся внутренняя хренотень делается из дере-

ва и его производных. Теплоизоляция корпуса, мебель, двери и прочее, прочее, всё деревянное. Думаете, почему корабли горят? А вот как раз поэтому. На самом деле корабль – это большая металлическая ёмкость, в которую напихано много первосортных, высушенных дров и пластмассы. Было бы странно, если бы всё это плохо горело. А для улучшения горения добавлена ещё солярка. Ну вот, костёр готов, можно выходить в море.

Так что, для плотника на строящемся судне работы до хрена и больше. Приходим с утра, естественно, у работяг болит башка после вчерашнего. Вчера они накатывали водяру, это как правило. Кажется, ребята работают только для того, чтобы были монеты на бухло. Если бы они бросили пить, то зачем тогда вообще работать? Ищут гонца с утреча. Кого? Понятно, самого молодого. А это я. Даже не стеснялись, что их начальник – мой отец, ведь я мог всех сдать с потрохами. За выпивку на рабочем месте наказывали жестоко, могли уволить запросто. Конечно, я их не сдавал.

Была такая шутка, которая их страшно веселила. Через дорогу от завода находился большой гастроном с названием «Рассвет». А в то время часто крутили по радио песенку с таким текстом: «Утро начинается с рассвета, с рассвета, с рассвета!»

Так вот, напевая эту песенку, ребята вручали мне кучку мятых рублей. Я торпедой гнал через любимую дырку, напрямиком в этот чёртов «Рассвет». Продавцы моим возрастом

не интересовались, тем более, что я был в рабочей одежде, значит, всё нормально, значит, взрослый. А то, что работяга должен находиться на работе с утра, а не стоять в очереди за алкоголем – на это им было насрать. Короче говоря, рабочий класс с моей помощью поправлял башку, и приступал непосредственно к работе.

Наша задача – подготовить судно к утеплению изолировщиками, и после зашить всё это фанерой. Пароход ещё можно сравнить с плавающим домом. Снаружи иногда воздух бывает тридцать градусов с минусом или плюсом, вода до минус пяти. Все ведь знают, что солёная вода замерзает не при нуле, как пресная, а ниже, поэтому, чтобы экипаж не сварился заживо или не замёрз, корпус требуется покрыть теплоизоляцией. Борта сплошь покрыты штырями с резьбой, ровными рядами, сверху вниз. Вот на эти штыри мы должны прикрепить гайками деревянный брусоч, потом приходят изолировщики, пихают плотненько свою говённую стекловату. Ох и дерьмо эта стекловата. Премерзкая штука, после проклятых изолировщиков её остаётся большое количество в виде кусков, кусочков, совсем маленьких шматиков и просто стеклянной пыли. Поработав среди этой параша, потом чешешься как шелудивый пёс, даже душ не помогает. Как тут не выпить рюмочку?

Конечно, я был сопляк ещё, и мне особо ответственной работы не доверяли, но в конце карьеры плотника вполне освоил все эти воздушные дрели, ножовки, отвёртки и про-

чую лабуду. Все инструменты почему-то работали на сжатом воздухе, наверно, так безопаснее, чтобы током не ударило. Те, кто это проектировал, учли также, что работяги будут работать в нетрезвом виде. И к тому же, если бы всё это было электрическое, то инструменты наверняка растащили бы хозяйственные хлопцы. А хлопцы были очень хозяйственные, сомнений нет.

В общем, худо-бедно, потихоньку мы работали в не совсем трезвом виде, создавая для великой Родины пассажирский теплоход с гордым именем «Анатолий Варакин». Кто такой этот Толян? Чёрт его знает, наверно, кто-то из местных. Поначалу меня всё это шибко прикалывало, а потом постепенно стало надоедать. Какой-то день сурка получался. Каждый день как один день, всё по расписанию.

Гудок – дырка.

Рубли – «Рассвет».

Сверлилово – пилилово.

Гудок – жрачка.

Гудок – пахота.

Гудок – домой.

Под конец эта хрень стала меня просто стервенить. Теперь я знаю, почему пролетарии бухают каждый день. От такой безысходности, такого тоскливого существования можно сойти с ума, спасёт только алкоголь.

На первый взгляд кажется, что работяги – тупые ограниченные маргиналы, но это не так, видели бы вы, как они вир-

туозно играют в домино. Раньше я считал эту игру чрезвычайно глупой, чисто для недалёких упырей. Ан, нет! Я, кстати, так и не смог сравняться с ними в умении стучать костяшками, с моей памятью там ловить нечего. Когда с ними играешь, полное ощущение, что противник видит твои кости насквозь, ложит камень именно такой, которого у тебя нет. На самом деле всё просто: надо помнить, кто что выложил, вычислить, что осталось на руках, и сделать соответствующий ход.

14 Shirt.

Ещё немного, и забухал бы вместе с ними, но, слава богу, лето кончилось. Пока на заводе упражнялся в беге за бухаловкой, все мои одноклассники прошли летнюю практику. В Советском Союзе иногда так зашифровывали действия словами, что вообще не понять, что это означает. На самом деле, «летняя практика» – это просто поездка в колхоз убирать картошку. Знаем, как это делается! На класс выделяется грядка опупенной длины, до горизонта и даже дальше. Кто быстрее уберёт эту проклятую грядку – тот молодец, того похвалят. Ништяк! Помните мультик: «Кто похвалит меня лучше всех, тот получит большую, сладкую конфету»? Чтобы увеличить скорость продвижения к горизонту, ребята собирали картофан, лежащий на поверхности, а тот, который был частично в грунте, забивали ногой обратно в землю-матушку, пусть дозревает. В итоге от всей картохи собиралось

процентов тридцать. Бывал я в колхозах.

Становится понятно, почему в Совдепии было так хреново с продуктами – миллионы школьников их просто-напросто уничтожали. Вдобавок ещё этой картошкой кидались как болваны, а потом складывали в общие мешки. Естественно, битая бульба начинала гнить и заражала соседние клубни, в итоге до магазина доходило хер да маленько. Всем до лампочки, всё равно почти каждая советская семья выращивала картофан на своём огороде.

Практика чёртова, мать её! Меня потом на комсомольском собрании гнобили, как будто я американский шпион, грозились пнуть из школы, но в итоге объявили выговор и заклеямили врагом народа за отлынивание от выполнения указаний коммунистической грёбаной партии об обеспечении строителей чёртового коммунизма продуктами долбанного питания. Сука, как я был зол! Я пожертвовал своей восхитительной причёской, своими чудесными битловскими патлами, я вкалывал от гудка до гудка на этом сумасшедшем заводе, пока вы запихивали картошку обратно в землю!

Там, в сраном трюме, гробил свои лёгкие стекловатной пылью, снабжал работяг лекарствами, даже иногда ранил свои интеллигентские нежные ручонки этими чёртовыми инструментами. Можно сказать, кровь проливал в борьбе за увеличение транспортного флота империи. Кстати, этот блядский «Варакин» до недавних пор бороздил воды залива «Золотой Рог», я самолично на нём неоднократно пла-

вал пассажиром. Хотя, вполне возможно, что сейчас его уже скоммуниздили какие-нибудь владивостокские мафики, бывшие комсомольцы, да продали в Индию на металлолом или ещё куда. Владивосток – это ведь город мафиков, российский аналог Чикаго.

Как мне хотелось вскочить, схватить что-нибудь потяжелее, да разнести всё вокруг в щепки, а педерастическому председателю этой скотской, комсомольской банды раскрыть череп до основания. Понятно, что я этого не сделал. Стоял, потупив головёнку, как лошара, и размазывая сопли раскаяния по лицу. Уж очень хотелось закончить школу.

В итоге этой заводской мудалистики я заработал ровно триста рублей. Какая-то подозрительная сумма, думаю сейчас, бухгалтерия – сложная штука, и чтобы получилась такая ровная сумма, надо было попердеть над вычислениями. Скорее всего, меня там слегка обули насчёт монет. Да ладно, дело прошлое, в суд подавать не буду.

Триста колов! Для школьника, вроде меня, это опупенные деньги. Мотоциклет, конечно, сразу отпал, при всех плюсах, минусы весомее. То, что можно бабёнок катать по району, это, несомненно, плюс. Вот, собственно, и все плюсы. А минусов до хрена. Этот конь железный питается бензином, бензин стоит нехилых денег, а денег нет. Не будешь ведь катать девок за деньги, чтобы окупить предприятие. И потом, от этих чёртовых рокеров воняло бензином за два километра, потому что они беспрерывно чинили свои тачки, руки

у них постоянно в мазуте, под ногтями чернота. Не готов я к такому! У «Восхода» без конца что-нибудь ломалось, да вообще любая техника, сделанная в Совдепии – говно полное.

Сейчас мало что изменилось, точно такая же лажа. У тёлочек-рокерш, которых катали мальчуганы, титьки бензиновым духом были насквозь пропитаны, не будешь ведь рукавицы надевать каждый раз, когда хочется их потискать. И к тому же, если сел на байк, лучше с него не слезать, даже небольшая отлучка, отлить, например, может привести к тому, что его стырят. Мотоциклы у всех были деланные-переделанные или собранные с разного мотоциклетного хлама. Жопу специально задирали до неба, а руль ставили самопальный, выгнутый из трубы, невообразимой конфигурации «а-ля Ангелы Ада». Катались без номеров, прав всё равно ни у кого не было. У нас в классе только один Новосёл был рокером, шибло от него, как от сломанной керосинки.

Короче, тщательно всё взвесив, пришёл к выводу: «Нахер этот мотоцикл, музыка лучше», и купил на заработанные бабки магнитофон. Здесь особого выбора тоже не было. Самый продвинутый на тот момент был «Маяк-202». Тяжеленная, здоровенная бандура. Звуковой носитель – магнитная лента. Лента намотана на такие большие бобины. Эх, красота! Но звук был монофонический. В то время стерео в России только-только зарождалось. Если разобраться, этот мафон – такое говно, но для начинающего меломана сойдёт и такой.

Ширик, поганец, и здесь переплюнул всех – ему старики подарили «Орбиту-202». Ребята, это совсем другой уровень: с колонками, сука, стерео... или даже quadro, что-то я подзабыл. Да и хрен с ним!

Что касается музыки, как я уже говорил, слушали исключительно закордонную, нормальную, а не советскую красную пропаганду. Не буду подробно рассказывать, что конкретно слушали, на это надо потратить много времени и бумаги, но скажу одно: «Queen» – это супергруппа всех времён. Вот сколько у них песен, практически столько и хитов. Очень трудно найти что-нибудь слабое, клянусь. Сколько я живу на свете, столько и наслаждаюсь песнями этой замечательной группы. Не буду тут распинаться в похвальбах, зайдите в интернет и сами почитайте всё, что найдёте.

Интересно, что «Битлз» как-то среди нашей братии не котировался. Даже странно, тут все уши прожужжали этими долбаными битлами. Хотите моё мнение? Я, конечно, не композитор и не музыкальный критик, но, выражая мнение всех своих кентов-меломанов, скажу: «Битлз» – это качественная колыбельная музыка. Под этакую хренотень хорошо засыпать. Нет ритма, нет драйва, ну, может быть, за исключением некоторых вещей. В общем, скукота, не зажигает, просто надутый, распиареный журналистами пузырь. Вот сейчас сидел, пытался вспомнить какую-нибудь стоящую мелодию – борода, ничего не приходит в голову. А чтобы сочинить такую хрень, как «Жёлтая Лодка», нужно просто ду-

нуть хорошую самокрутку, что, видимо, и было сделано. Всё! Хватит. И так уделил им много внимания.

Джексон, конечно, перень был заводной, рулил уматно, но жалко, что без царя в голове, через то и погиб. Я реально чуть не всплакнул, когда он дуба нарезал. Помню стервеца ещё по «Jackson 5», классно пищал, гадёныш! Но теперь его нет, и настоящая музыка умерла. Как я понял, всякие халявщики от шоу-биза будут теперь бесконечно перепевать и переделывать всё, что уже создано, как те сраные рокеры переделывали свои байки.

Как раз в этом году проходили олимпийские игры в Инсбруке. Народ прилип к телевизорам, как с ума все походили, увидели шикарную заграницу. Красивые олимпийцы в этих восхитительных костюмах. Обалденные расписные лыжи и прочее, прочее.

Если идти по улице Горького в Находке вверх, в конце начинается довольно крутая сопка. Там мы облюбовали себе лыжную трассу, и круглый день гоняли на лыжах, какая нафиг учёба? Лыжи у всех были страшенькие, советские. Вы, надеюсь, не забыли, что ваш трудолюбивый повествователь - не какая-нибудь серая мышка, а опупенный художник, практически Дали.

Взял в руки кисточку и выкрасил свои старые, облезлые лыжи в кроваво-красный цвет. Порылся в папином гардеробе и срисовал красивую надпись с этикетки, которая пришита у воротника рубашки. Вырезал трафарет, там было

большими буквами главное слово и мелкими какой-то текст. Я не стал вникать, главное, что всё было красиво. Нашлёпал всё это на лыжи. Вы не поверите: получилось лучше, чем в телевизоре, там ведь всё чёрно-белое.

На следующий день был боссом на этой занюханной трассе. Все подбегали, интересовались, где я урвал такую фантастику. Естественно, не стал разочаровывать, что сам сляпал – якобы, папе привезли из Японии. Как тогда на пляже в Кировке, снова оказался в центре внимания. У меня их просили покататься, просили продать, наверняка хотели украсть, но я был на стрёме.

И самое смешное, выяснилось, что я допустил очень глупый ляп. Красивая надпись большими буквами выглядела так: «SHIRT» – в переводе с английского «рубашка». Конфуз капитальный! То есть получается, что я катался на лыжах с надписью: «РУБАШКА. Стирать только в тёплой воде с порошком». Как-то так. Это был выпускной класс, через полгода я сдал экзамен по английскому на пять. Можете представить уровень моих знаний? Но никто не заметил этой тупости, и я продолжал поражать народ своими заграничными японскими лыжами.

15 Прорыв будет.

Играли на деньги в игру с коротким названием «Чу». Дуля хоть был и тупень несусветный, но в эту хрень играл виртуозно. Вообще, я заметил: у тупней, как правило, очень хоро-

шо развит вестибулярный аппарат и хорошая реакция. Как раз эти способности необходимы для успеха в подобных играх. Суть такова: встречаются двое с деньгами, можно и трое, можно и больше. Зачинщик протягивает деньги, только мелочь, зажатую в кулаке, и говорит: «Чу!» Все, кто участвует, тоже держат какое-то количество денег в кулаке. Потом считают, у кого больше – тот начинает первым. Вся эта мелочь ставится стопкой на ладонь, надо подбросить и поймать обратной стороной ладони. Это очень трудно, поверьте мне. Поверхность не гладкая, там костяшки и прочее. Потом всё это надо ещё раз подбросить и поймать в кулак, ничего не уронив.

Если хоть одна монета упала в процессе, который я описал, то играет следующий, у которого было меньше денег. И так далее, до тех пор, пока кто-то не выиграет, поймав все монеты. Позже игра усложнилась, деньги стали складывать в две стопки, ловить надо было эти две стопки в два приёма. Называлось «Двойное Чу». Потом тройное, четвертное и даже пятерное. Вот попробуйте последовательно поймать подкинутые две монеты, вряд ли у вас получится с первого раза. Умение достигается многочасовыми тренировками.

Постепенно игра ещё больше усложнилась, монеты ставились на ребро ладони в одну стопку, но, подбрасывая, надо было сделать так, чтобы стопка в полёте раздвинулась на две или три кучки. Выходило, что подбросив одну, на руку приземлялись уже три стопки. Это было «тройное раздвижное

Чу». У меня до сих пор, хотя прошло много лет, остался навык игры, четвертное ловлю легко. И вот, как только выдавалось свободное время, мы долбились в это дурацкое «Чу». Как с ума все походили! Как только встречались с утра, вместо здравствуй, сразу – «Чу!» – и погнались монеты бросать до вечера. Но у меня получалось так себе, Дулину я всегда проигрывал. У этого говнюка постоянно карманы были набиты выигранной мелочью. Играл он великолепно, это факт. Случалось, все выигранные за день деньги вечером быстро оказывались в больших карманах окаянного Дули.

В девятом-десятом классах дружки стали обзаводиться своими барышнями, не избежал и я этой участи. Даже не помню, при каких обстоятельствах мы познакомились и с чего всё началось. Наверно, где-нибудь на соревнованиях. Я бегал за школу на этих бесконечных спартакиадах, и она тоже. Звали её Оля. Была ещё та оторва. Знаете, есть такой тип девчонок, которым комфортнее обретаться среди пацанов. Вот она из таких. Как-то быстро мы привыкли друг к другу. Не знаю, что это было, любовь или нет, но привязанность была очень сильная. Мы буквально не расставались весь день. Ну, вы знаете, такое случалось, наверно, с каждым. Эта дикая юношеская привязанность, когда без неё свет не мил. На переменах договаривались и отпрашивались с урока, якобы в туалет. На самом деле в укромном месте, под лестницей, целовались до умопомрачения, до боли в яйцах. Секса, конечно, не было, особо никогда этим делом

не был озабочен. Да как-то неудобно, она была ещё и другом, а друзей вроде как не трахают.

Короче говоря, так я и жил зиму-весну семьдесят седьмого года, в этаким тумане, состоящем из жуткой смеси музыки, каннабиса, каждодневного «чу», вечерних посиделок на скамейке, продажи штанов, диких поцелуев в укромных уголках, шалости с поролоновым хуем, а учёба оказалась на последнем месте моих приоритетов. Учителя по инерции продолжали ставить какие-то положительные отметки, хрен его знает за что. Потом мне эта расслабуха очень дорого обошлась. Ребята, мой вам совет: прилежно учите в школе уроки, чтобы потом не удивляться, как это вы оказались в таком говнище.

Выпускные экзамены вроде как сдал. Шпоры изготовил красивые, но они негодились, наверно, опять инерция сыграла роль. Вякал что-то, показывал свои замечательно вычищенные зубы и всё прокатило. Правда, по физике получил троебан, не любила меня физика. Но девчонки, которые заполняли документы, «нечаянно» вместо тройки прописали «четыре», и получился вполне замечательный выпускник средней школы с оухительным аттестатом 4,5 балла. А что ещё надо для дальнейшего прорыва?

Я не знал, что это будет за прорыв. Куда? И зачем? Но не сомневался, что таковой случится. Уж очень мне не нравилась эта совдепская система объегоривания населения, эти бредовые сказки о коммунизме, и опупенную миро-

вую справедливость, которая скоро должна наступить. Чувствовал, что уже есть места, где справедливость давно наступила, только от нас это скрывают.

Вообще-то я был мальчик правильный, несмотря на все эти недоразумения и распидзайские позы, поэтому заранее проверил свои шансы на поступление в морской вуз. Я имею в виду здоровье. Всё-таки в морские учебные заведения дохляков не брали. После восьмого класса с этой целью поехал во Владивосток, сдал документы в мореходное училище, оно рядом с ДВВИМУ и является как бы филиалом. Прошёл там медкомиссию: зрение, барокамера и всё такое. Некоторые после барокамеры получили смачного пинка под жопу, но у меня всё прокатило. Врачи обнаружили, что здоров как конь, и вполне могу стать морским волком. После этого с чистой совестью пришёл в приёмную комиссию, и забрал свои документы. Хитрожопый был говнюк. Там в комиссии, конечно, сильно удивились: «У тебя, парень, всё нормально с башкой-то? Да к нам мечтают поступить! Абитуриенты со всего Союза едут за тридевять земель». Шутка ли: работать после учёбы на кораблях ФЕСКО, мотаться по границам, в то время, когда другие сидят как дураки за этим проклятым железным занавесом. Но у меня были другие планы на будущее.

И вот теперь мне предстояло по-настоящему поступать в это знаменитое ДВВИМУ. Но перед поступлением в него мы решили попытать счастья, и попробовать прорваться

в МФТИ. Это вообще заведение для матёрых умников, у которых IQ зашкаливает за 200. Поступить в него нереально для простого смертного, думаю, что даже Эйнштейн со своим длинным языком не смог бы попасть туда с первой попытки. Но я был молод, жутко горяч, и почему-то считал себя очень умным. Странное заблуждение. Кстати, я заблуждался ещё и по поводу своего роста. Считал себя высоким. Удивительно, стоило просто посмотреть в зеркало, всё бы стало ясно. Но я упорно считал себя рослым парнягой. Удивительный был дурень.

ЧАСТЬ II

16 Шарики и ролики.

Нас было трое героев... или балбесов, как угодно. Мы вознамерились покорить этот легендарный «физтех», рассадник индиго. Приёмная комиссия работала во Владике в помещении ДВГУ. Какие-то шансы были у Ширика, он, без сомнения, был умник, а нам с Мулей там вообще ни хрена не светило. С этим чуваком мы художничали в школе и пионерлагере. Тоже был с виду правильный, как и я, но в реальности размандяй. Модник был жуткий, очень не любил говённое, советское шмотьё. Очень сильно был зациклен на всём иностранном. У него была такая фишка: на свои джинсы нашил пару сотен лейблов от различной заграничной одежды, особенно на заднице всё было сплошь покрыто ими, а внизу на штанинах нарисованы шариковой ручкой названия музыкальных групп: Дипапл, Назарет и прочая хреновень. Мы все пёрлись по заграничной музыке и шмоткам, но то, что вытворял Валерик, был явно перебор. Картинка была капздец! Окружающие наверняка думали, что пацан сбежал с психушки. На самом деле, он был просто смелым пацаном и не боялся, что его примут за шизика, хотя действительно, был слегка ударен пустым мешком по голове. Настоящий герой, а мы все ссали так одеваться.

Так вот; три находкинских ублюдка, один в вышеописанных штанах с кучей этикеток, другой в клетчатых джинсах с какими-то шотландскими мотивами (не помню даже, где я взял эти штаны, но таких потом нигде не видел, не штаны, просто сказка), нарисовались в приёмной комиссии физтеха. Только Ширик был одет по-человечески. Притаскиваем мы свои вшивые аттестатишки в самый опупенный вуз Страны Советов. Там таких болванов было полно. У нас хоть какой-то был балл, некоторых бакланов, с баллом около трёх, пинали под зад тут же, не отходя от кассы. Но наши доки приняла, видно, их впечатлили мои клетчатые пароходы, и Валеркины извращенские галифе с нашлёпками.

Факультет выбрали не абы какой, а самый крутой – «Астрофизики и космических исследований», я уже мыслил себя великим исследователем космоса и забубённым учёным.

Поселили в общагу с видом на трубу ТЭЦ-2, на которой кирпичами сверху вниз был выложен коммунистический слоган: «СЛАВА КПСС», дебильный советский трэш без гламура. Интересно, какому дураку такое пришло в голову. Знаковая картинка: из трубы валит столб чёрного дыма, прогорит скоро нахер ваша партия.

Вступительные экзамены!

Физика!

Контроль жесточайший!

В карманах шпоры, но толку от них нет. Полный зал злобных преподавателей, если увидели шпоры – сразу «получай

пинка!» Да и шпаргалки не помогут, таких задачек я в жизни не слыхивал. Как сейчас помню, задачка номер один: в камеру с магнитным полем (какие-то цифры) влетает частица с магнитным зарядом (цифры). Надо вычислить её отклонение в этом магнитном поле. «Ни хуя себе! Да вы что, бля, башкой стукнулись? Мы такого в школе и близко не проходили! Точно не проходили! Эй, братва, нас тут, сука, разводят не по-детски. Лохов нашли! Пидорасы!» – примерно так захотелось мне завопеть во всю ширь своих лёгких, когда до меня дошёл смысл задачи. Но я благоразумно этого не сделал. Говорю же, парень был продуманный. Потыркался, помыркался, покрутил головой вокруг.

Слева и справа сидят и, главное, *чего-то пишут*, хлопцы с причёсками под чубчик, очками-велосипед, и в пиджачках «а-ля совдепшн». Капец!!! Один справа так увлёкся, падла, наслаждаясь решением этих грёбаных задач, что аж соплю пустил. Честно, без говна. Раскрыл, паскуда, свой рот от удовольствия, а под носом висела маленькая прозрачная сопелька, переливаясь в лучах летнего солнца. Да уж! Этот точно станет учёным, блин.

Проклятые индиго, чёртовы яйцеголовые ублюдки, нормальному человеку никуда не прорваться! Какой бы я ни был замечательный, эти очкарики по любому были, сука, оухительнее меня в миллионы раз. Поганые отличники, чтоб они треснули! Чёрт подери! Я так хотел стать учёным, я был на 99% уверен, что поступлю в этот хуев МФТИ. Да пошли

вы все к черту!

Взял свой чистый листик, и железной поступью пошёл сдаваться. Краем глаза заметил, что Муля перемигивается с очкастой девчонкой. Всё ясно, уже успел снюхаться. Нет, точно Валерик не сумасшедший, тот ещё блин, прощелыга. Потом выяснилось, что этот пёс умудрился чего-то списать у этой шмары, и получить троебан. Абольше не надо! Ширик тоже написал физику: ну, этот хуеплёт физику знал, кто бы сомневался! Наверно, и про мою сраную частицу знал, чёрт возьми. Может быть, это только я не знал. Может быть, про эту поганую частицу поясняли, когда я под лестницей с Оленькой обжимался, а вместо уроков наслаждался голосом любимого Фредди в каннабисовом угаре. Как бы то ни было, получил я свой законный пинок под зад. Говорю же вам, учитесь прилежно, ребята, потом будет меньше огорчений и разочарований в жизни.

Побежал сдавать обратно матрац, на котором толком не успел насладиться просмотром снов на новом месте. На следующем экзамене пинка получили и мои дружбаны. Не так обидно – значит, не один я тупой. Позже мы узнали, что из нескольких тысяч подававших документы, поступили только три человека со всего Дальнего Востока. А тех, кто сдал экзамены на тройки, без всяких экзаменов, и вне конкурса готовы были принять Политен и ДВГУ.

Теперь вам понятно, в какое пекло мы сунулись? Это просто рассадник яйцеголовых, с нашими свинными рылами, ло-

вить там было нехер. Да мы сильно и не расстроились, и рванули с документами в ДВВИМУ; океан ждёт. Здесь шансы поступить резко увеличились, очкастых умников было не так много.

Началось всё замечательно. Опять поселились в общагу, теперь с видом на океан. Красота! Это вам не труба с буквами. Купались в прозрачной солёной воде, до которой было метров сто. Вечером любовались, как багровое солнце опускается в хрустальные волны Амурского залива, окрашивая весь небосвод пурпурными тонами. Но вскоре романтическое настроение у меня улетучилось, как с белых яблонь дым. Улетучилось после того, как на первом же экзамене по математике я получил смачный кол.

Вот это был полный кабзец!

Я был в полнейшем шоке. Ведь я же умный! Ведь я же хороший и скромный мальчик! За что со мной так? У меня пидзатый аттестат, вашу мать! Ситуация сложилась для меня неожиданная.

А дело было вот в чём. Я подал доки на электромеханический факультет, но там требуются мозги, электричество – штука непростая. Экзамены, соответственно, на простаков не рассчитаны, всё серьёзно. Если бы моя фамилия была Тесла, меня взяли бы без экзаменов, но у меня другая фамилия, совсем неизвестная. Естественно, я с треском провалил первый же экзамен.

Однако, на судоводительский факультет принимают слег-

ка туповатых парней, там сдают географию, сочинение вроде, и ещё какую-то хренотень, да и конкурс гораздо меньше. Если бы я подал на судовода, то было бы гораздо больше шансов поступить, там всё проще. А на электромеханика требуется знание математики и физики, в которые, как выяснилось, ваш покладистый повествователь ни хрена не врубался. Вот так я погорел, как швед под Полтавой. И что теперь делать? Мои корешки сдали математику, и готовились сдавать дальше, а я сидел на своём матрасе, полностью оухевший и раздавленный злой судьбой, как самый обосра- ный таракан, и думал думку – что же делать дальше? В ар- мейку не хотелось. Очень не хотелось. Очень-преочень, су- ка, не хотелось!

И мне бы пришлось идти в армию, если бы не один ин- тересный и странный факт. Во Владивостоке есть учебное заведение, в простонародье называемое «Рыба». Там каж- дый год происходил недобор абитуриентов. В советское вре- мя рыбные продукты граждане недолюбливали. Эти ужасные рыбные дни, когда в столовых подавали только рыбные блю- да. А из рыбы была только камбала да минтай. Протухшая, провонявшаяся, растаявшая и опять замороженная тысячу раз. Короче, говно полное. До сих пор тошнит от вида жарен- ной камбалы. Так вот, не желал народ поступать в эту чёр- тову «Рыбу». Наверно, от слова «рыба» всех выворачивало наизнанку, плоховатая репутация у слова, это точно. И к то- му же это был самый распидзыйский ВУЗ города. Его кур-

санты слыли самыми жуткими пьяницами и скандалистами. Это тоже отталкивало абитуру.

Короче говоря, мало кого прикалывало влиться в этот чмарной коллектив и продолжать бухарско-хулиганские традиции заведения. Но зато там существовал второй поток, то есть после сдачи вступительных экзаменов во всех вузах города, в Рыбе начиналась повторная сдача экзаменов для всяких неудачников и засранцев вроде меня. А узнал я об этом от своих одноклассников, Митьки и Новосёла, которые были закоренелыми двоечниками. Школу закончили только потому, что учителям не хотелось ещё целый год смотреть на их опостылевшие рожи. Так вот, они первым потоком поступили в Рыбу.

Митин – тот вообще имел характеристику, написанную вашим непоседливым рассказчиком. Дело в том, что в силу своего дерьмового характера, и ещё более дерьмового отношения к учебному процессу, в школе ему накатали такой паскудный аусвайс, что вряд ли бы его вообще куда-нибудь приняли. Если только в тюрьму. Поскольку мы дружили, я посчитал своим долгом помочь другу, и изготовил ему приличный документ, в котором было сказано, что Митин Сергей является шикарным комсомольцем, участником художественной самодеятельности, что было почти правдой, выступал он на уроках капитально, учителя плакали, и вообще, хороший парень. Шлёпнул самодельную печать, нарисованную чернилами в зеркальном отражении на куске резины от про-

тивогаза. Самым трудным было нарисовать герб, там столько возни; колоски, мелкие буквы. Но я справился. И вот теперь этот распидзай – студент, а я практически одной ногой в армии.

«Ну, уж если Митька поступил, то меня там вообще должны расцеловать в задницу!» – так рассуждал я. Опять сдал обратно все эти общежитские шмотки, забрал драгоценный аттестат, и ломанулся в Рыбу.

В третий раз получил у коменданта матрасик и всё остальное. Вид из окна был под стать институту – говённый. На улицу Снеговую. Там в низине меж высоких сопок был унылый завод, изготавливающий железобетонные конструкции, и огромная автобаза, настолько огромная, что когда утром шофёры заводили все свои колымаги, смрад стоял невероятный, и вся эта автобаза напрочь скрывалась в угарно-газовом тумане. Однажды я в такой момент оказался на территории. Жуть, голимый газ, слёзы из глаз брызнули. А шофёрам хоть бы что, ещё и папиросками попыхивают, типа, дыма маловато, надо бы добавить до нормы. С ума сойти, еле живой оттуда выбрался!

В третий раз я решил судьбу не испытывать. Засел за математику. Вызубрил все эти дежурные формулы. Синус двойного угла, косинус, интегралы эти проклятые и подобную херню, которую не удосужился выучить в школе. Экзамены проходили в главном корпусе на Ленинской, как раз напротив него стоит на высоком постаменте этот знаменитый мед-

ный мужик с флагом в руках, и обосранной голубьями буденновке, которого при каждом удобном случае показывают по телевизору.

Первым экзаменом была математика, с которой у меня тоже крайне недружелюбные отношения. За исключением пары десятков формул, которые выучил вчера, я ничего не знал. Несколько преподавателей, которым было вообще насрать на то, что происходит в зале. Тут тебе не физтех, очкариков совсем нет, прорвёмся как-нибудь! В общем, чего-то нацарапал на листике и сижу, поглядываю по сторонам. Две тётки проверяют знания. Одна из них тощая, страшная, как ядерная война, видно, что без настроения, рычит на всех. Да и какое настроение с такой страшной рожей, наверно, в зеркало с утра заглянула нечаянно. Никто не трахает – естественно, никакой водки не хватит, чтобы красивой показалась. Откуда настроение, по жизни, видать, такая злобная. Думаю себе: «Ну-ка нахер к ней идти, по-любому завалят, будь ты трижды в очках и с соплями до колен!» Жду, когда вторая освободится, чтобы к ней подсесть. Похоже, что я не один такой психоаналитик великий выискался, все сидели, выжидали момент, чтобы ко второй подсесть.

Короче, или я этой страшной не понравился, или наоборот приглянулся, или слишком явно башкой своей тупой вертел, но она ткнула в мою сторону своим страшным кривым пальцем и проскрипела: «Молодой человек, я вижу, вы подготовились на отлично! Вы, вы! Не надо придуриаться!»

Я оглянулся – сзади никого не было. Она-таки имела в виду именно меня. Проклятье! Чёрт! Чёрт! Невезенье продолжается. Деваться некуда, кое-как оторвал жопу от стула, ох как не хотелось к ней. Чувствовал, что всё кончится плохо.

Не буду юлить, скажу прямо – в этот раз я обосрался полностью. В тот момент был самым обосранным чуваком в этом городе. Да что там городе – во всей галактике. Ответил я дерь-мо-во! Вообще не пойму, за кой хрен мне в школе ставили пятёрки, наверно, за то, что оформлял там дебилные стенгазеты. Она нарисовала аккуратную двойку в этом листике и посмотрела мне в глаза. Я понял – *это конец!*

У меня закружилась голова. Я не мог так просто встать и уйти. Это невозможно! Я же умный! Так не бывает! На меня накатила волна красноречия и артистизма, себя не узнавал. Меня прорвало. Захлёбываясь словами, стал её убеждать, что всё знаю, просто от волненья перезабыл всё, по щекам покатились огромные слезы. Я готов был валяться перед ней в пыли, и лизать её старые, стёртые ботфорты, может быть, даже её задницу. Видимо, моя жуткая видуха разжалобила её чёрствое, забывшее о жалости сердце, а может быть, она просто хотела ещё больше унижить меня, ещё больше позидеваться.

– Хорошо, Бурчак! Вот вам бумага, пишите, что знаете!

Я похолодел: а вдруг мой несуразный мозг откажется вспомнить то, что я так прилежно зубрил два дня. Эта моя чёртова память со своими дурацкими выкрутасами, и стран-

ной фишкой всё забывать в самый ответственный момент.
– Сп-п-п-асибо!

Трясущимися ручонками схватил карандаш, и из под пера понеслись все эти синусы, косинусы и прочее говно-переговно. Я глазам не поверил. Со страху на одном дыхании наколбасил всё, что запомнил новенького за последние дни, формулы, добытые бессонными ночами и нервами великих математиков, действительно великих людей, а не таких дуруломов, как я сам.

Она была обескуражена. Даже как бы слегка огорчилась, теперь смачный пинок под жопу был бы несправедлив. Повертев листок перед глазами, поразмыслив немного, она исправила мою двойку на тройку и злорадно усмехаясь, сказала: «Всё равно не поступите!» – искоса заглянув в листочек, добавила – «Юрий Алексеевич».

Измотанный, выполз из аудитории, радостно размазывая по лицу капли холодного пота. Все, кто были за дверью, удивлённо уставились на меня – такого ещё не видели.

Не надеясь больше на свою сраную удачливость, повторил трюк с физикой. Два дня зубрил как сумасшедший разные физические премудрости. Затарился шпаргалками под завязку, положил, как положено, под пятку в ботинок пятикопеечную монету, и на экзамене был во всеоружии, на всякий случай припоминая аргументы, которыми убедил на прошлом экзамене эту злобную тварь. Но всё прошло на ред-

кость удачно, достался билет с вопросами, касающимися света; линзы там, интерференция и всякое такое. Эту чушь я и без шпор знал неплохо. Препод была молоденькая симпампуля, и я всё оттарабанил ей без запинки, да ещё пару комплиментов задвинул по поводу её причёски и получил законный пятак. Ха!!! Да не такой уж я и дурак, если захотеть.

А на следующем экзамене, в сочинении, так глубоко вскрыл истоки вдохновения Достоевского в его романе о том, как один недоносок убил бабушку топором, что получил ещё одну пятёрку, и напроочь отмёл всяческие сомнения в своей состоятельности. Таким образом, новоиспечённый курсант Дальрыбвтуза прикатил домой в Находку, чтобы порадовать папу с мамой, а заодно слегка отдохнуть после череды стрессов, перед пахотой на безразмерных колхозных полях Родины.

Как раз тогда я заметил, что мой мозг, на который я в такой обиде, всё же иногда работает отменно. Только надо, чтобы я попал в действительно кошмарную, безвыходную ситуацию. Тогда он как бы включается на полную катушку, в башке со страшной силой начинают вертеться эти пресловутые шарики и ролики. Впервые такое случилось на экзамене по математике у Дедешиной – это фамилия той ужасной математички. Но в тот раз я этому не придавал значения, посчитал за случайность.

17 Белые зубы.

Эта неделя была заполнена последними встречами с дружбанами, конечно же, общением с любезной Ольенькой. Она поступила в какое-то заведение в Уссурийске, так что возможность видаться теперь будет очень редкой. Гуляли по городу, целовались снова до умопомрачения, спрятавшись от прохожих, нежились с ней на пляже под изумительным августовским солнышком.

Далеко на рейде маячили океанские теплоходы, груженные лесом, контейнерами и всякой другой белибердой. Эгей, ребята, скоро я к вам подгребу на помощь! Я ведь тоже уже почти моряк – жопа в ракушках. Ждите меня, пацаны! Надо только по-быстрому закончить учёбу, и приду к вам матёрым механиком, не тят-ляп. Лёжа на горячем песке, выворачивал шею, пытаюсь разглядеть в вырезе её купальника соски. Там, в ложбинке между грудей слюнями приклеена бумажка. Вчера она была в другом купальнике, с другим вырезом, и поэтому ложбинка сегодня уже успела спалиться на солнце. Эта чёртова бумажка меня дико возбуждает. Но секса у нас в то время опять-таки не было, говорю же, я не спешил – считал, что ещё надоест заниматься этой чепухой.

Лежим себе, загораем, ветерок такой приличный разошёлся ближе к обеду со стороны Тихого океана. Волны накачивают на берег, да неслабые, я бы сказал, некоторые метра по три высотой. Народ резвится, с разбегу запрыгивая в водяные валы. Я ведь не дурак пропустить такой редкий слу-

чай. Эх, где мой сёрф? Пролететь, как на Гавайях, по этим горкам, удивить людишек. Но сёрфа нет, наверно, где-то в магазине ещё стоит, да и не умею я на сёрфе. Плевать! Стал просто запрыгивать с разбегу в волны как ненормальный, Элку веселить. Один раз меня так шибануло волной об дно, чуть не захлебнулся. Вылез из воды, «ну-ка извините, пожить ещё хочется».

Вдруг какой-то шум неподалёку, девчонки верещат на весь пляж. Посматриваем так нехотя, косяка давим. Со всем какая-то невероятная суета началась, толпа собралась, машина подъехала. Эге, пора посмотреть, что там стряслось, наверно, шпиона поймали. Видел в кино, эти мудаки любят из воды в трусах выходить под видом отдыхающих, а на самом деле с подводной лодки проникают в Страну Советов, чтобы тут гадить и продвигать свои вонючие капиталистические штучки.

Побежали и мы посмотреть, что там приключилась. Ого! Ништяк! Трупак на песочке лежит, рот расхлебенил, показывая довольно-таки белые зубы. А оттуда пена и водоросли торчат. Фу! Дерьмо какое! Врачи, хмуро поглядывая по сторонам, собирают свои инструменты в ящичек, думают, как бы свалить побыстрее, чтобы пидзюлей от нетрезвых дружков не отхватить. Отмучился парняга, говорю же — не купайтесь по пьянке! В нетрезвом виде нырять нежелательно, особенно когда такое жуткое волнение. Наверно, парень решил выступить перед своими подружками: вот мол,

какой я дельфин, блин! Как всегда замешаны дамы, шерше ля фам!

– Пошли отсюда, не люблю я мертвецов.

– Угу.

Лежим себе на песочке, впитываем последний летний ультрафиолет на свои спины. В воду уже не лезу, шугань накатила в связи с этими событиями. А вдруг злобный дядька Нептун схватит за яйца. Не! Не канает!

Что такое? Не понял! С другой стороны идентичная суета началась. Неужто опять Ихтиандр утоп? Ну конечно! Вытащили и его. У этого тоже белые зубы, наверно, их там под водой об песок волнами пошоркало, ну прямо белоснежные. И опять скорая уехала восвояси. Зашибись, ну и денёк, не к добру это. А ветер пуще прежнего, волны ещё выше. Золотая рыбка разошлась не на шутку. Короче, собрали мы свои пожитки и поплелись вон с этого смертоносного пляжа. Больше там никогда не был. До сих пор помню эти оскаленные морды с белыми зубами, как будто вчера было. Вот на такой печальной ноте и закончилось моё пребывание в городе со странным названием Находка. Позже я туда снова вернулся, но ненадолго, это тема отдельного повествования.

Вечером целый поезд студентов отбывал во Владик – город нашенький. В те времена в Находке не было приличных учебных заведений, и поэтому все сливки, или, если хотите, лучшие мозги утекали во Владивосток и другие города. Среди них был и ваш добропорядочный и застенчивый

рассказчик. Помню, на меня накатила дикая волна грусти, я понимал, что нескоро вернусь сюда снова. Как сейчас помню этот вечер. Станция. Поезд. Тусклое освещение. Жужжание комаров. Толпа студентов и провожающих. Все прощаются, многие со слезами на глазах. Как будто отправляют нас на фронт, на погибель. А что? Так и получилось, немногие вернулись обратно, остальные сгнули на просторах огромной страны.

18 Приказ мозга.

Утром поезд причалил у платформы Владивостока. Другой поезд, который нас должен был увезти в колхоз, будет только вечером. И что теперь делать целый день? Ну, погуляли по центру города, осмотрели достопримечательности. Ну, в кино ходили. А времени ещё вагон остаётся. И тут я вспомнил, что возле ДВВИМУ, когда делал попытку номер два прорваться к высшему образованию, видел замечательные кустики конопли. Тогда я был в диком шоке от всех этих неудач с экзаменами, и поэтому было не до развлечений, а теперь самое время. Изложил свой план, и, конечно же, он был одобрен мальчишками единогласно. Мы втроём – я, Митька и Новосёл, прыгаем в такси на Эгершельд, в предвкушении новых эмоций.

Если с автобусной остановки идти в сторону училища не по тротуару, а дворами, то между старых, задрипанных домов довоенной постройки, натыкаешься на полянку дико-

растущей, ничейной конопли. Только я бы назвал это не полянкой, а лесочком. Потому как кусты вымахали выше человеческого роста. Никогда до этого момента я не видел столь гигантских кустов каннабиса. Хотя по биологии у меня была пятёрка, но я до сих пор не в курсе, почему так получилось. Может быть, такой сорт, а может быть, повлияло то, что неподалёку располагался тот самый побеленный домик с разрисованными хуями стенами, и тоннами говна под ним, которое сработало как удобрение. Также вблизи была помойка, какие бывают у домов без канализации, куда люди выбрасывают и выливают всё, что скапливается в процессе жизнедеятельности. Но факт остаётся фактом: растения были фантастической высоты, не знаю, хорошо это или плохо для конечного продукта, но тереть верхушки, добывая конопляное масло, чрезвычайно неудобно. В этом мы убедились тут же, не откладывая дело в долгий ящик. Глаза у меня разбегались от жадности, один куст был шикарнее другого. Знаете, эти знаменитые пятипалые листья, но только размером с ладонь взрослого человека. Красота!

В конце концов, мы натёрли на ладошки изумительную смесь из конопляного масла, пыльцы и чего-то там ещё, в просторечии называемую «пластилин», толщиной в полсантиметра, и довольные решили пока остановиться и продегустировать то, что получилось. Нашли укромное местечко недалеко от автобусной остановки. Там стоял газетный ларёк, а позади него высокая трава. Видимо, на этом чёрто-

вом Эгершельде такая почва, что вся трава вырастает в рост человека.

Короче, забурились в самую гущу этой травы, культурно расстелили предусмотрительно прихваченные газетки и стали добывать с ладошек всё, что там на них налипло. Работаем, Митьку уже колотит, так ему невтерпёж. Замечательная такая кучка на газете образовалась. Эх, хорошо. Вечереет, птички вокруг чирикают от счастья. Настроение восхитительное. Хочется жить, жить и жить. Но тогда мы были молоды и не знали, что за периодами счастья неизбежно наступают периоды говна. Всё было слишком замечательно, чтобы продолжаться вечно, и этот момент говённости неизбежно приближался.

Так вот, мы уже заканчивали процедуру, когда внезапно из стены травы выдвинулся мент. Настоящий толстомордый мент. В серой ментовской форме, в фуражке с красным околышем, всё как положено. Вот так сюрприз! Нет, дорогой читатель, не сюрприз – это был шок. Просто дикий, дичайший шок. Мы ох-ре-не-ли! Да что там деликатничать, скажу ещё точнее – оухели. На нас нашёл столбняк.

Откуда он там взялся, ма не приложу. Что он там лазил? Что вынюхивал? Осталось тайной. Но факт оставался фактом, перед нами стоял настоящий, реальный ментяра, со всеми причиндалами, свойственными ментам. И мы такие, новоявленные, сраные драгдилеры, с ног до головы провонявшие запахом каннабиса – этот запах новогодней ёлки ни

с чем не перепутать. Потому как вся наша одежда в процессе тёрки, естественно, испачкались конопляным маслом. Руки, на которых ещё висели комки пластилина. И глаза, естественно, у всех по «пять копеек». В Советах пятикопеечная монета была приличного диаметра, и для обозначения крайней степени удивления применяли этот термин.

Какое-то время длилась сцена, очень похожая на финальную из «Ревизора». Естественно мы были ошарашены. Но и милиционер тоже был растерян немало. Возможно, он забрался в кусты, чтобы посрать, а тут какая-то банда подозрительных типов с расстеленными газетками испортила ему удовольствие от момента испражнения.

Скажу честно, к такому повороту событий мы не были готовы. Подобное случается в жизни не очень часто, предвидеть всё невозможно. Как говорится, «знать бы, где солому постелить». И в момент, когда длится эта пауза, мозг лихорадочно работает, просчитывая варианты ближайшего будущего и, соответственно, дальнейших действий. Включается стоядерный процессор, подключается добавочная оперативная память и, погнавши мыслить.

На всё это требуется пару-тройку секунд, а потом действовать.

До мента, с туго набитой прямой кишкой, понемногу стало доходить, что мы за деятели. Догадались, что если ещё немножко вот так постоим, то этот хренов ментяра получит в конце месяца существенную добавку к зарплате, а может

быть, и добавочную звёздочку на погон. Терять нельзя ни секунды. Теперь я понимаю, как это стая голубей или воробьёв одновременно и резко всей кучей изменяют направление полёта. Мыслишка о том, что надо как можно скорее рвать когти, посетила нас одновременно. Это называется коллективный разум. Как у муравьёв, один муравей может быть туп, но когда они вместе, то творят очень разумные вещи.

И, повинувшись приказу мозга, мы все рванули врассыпную, кто куда. На бегу затылком я видел, как Новосёл антилопой помчался через дорогу, не обращая внимания на траффик. На той стороне вдоль тротуара шёл металлический забор, точнее, что-то типа ограды с остроконечными верхушками, высотой больше роста человека, как тот каннабис, бя. Я ещё подумал, что Славик неправ, ломанувшись именно туда, в той стороне ловить нехрен, ограда слишком высока, и есть риск получить штырь в ляжку.

Но я ошибся, у него не только в мозгу подключились резервы, но и в мышечном аппарате случилась неслабая добавка мощности. Этот забор с остроконечными пиками он перемахнул влёт, не задерживаясь, и кубарем покатился по травяному склону за оградой. Точно так же, как Бельмондо в фильме «Чудовище» великолепно и натурально катился по каменной лестнице. У Новосёла получилось даже натуральнее. Помню, подумал: «Не сломал бы чего парень!» Великая штука инстинкт самосохранения.

Я же рванул из кустов вдоль тротуара, но потом, слегка по-

размыслив, свернул во дворы, справедливо полагая, что там мне легче будет затеряться в лабиринте домов, заборов, туалетов, кустов и прочего навоза. Ветер свистит в ушах. Впрочем, сзади не слышно топота или требований остановиться, выстрелов в воздух тоже не слышать. Видно, этот ментяра оказался тормоз конченный. А может быть, груз кала и мочи в организме не дал ему двигаться проворнее. Куда побежал Митька, не видел. Свою бы задницу вырвать из опасного периметра.

Встретились мы на вокзале не сговариваясь. Никого он не догнал, может быть, даже и не пытался. Наверно, сел там спокойно в кустиках и вывалил всё, что было внутри. Но чуть позже мы догадались, почему так случилось, и мы снова, второй раз за день, офигели. Оказывается, в суматохе, мы оставили там сумочку с документами. Да, дорогой читатель! Весь наш рывок из котла оказался порожняком. Нахрена ему надрываться, рвать себе жилы, если всё равно без документов нам никуда не деться. В той проклятой сумочке были наши паспорта, и главная ценность – комсомольские билеты. Ведь, кроме того, что мы были гражданами империи, новоиспечёнными студентами, просто реальными пацанами, мы были также комсомольцами. Мы принадлежали к этой когорте юношества, которой скоро надо было подменить наших выбивающихся из сил отцов и дедов на великих стройках, бллин, социализма.

Проклятье! Настроение из плохого стало просто-таки на-

прочь дерьмовым. Ну, и что делать, а? Через пару часов наш паровоз полетит, а мы, что же, останемся на заплёванном перроне, обосранные и униженные? Я всегда удивлялся, какие иной раз фортели выкидывает злая судьба. Надо что-то срочно предпринять. После короткого совещания было решено отправиться на поиски районного отдела ментуры, и рассказать там сказочку о том, как мы бедные приезжие комсомольцы, заблудились в этих каменных джунглях чужого мегаполиса и нечаянно, совершенно случайно, потеряли сумку с документами. А нам ведь надо ещё успеть помочь советскому крестьянству в уборке богатейшего урожая картофеля, уродившегося на просторных совхозных полях.

19 Пальчики на память.

Привести план в исполнение должен был застенчивый юноша, пишущий эти строки. Почему я? Да откуда мне знать? Так получилось. Наверно, я выглядел наиболее презентабельно. Наверно, от меня меньше всего воняло каннабисом. Но, как бы то ни было, я собрал всю свою силу воли в кулак, вспомнил учение великого Станиславского, влез в образ заблудившегося в каменных джунглях простака и отправился в этот сучий отдел, адрес которого нам любезно подсказал ошивающийся здесь же, на вокзале, мужик в форме милиционера.

Было это недалеко, буквально пять минут ходу. Возле кинотеатра «Океан», в обшарпаном подвальном помещении.

Впоследствии я заметил, что заведения такого рода чаще всего находятся в подвалах каких-нибудь зачуханных домов. Наверно, это делается для того, чтобы сразу же, с порога, морально расплющить посетителя, неважно, с каким вопросом он пришёл. Так вот, как я ни пытался по системе Станиславского поселиться в шкуре простоватого юноши, у меня это плохо получалось. Ну, а когда я спустился в этот зловонный подвал, мне показалось, что я спустился в ад. Решимость начала покидать меня.

Какое здесь всё было убогое, мама моя! Начиная с облупленных стен, раздолбанной покосившейся мебели, окон с миллионом слоёв краски, кое-где залупленной на манер вздыбившихся тектонических плит, и кончая невообразимыми полами. Когда-то, при царе Александре III, они были покрыты изысканной мозаикой, тогда это был не подвал, а первый этаж прекрасного особняка. На этом замечательном полу шикарные офицеры Владивостокского гарнизона танцевали мазурку с не менее шикарными, сисястыми девушками, в жилах которых текла благородная дворянская кровь.

За эти сто с лишним лет помещение ушло под землю, и сто с лишним раз поменялся способ его использования. От мозаики остались только разрозненные фрагменты, частично была просто метлахская плитка. Это такая дерьмовая глиняная коричневая плитка, которую в Совдепии стелили в туалетах, для того чтобы не было видно размазанного по полу кала. Ча-

стично был просто бетон, местами крашенный краской, цвета серо-буро-малинового с продрысью. Местами была какая-то странная кирпичная кладка. Что за хрень – кирпичи вместо пола. Но я догадался: в годы Дальневосточной Республики органы ВЧК, наверно, замуровали туда замученных белогвардейцев или японцев, чтобы далеко не возить. Местами были какие-то полусгнившие доски, которые все старательно обходили, чтобы не провалиться туда, в ужасный подвал преисподней, где мечутся в тихой злобе души этих неупокоившихся белогвардейцев, ждущие, когда же провалится к ним советский краснопузый мент, чтобы растерзать его на миллион очень мелких кусочков.

Тусклые лампочки, покрытые сантиметровым слоем мушиных какашек, вроде бы освещают это интимное место. Фантастическое нагромождение разномастной перекорёженной мебели, эти невообразимые полы, люди, которые, принимая во внимание всё вышеописанное, кажутся просто представителями дьвола на грешной земле. С горящими красными глазами в проваленных, чёрных глазницах.

И вот в это жуткое царство теней спускается ваш скромный, чистый, почти не испорченный юноша с благородными помыслами – всего лишь забрать свои документы, чтобы иметь возможность помочь выбивающимся из сил крестьянам в их нелёгком труде.

Когда глаза привыкли к полумраку, я разглядел присутствующих и, о ужас! Среди них я узнал того самого толсто-

жопого ментилу, который спалил нас в самый неподходящий момент. Честно говоря, мы не рассчитывали на такое. Моя версия потери документов звучала бы сейчас крайне нелепо, весь план рассыпался на глазах.

Когда я всё же собрался с духом, и чего-то там вякнул по поводу застенчивых мальчиков и жестокого мегаполиса, из разных углов пещеры раздалось злобное хихикание.

– Вот как славно! Сам явился. А мы уж собрались завтра на вас облаву устраивать. Ну, давай, рассказывай подробнее, как и где ты потерял сумку.

Тут я понял – это конец! Плачет по мне тюремная койка или нары, как там это называется? Зато мама с детства говорила мне, что врать старшим нехорошо, да и просто врать тоже нехорошо. У меня снова закружилась голова, я был вне себя, меня прорвало. Состояние было точно такое же, как тогда на экзамене в «Рыбу».

Я уже не помню точно, что там ему бубнил, но помню, что не врал. В такой говняной ситуации враньё только ухудшило бы положение. Я понял, надо давить на жалость, всё-таки они тоже люди, какие-никакие, а люди. Две руки, две ноги. Нёс какую-то навозную, плаксивую ахинею про больную маму, она действительно, на тот момент мучилась астмой. Про маленькую сестрёнку. О том, какой я замечательный пловец и оухительный художник. Я не стал говорить о том, что папа у меня некоторое время пожил в посёлке Волчанец на казённых харчах, и о том, что фарцевал джинсами в Находке.

Посчитал, что им это будет не очень интересно. И так далее, и тому подобное. Вывалил им на уши дикую кучу всякого жалостливого говна. Меня несло. Слушали они, правда, с интересом, даже иногда переспрашивали. Но протокол, я заметил, не вели. Это меня приободрило, может не так всё плохо? Рассказывая всё это, я и сам стал понемножку верить в то, какой я всё-таки замечательный юноша. Никакой не драгдилер вовсе, просто неудачно пошалил. В общем, можно сказать, что своим красочным повествованием я им разбавил скучный, унылый вечер.

Мой словесный понос остановил седой мужик в гражданской одежде, он как-то тихонько появился ниоткуда и внимательно прислушивался, как я гоню свою тюльку. Вполне голливудский типаж, мужественное лицо, благородная седина, короткая стрижка, но в глазах какой-то недобрый огонёк. Я заметил, что окружающие относятся к нему с почтением. Наверно, поднялся из подвала преисподней, не иначе – посланец дьявола.

– Снимите пальцы, пусть чешет на все четыре стороны, – Это он распорядился по поводу меня.

И мне: – Езжай пока в свой колхоз... А там поглядим.

– Да! И привет своим друзьям передавай.

Я, конечно, благоразумно заткнулся, чтобы ненароком не разозлить своего спасителя. Пусть хотя бы так. Я буду стараться, я оправдаю доверие, я расшибусь в лепёшку, но докажу, что замечательный парень. Да здравствует партия! Да

здравствует товарищ Сталин!

Блин! А Сталин-то причём? Что-то у меня, в самом деле, поехала крыша от радости. В этот момент я готов был вылизать ему жопу до зеркального блеска. Вот дерьмо! Да ладно, лишь бы свалить отсюда побыстрее.

Мои многострадальные ладошки во второй раз за день были покрыты чёрным дерьмом. Первое дерьмо осталось там, на газетке, если конечно тот мусорок не поступил по-хозяйски и не прибрал всё это халявное угощение. А второе дерьмо сразу же отпечаталось на этом ментовском бланке, на котором всякие бандюки оставляют им на память свои папиллярные рисунки. Но я-то не бандюк, просто глупый пацан. Наверно, и сейчас они хранятся где-нибудь в опупенном, бронированном сейфе, дожидаясь своего часа. Вот убью кого-нибудь, наоставляю своих пальчиков на трупе, и спалят меня. Точно спалят! Если что, надо будет не забыть резиновые перчатки одеть. Ещё маску с дырками на месте глаз, вдруг камеры стоят. Да! И не забыть бы барахлишко сжечь после всего, на этом тоже часто попадаются глупые пацаны.

Схватил свою сумку в охапку, поблагодарил босса с дьявольским блеском в глазах за радушный приём, за доброту, за ласку – и был таков. Выскочил на улицу, в вечерний, светящийся витринами морской град Владивосток. Трамваи звенят, люди шастают туда-сюда, все при делах. Суета сует. Никто и не обратил внимания на паренька с синей болоньевой сумкой в руках, прижимающего её к груди так, будто там

лежит корона российской империи. Никто и не знает, какая трагедия разыгралась за этими грязными оконцами с решётками на уровне асфальта. Да что им? У каждого из них свои трагедии разыгрываются каждый день, может быть, ещё и похлеще.

Мальчуганы, конечно, страшно обрадовались моему появлению, уже готовились к самому худшему. До отправления поезда оставалось пять минут. Не стал я им подробно описывать, как всё было. Хвастать нечем. Это был бы рассказ засранца, особенно в моменте про зеркально блестящую жопу. Слегка припугнул только, сказав, что теперь внутренние органы будут за нами присматривать. Ну, и привет, конечно, передал от подвального босса.

Они тут, оказывается, времени зря не теряли. Пока я отсутствовал, стёрли с ладоней остатки эгершельдовского дерьма. Хватило на небольшой такой косячишко. Мы тут же и пыхнули, в туалете, который на перроне. Ну, а что? Стресс то надо как-то снять, крыша, вон, чуть не свалилась от переживаний. Каннабис, надо сказать, оказался неплохой, только мало. Эта толстожопая чушка, всё-таки, подонок. Будь он проклят. Наверно, с дружками, сука, сидит сейчас там, в своём ментовском галыуне, и наслаждается действием смеси из табака и масла конопли.

А может быть, это был их пятак, да мы невзначай забрались в чужой огород, оказались, так сказать, не в том месте не в то время, бля. Да чёрт с ним, было и прошло. Дав-

но это было. После того случилось миллион других проблем и продолжают случаться. Это и есть жизнь. Человек – это щелка в водовороте времени и пространства. В каком таком говне ты окажешься через пять минут, известно только господу нашему всемогущему. А поскольку бога нет, то, значит, никому не известно. Всего предусмотреть невозможно, но когда случается нечто, надо собраться, помыслить, покумекать, придумать план и воплотить его в реальность. Выбраться из этого навоза, чтобы через какое-то время оказаться в другом навозе. И так бесконечно, пока не захлопнется над башкой деревянная крышка и не застучат молотками пока что живые ребята, вколачивая последний гвоздь.

Итак, откинем грустное. Поезд тронулся точно по расписанию, и ваш герой отправился в новую жизнь, к новым приключениям, которые не заставят себя долго ждать.

20 Мороженный минтай.

Так вот, вся эта толпа самых тупых абитуриентов Владивостока 1977 года, частью которой был я, стала именоваться седьмой ротой. Командиром тупней был назначен старший лейтенант Тихоокеанского флота Субботин Александр, хрен знает как по батюшке. Он как раз таки и оказался следующий кучей говна, про которую я только что размышлял. Вы заметили, буквально от того навоза ещё не отошёл, не обсох полностью, так сказать, ещё как бы практически в дерьме, а тут новая беда.

Сидим мы себе, наслаждаемся стабильностью, перестуком вагонных колёс, любимся на проплывающий за окном вид Амурского залива на закате. Когда солнце уже за горизонтом, но его лучи раскрасили горизонт и облака над ним, в шикарнейший малиново-фиолетовый цвет. Лениво калякаем о том, о сём. Вдруг появляется эта гнида. Ну! Если быть совсем точным, что он гнида в тот момент я ещё не знал. Но рожа мне сразу не понравилась, хотя увидел его тогда в первый раз.

Выглядел он так: мужичок небольшого ростика, в морском, чёрном кителе с погончиками. Сзади воротник кителька был смачно посыпан хорошим слоем перхоти. Правда, в те времена о шампунях от перхоти не слышали, да и вообще никаких шампуней не было, но, думаю, даже если бы они и были, всё равно слой перхоти был бы точно такой же. Ему просто была похер эта перхоть. Наверно он думал, что все вокруг её воспринимают как кристаллики соли от морских брызг, попавших на его морские плечи в дальних героических походах по морям-океанам.

Нос крючком. Видели бабу Ягу в фильме «Морозко»? Вот именно такой. И главная достопримечательность – глаза. Зайдите в супермаркете в рыбный отдел и загляните в глаза мороженому макрорусу, если нет, то подойдёт минтай. Такие слегка голубенькие, неподвижные. Это и есть взгляд командира седьмой роты старлея Субботина с неизвестным отчеством. Когда он смотрит на вас, кажется, что ещё немного,

и просверлит насквозь своими замороженными шариками. Не то чтобы страшно становится, нет, но как-то не по себе. Премерзкое ощущение. Не один я такое чувствовал. Многие жаловались. Сероватые мелкие зубки во рту. Хотя он не курил и регулярно их чистил, мне всегда казалось, что они у него тоже в перхоти. Наверно, это только казалось. Ну откуда во рту, скажите, перхоть?

И всегда у него в руке была пачечка библиотечных карточек. Помните, раньше на таких карточках выписывали книжки в читальных залах. Книжки он вряд ли выписывал, а записывал туда все наши проступки и полученные взыскания. Типа такой карты памяти, выражаясь современным языком. Или память у него была хреноватая, или проступков было так много, что его мозг запомнить был не в состоянии. Другие командиры обходились как-то без эдакой херни. Наверно, всё-таки, памяти у него не было ни черта. Чуть что, р-р-раз из кармана свои сучьи карточки, и давай строчить карандашиком как пулемёт.

Ну, мы мол, «Здравия желаем, товарищ командир», «Добрейший вечерок» и прочий навоз. И тут он вдруг давай сверлить меня своими, блин, минтайскими гляделками. Думаю: ни хрена себе, неужели, сука, менты уже успели наступать. Нет, ну честно, я просто опешил! А он хер-рак в карман, и достаёт свои знаменитые карточки. Я в панике, тогда ещё не знал их предназначения, подумал, что с ментовки какое-нибудь палево на этих бумажках прислали, ти-

па WANTED! Вот правильно говорят – «у страха глаза велики».

– Сэта, сэто. Товарищ курсант, ваша фамилия? – прошамкал он.

Он всегда как-то шамкал, никогда не говорил чётко. Звук как бы расплывался, и не всегда можно было достоверно разобрать, о чём идёт речь. Частично приходилось догадываться, что он имеет в виду. И вначале речи, почти всегда, это дурацкое слово-паразит «с-это» или «сэта», хер пойми что он имел ввиду.

Я догадался, это он меня спрашивает. Вы знаете, ураган мыслей пронёсся в голове. Честно! В моём несчастном, многотрадальном черепе. Ещё немного, и он лопнул бы от давления этих самых мыслей. Проклятье!

Ну, назвал я свою фамилию. Шикарную фамилию, не Петров, не Сидоров. Редкостная, надо сказать, фамилия. Кроме родственников, с такой фамилией людей не знавал. Какие-то западнославянские корни просматриваются. В далёкой Чехии, кстати, есть даже праздник молодого вина с таким названием, каждый июль там собираются бухарики со всего мира и пьют это пойло прямо на улицах. Жесть! Да не суть важно.

Эта тварь, с глупейшей фамилией Субботин, аккуратненько записывает мою изумительную фамилию на свою поганую, скотскую карточку.

Ладно, не буду томить, дорогой читатель. Оказывает-

ся, я совершил жуткий проступок. Абсолютно кошмарный, страшный проступок. Это вам не сумки терять в кустах. А суть вот в чём.

Я только-только закончил школу. Ещё был юношей неоперившимся. То есть без перьев. Имею в виду перья на лице, волосы, стало быть. Ну, чего-то там немножко, конечно, на подбородке вылезло. Бородёнка этакая хилая, а-ля Хошимин. Эту мою хренотень увидели его сверлилки. Надо сказать, что с такими волосёнками были многие, никто не заморачивался по этому поводу. Бритв, естественно, ни у кого не было. Никто из нас не брился ещё ни разу в жизни. Корооче, целый поезд мальчиков-девственников. И вот этот лось отдаёт мне команду: «Побриться и доложить!»

И даже дал время на исполнение приказа, гадёныш. Два часа, что ли? Ну конечно, двойное чувство. По крайней мере, травяное происшествие не затронуто, а с другой стороны, почему с бритьём попал один я? Наверно, морда моя ему не внушила доверия, точно так же, как мне его личико. Поплёлся я выполнять приказ. Бритвы, естественно, не нашёл. У какого-то пацанёнка оказался перочинный нож, с такими, знаете, мизерными ножничками, раздроченный и разболтанный вконец. Пристроился я в туалете, стою, щипаю свою «бороду». Такими ножничками зашибись бриться, их точили последний раз наверно при Петре Первом, на заводе, когда изготавливали. После этого они служили людям верой и правдой лет триста, а теперь им доверили привести в по-

рядок моё дворянское лицо. Половину волос вроде состриг кое-как, а другую вырвал с нахрен корнем.

Смотрю в зеркало, так стало жалко этого хлопчика. Да что за невезуха такая, когда это прекратится? И вообще, глупая ситуация, в зеркале вполне нормальный себе парняга занимается какой-то хернёй, стоя на ссаках в обшарпанном туалете поезда. Абсурд полнейший. Мне так захотелось вернуться и воткнуть эти чёртовы ножницы в его, блин, замороженный глаз. А потом, когда он завопит и попросит пощады – а он обязательно должен завопеть, и пощады обязательно должен попросить – потом сорвать с него перхотные погоны и швырнуть их в окно, в волны великого Тихого океана с отблесками пурпурного заката. Один глаз ему всё-таки оставил бы, я же не зверь.

Пришёл к нему, доложил, а ножичек сразу же отдал хозяину от греха подальше. Пусть пока любитесь на мир двумя гляделками – сэта, блин!

Случилось и хорошее: пока искал бритву, среди народа, заполонившего вагоны, наткнулся на своих старинных товарищей. Фила – того самого, с которым чуть не нарезали дуба, угостившись борцом, и примерзали к трубе, и Забровского Сашку. Девять лет мы не виделись, жуть! Всё-таки, как тесен мир! Я был страшно рад. Всегда приятно встретить старых друганов. Про пыльцу каннабиса они тоже оказались наслышаны, и даже предложили дунуть здесь же. Посчитал, что

это будет слишком: я же поклялся партии и Сталину расширяться в лепёшку. Фил посмотрел на меня как-то странно, пришлось вкратце поведать им эту препаскудную историю про потерю, и счастливое возвращение документов. В поезде они больше не заикались про это дело – уважаю деликатных и понятливых людей. Понемногу все угомонились. В вагоне раздавалось только мирное сопение будущих морских волков, иногда прерываемое моими воплями, поскольку помню, что снились мне всю ночь напролёт какие-то кошмары, даже не помню, о чём. Но никто этого не слышал, все спали мертвецким сном. Спокойной ночи, мальчишки, интересно, что же нам приготовит завтрашний день?

21 Гречка с мухами.

Утречком нас выгрузили на каком-то полустанке, окутанном туманом. Спросонья я плохо соображаю, названья даже не запомнил. Там нас уже ждали грузовые машины, на этих грузовиках мы тряслись на деревянных сиденьях ещё несколько часов по паршивой, пыльной дороге. Когда всё-таки приехали, и я вылез из этого проклятого кузова, мне показалось, что моя задница тоже стала деревянной, дубовая такая шикарная жопа.

Нормальная советская деревенька с покосившимися заборами, и как всегда неухоженными хатами. Коровы тут и там накидали своих лепёшек. Мне всё это напомнило счастливые летние деньки у бабушки в Кировке, даже называется похо-

же – Киевка. Утки тут же плещутся в грязных лужах, свинья валяется в грязи. Ага, знакомая картина!

На отшибе деревни какие-то старые деревянные постройки, типа сараев, только с окнами, внутри нары в два этажа. Вот туда нас и поселили. Выдали каждому матрасовку, солдатское одеяло и наперник. Ништяк! Располагайтесь, ребята! Я только не понял, для чего это всё и как его использовать. Маменькин сынок хренов. А для особо тупых Суба, то есть старлей Субботин, перед строем пояснил, что наша задача, как можно скорее наполнить матрасовки и наперники травой или листьями, короче, кто, чем хочет, хоть коровьями лепёшками, если нравится, и доложить. Ну, я уже тёртый калач, всё понял с полоборота, мне конфронтация ни к чему, резво побежал наполнять эти ёмкости травой. Коровьями лепёшками как-то не решился.

Вы заметили, как быстро Суба взял нас в оборот? Все эти построения, «выполнить и доложить» и другой прочий навоз. Чтобы мы поскорее из гражданских распиздяев превратились в настоящих мужчин. И это правильно! Некоторые, особо нежные, сломались тут же в Киевке, запросились домой к мамочке. Мне тоже было не шибко сладко, но я понимал, что в армии будет похуже. Уж лучше тут.

Умопомрачительных и эксклюзивных приключений, о которых стоило бы рассказать, там не было. Ну, разве что однажды ночью забежал к нам кто-то из хлопцев, влупил свет и дико заорал: «Наших бьююююют!!!» Немного погодя, я со-

образил о чём речь – говорю же, хреново соображаю спросонья. Какие-то наши танцоры пошли на танцы в местный клуб. Получилось, как всегда. Возможно, местные пацаны обиделись, что городские пристают к ихним тёлочкам, а может быть, кто-то кому-то не дал закурить или прикурить. Короче, деревенские решили сами, сука, дать городским прикурить, и понеслась. Этот парняга, разбудивший нас, особо не пояснял, что вообще случилось, да он и сам, скорее всего, не знал, но все поняли, что нужна помощь.

Драка! О-о-о! Это лучшее развлечение в деревне советского периода. Там же скукотища – огород, свиньи, коровы. Водки в магазине мало. А силушка-то богатырская о-го-го, прёт, напирает, надо как-то выпустить пар. Со своими драться неинтересно, а тут мясо из города приехало. Они почему-то свысока относились к городским, считали неженками. Хотя я бы не сказал, у нас тоже бугаёв было достаточно. Сам-то я не бугай, и не особо драчун. Но говорят же: «Против лома нет приёма!»

Размышлять некогда, надо помочь нашим товарищам вырваться. По-быстрому выскочили и в темноте, какими-то огородами, на ходу выламывая штакетины, ломанулись к этому дурацкому клубу. Это недалеко. Побежали, естественно, не все: существует такая категория людей, которым своя рубашка ближе к телу. Или они ссыкливые – в смысле, чрезмерно осторожные, или по каким-то другим причинам, они предпочитают избегать таких вот ситуаций.

Но потом это выходит им боком, чаще всего они становятся изгоями в мужских коллективах. Это не мой типаж, такие ублюдки мне отвратительны, никогда с ними не якшался. Есть замечательное слово «гнида», оно характеризует их как нельзя лучше.

В друзьях у меня были всякие. Были пьяницы, были наркоманы, тупни были, но гнид не было, гнид и халявщиков. Вот две главные беды Руси – гнида и халявщик. Надо им гигантский памятник поставить где-нибудь в Москве, да вон, хотя бы на Лубянке место пустует. Чтобы люди ходили мимо и плевали на него. Если внимательно присмотреться, эти типы чаще всего любят обретаться где-нибудь при власти, в кабинетах мэрии и тому подобное. Это в России неискоренимое зло, от того все беды и неприятности.

Эк, меня занесло. Так вот, бежим, как дураки. Ур-а-а-а-а! Я, конечно, на свои хилые кулачишки не понадеялся – вырвал самый большой кол. Ох, и достанется кому-то вдоль хребта! Прибегаем на место, и правда, месилово идёт, не поймёшь, где свои, а где чужие. Да ещё толком своих всех не знаю, как бы не отоварить нашенского. Короче, в итоге получилась фигня, не драка, а разнималово. Зря только этот кол тащил, чуть пупок не надорвал. Появилась парочка деревенских мужичков, растащили дерущихся. Вот так всегда: уже настроился помахаться, а тут как раз всё кончилось. Начали, блин, разбираться, кто начал, кто не начал. Да разве тут сейчас разберёшься, кто прав, кто виноват. Кричат чего-то,

ручонками размахивают. Дальше стало вовсе неинтересно. Ну вас нахрен, пошёл я отдыхать. Выходит, эти козлы, которые остались спать, были правы, а я просто лох, возомнивший себя героем.

По утрам на грузовиках нас везут в поле. Кормили неважно, всё время мы были какие-то голодные, как суки. Дорога шла вдоль кукурузных плантаций. Просили водителя остановиться и набирали этой недозревшей кукурузы, кто сколько может. Жрали её, сырую, по дороге, без всякой там соли. Мне она казалась оухительно вкусной, и главное, потом всё нормально, никаких проблем, не блевали и не дристали. Ничего такого не наблюдалось, крепкие были ребята.

А вот и картофельное поле, размером как Каспийское море. Дают грядку на двоих, а грядка, как обычно, теряется за горизонтом. Надо собрать с неё весь картофан в мешки. Да всё нормально! Мы это уже проходили, умеем собирать картофель, не дураки. Конечно, собирали абы как. Если совсем честно, очень небрежно собирали. А что? Не своя же, государственная, значит, ничья, а значит, похер, как собирать. Всё равно сгниёт потом на овощебазах. Как всегда, половину клубней запихивали обратно в земной шар. А, насрать! Несознательные были ублюдки. Но это не наша вина, поймите правильно, господа читатели. Неверно были расставлены акценты, задача была такая – собрать как можно быстрее с грядки, а не как можно больше. Сколько собрали, никого не волновало, а вот за скорость хвалили. Да и какая на-

фиг разница, собирал бы я её добросовестно или закапывал обратно, всё равно Совдепия развалилась, и не смог бы я спасти своей добросовестностью падения глиняного колоса. Всё было уже украдено задолго до нас.

Ближе к обеду привозили жарчку. Каждому давали алюминиевую миску, такую же, как в тюрьме, ещё ложку и кружку. Выстраивались к машине с хавчиком в очередь со своими инструментами. Была такая фишка: быстрее съешь – успеешь больше поспать. Спать хотелось зверски, всегда. Ночью зачастую совсем мало спали: или местные мешали, или в картишки дулись, или просто общались. Короче, отоспаться маленько можно было только в обеденное время. Съедаешь быстренько первое, потом бегом в эту же миску набираешь второе, какую-нибудь сраную гречку. Ветер дует, задует всякое говно в тарелку, ну, пылинки там, былинки разные, козявки. Мухи тут тоже накидываются на еду. Плевать! Тоже ведь божьи твари, пусть едят, всем хватит.

Глотаешь всю эту хренотень, как акула, не жуя, вместе с мухами и былинками, и на боковую. Падаешь здесь же в борозду, вместо подушки надо нагрести кучку земли и миску подложить под бубен, для удобства.

Отрубается просто мгновенно! Проваливаешься в темноту, как в чёрную дыру. Как раз тогда я понял политику тех работяг с завода, которые падали на свои железяки, и тоже отрубались мертвецким сном во время обеда.

Представьте – бескрайнее поле. Как истуканы с острова

Пасхи, стоят мешки с картошкой, а посреди поля сто человек валяются в различных позах, словно после ядерного апокалипсиса. После обеда, та же самая лажа – бесконечные рядки картофельного поля, и тщательное закапывание бульбы обратно в грунт. Даже с учётом этого некрасивого факта, мы всё равно собирали очень много картофана. Машины еле успевали её увозить. Уставали, как кони.

И так каждый день в течение месяца. Да, чуть не забыл: раненько с утра Суба выгонял всех нас на утреннюю зарядку с «голым торсом», так это называлось. Километр по пыльной дороге, там помашем руками-ногами, и обратно. Короче, ничего хорошего этот колхоз долбаный не преподнёс. Интересный факт: море было недалеко, километрах в пяти, но только мы его не увидели. Да и бес с ним!

Я старался изо всех сил, хотел себя показать перед Субботиным с оухительной стороны: вот, мол, какой труженик опупенный вам достался. Это в связи с тем паскудным случаем на Эгершельде. Надеялся всё-таки, что как-нибудь всё утрясётся да останусь тут учиться на инженера, уж очень не хотелось в армию. Хотя позже выяснилось, что порядки в этой конторе как в армии, и даже иногда хлеще.

В подобных местах, то есть там, где приходится впахивать по-настоящему, очень быстро выясняется, кто есть кто. Особенно это касается халявщиков, бездельников и всяческих других видов трутней и дармоедов, которые, отлынивая от работы, почему-то думают, что они самые хитрые, и ни-

кто ничего не видит и не понимает. Простые, как три рубля, приёмчики: опоздать, то есть прийти на работу попозже, уйти пораньше, в процессе работы перекуривать без конца, типа, я такой охрененный курильщик, ну не могу, сука, без дыма жить. Бегать ссать, срать или просто стоять, разглагольствовать о чём-нибудь. Часами разглядывать у себя под ногтями что-то или просто ковыряться в носу и прочее, прочее дерьмо. На такие уловки у некоторых пацанят фантазия была просто неистощима. Использовал все эти финты – глядишь, и день прошёл. А ещё можно дико заболеть, кашлять, например, якобы ангина. Или дристать, типа, отравился я, ребята, извините уж. Понятно, что дрисню свою он никому не показывал, но делал вид, что у него страшно болит живот, и поэтому ему надо отлежаться денька два.

Но картошка сама не умеет запрыгивать в мешок – я о том, что какой-то конкретный юноша, возможно, даже я, делает за этого говнюка его работу. А кому такое понравится? Поэтому, чаще всего, все эти уловки выходят хитрецам боком. Ясно, что никого не прикалывает ковыряться в матушке-земле, в то время как какой-нибудь Калишкин хуем груши околачивает. Хотя, конечно, сбивать собственным членом груши с дерева, наверно, очень нелегкий труд. Так вот, постепенно в коллективе зреет недовольство чрезмерной хитростью некоторых его членов, и однажды прорывается наружу.

Как там звучит закон сохранения энергии? «Ничего не берётся из ниоткуда, и не исчезает в никуда». В результате, этот

пресловутый Калишкин получает смачных пидзюлей за всё про всё, в качестве подтверждения этого закона и отчисляется из института. Всё: весы уравнились. Мне даже кажется, вся эта жуткая шумиха про дедовщину в армии сильно преувеличена как раз такими калишкиными, которые сами создают накал вокруг своей персоны вследствие тотального нежелания что-либо делать. А потом пишут мамкам плаксивые письма о том, что плохие мальчуганы их притесняют и почём зря награждают тумачами. Никакой дедовщины нет, это как закон физики, пидзюлины не берутся ниоткуда. Веди себя с корешами по человечески, и к тебе потянутся люди.

Поэтому я вкалывал по-честному, как папа Карло. Не только из-за того, что боялся отчисления и армии, а просто потому, что был так воспитан папкой и мамкой, просто патологически не умел халявить. Неудобно как-то перед товарищами делать вид, что напал понос, когда они там корячатся на этом бесконечном поле.

Один малый был отправлен на большую землю по причине натёртости яиц. Или потёртости... Короче, что-то там со своими яйцами сделал так, что местный медик решил его освободить от работы, и от греха подальше отправил во Владивосток для починки, и приведения в порядок внешних половых органов. Наверно, яйца у него теперь самые лучшие в мире, а мы так и остались в деревне как лохи. Думаю, он слишком усердно, блин, околачивал эти пресловутые груши. Настолько, что яйца себе попортил.

Олечка заваливала меня письмами. Приходило по два-три письма каждый день. С обратной стороны, там, где конверт заклеивается, она ставила напوماженными губами штамп – красный отпечаток своих губ. Типа, передавала мне поцелуй по почте. Меня это дико заводило, без сомнения, это была любовь. Юношеская, дикая любовь без границ. Отвечал ей по мере возможности, но картошка отнимала слишком много времени.

Вообще, картошка в России – это просто какой-то сумасшедший фетиш. Наверно, если у русских отнять этот овощ, то страна быстро загнётся. Чёртов картофель сопровождал меня всю жизнь, хотя я никакой не фермер. Постоянно происходила какая-то возня по поводу картофеля: уборка ли, посадка, перевозка, просто переукладывание с места на место и прочее, прочее говно. Наверно, когда упоминают в речи бога, то имеют в виду картошку. Бедняки жрут её как помешанные, круглые сутки во всяких разных видах. А что? Нормально. Вырастил её у себя на огороде, миллион мешков и хаваешь весь год как конь. Зашибись! Дёшево! Хорошо! Зря америкашки замысливали какие-то хитроумные схемы уничтожения большевизма: надо было просто уничтожить картошку в Совдепии, и колосс рухнул бы сам собой, без сомнения. В республике Чад народ финиками питается круглый год – и жареными, и пареными и всякими другими. Русского парня от фиников тошнит. Не то! Дайте картофана с салом, и мы расплющим всех, хоть капиталистов, хоть

марсиан!

Конечно, Олечкины письма очень поддержали меня в тот период. О, эти отпечатки её восхитительных губ! Я вдыхал запах помады, и мой половой орган страшно реагировал на этакую хренотень. Юность – это вам не тяп-ляп. Впрочем, неугомонный орган и без писем чаще всего находился во вздыбленном состоянии, наверно, это нормально в таком возрасте. Природа-матушка всё сделала как надо, против неё не попрёшь.

Достаточно уже про колхоз. Ничего хорошего мы там не поимели. Жрали как скоты, спали как скоты, работали как кони, и притом бесплатно. Сейчас этот хренов колхоз по судам затаскали бы за эксплуатацию рабов. Теперь-то я понимаю, что мы скотами и были. Бесправными, ублюдочными скотами. Грустно это осознавать, господа.

22 Штаны с двумя ширинками.

Но всё когда-нибудь кончается. Кончилось и это дерьмо, в смысле, бессмысленная работа в сраном колхозе. Теперь на денёк в Находку, отмочить задницу в ванне от всего этого колхозного кала, отоспаться, и во Владик.

Баляева 52, как всегда дикая неразбериха в первые дни, заселение в общежитие, выдача формы и всё такое. Мне предстояло прожить с этими говнюками пять лет. По поводу конопляных приключений никто нас не беспокоил: то ли менты забыли про меня, то ли проявили свои лучшие каче-

ства, и решили дать мне шанс реабилитироваться.

Но, как бы то ни было, всех нас поселили в этой общаге на Баляева, и выдали форму курсанта. Из-за того, что народ оделся в эту форму, я первое время никого не узнавал, все казались одинаковыми, как китайцы. Форма как форма, ничего особенного. Выдали двое трусов, чёрные такие, хлопчатобумажные. Как раз те самые, знаменитые семейники, раньше все мужики ходили в таких. Подходящее название. Главное их удобство в том, что как бы ты их не испачкал, ничего не видно, никаких пятнышек, ни жёлтых, ни коричневых, и если сильно не привередничать, то ходить в них можно было очень долго, стирать только тогда, когда от них уже пойдёт совсем невыносимый духан. Поскольку горячей воды в общаге не было, то основная масса курсантов благоухала совсем не ароматами французских умельцев. Короче говоря, мы дико воняли. Горько признавать, но это факт.

Следующая деталь формы, это фланель, или кратко – фланка. Та самая штуковина, в которой художники любят изображать матросов. Типа такой рубашки из грубой тёмно-синей ткани, которая одевается через голову. На ней есть пуговики, к которым пристёгивается гюйс – что-то вроде синего большого воротника с тремя белыми полосками по краю. Эти полоски чего-то там символизируют, это я потом узнал, а тогда никто ничего нам не объяснял. В принципе, если форма сшита по размерам конкретного человека, то можно даже сказать, что это красиво. Но нам выдали

какие-то безразмерные тряпки, примерно одного и того же размера всем. Кто-то не влез в это шмотьё, на мне так наоборот, вся эта лабуда дико висела, как на огородном пугале. Конечно, как могли, менялись друг с другом. Особо продвинутые всю эту фигню перешивали, приукрашивали как-то. Но я, хотя умел шить по-настоящему, единственный из всей братии, ни хрена не стал делать с этим паршивым тряпьём. Что там приукрашивать? Всё равно все в городе знали, что курсант Дальрыбвтуза – это уёбище, хоть перешивай, хоть зашейся совсем. Поэтому я решил не тратить время попусту, ходил в этом говне как есть, без всяких там перешивок, по-честному. Поэтому, наверно, выглядел уёбищнее всех остальных.

Фланель тоже очень удобна в смысле практичности. Она не пачкалась совсем, как бы ты не пытался её захезать. Поэтому фланель почти никогда не стирали или стирали очень редко. Даже если паренёк вечером был в чрезмерном подпитии, и по этой причине его фланка была в нескольких местах испачкана его же вечерней, свежей блевотиной – не беда, к утру вся эта ерунда достаточно подсыхала аккуратной корочкой, которую нужно было просто стряхнуть, а после немножко пошоркать в руках. Форма становилась как новая. Тот, кто это придумал, просто гениальный тип. Ведь каждому ясно, что где-нибудь там, на войне, нет горячей воды, мыла и прочих дел. Да и некогда на войне заниматься таким смехотворным, глупым занятием, как стирка, там надо про-

сто гасить фашистов.

Запашок от фланели был жуткий, но нас это не беспокоило, свою вонь человек не ощущает – вот такой странный закон природы. Вы разве не замечали? Если пукнуть где-нибудь аккуратно, то даже как-то приятно пахнет. Но если сиранёт какой-нибудь подонок втихаря, то вонь жуткая стоит, хоть святых выноси.

Кроме этой фланки параллельно выдали ещё одну, белую. С этой, наоборот, обращались очень осторожно. Блевотина с неё никоим образом не отстирывалась. Эту белую мы одевали по жутким праздникам пару раз в год, вместе с белыми перчатками, и лихо маршировали по центральной площади мимо этого знаменитого красноармейца. Красота!

Ещё были штаны, которые тоже не требовали какого-нибудь особого обращения. Неудобно было только то, что как бы ты их не гладил, как бы не старался, стрелки держались всего пару часов, да и то если ходить, не сгибая коленок, а это очень неудобно, поверьте мне. Да, вот ещё одно неудобство, на них почему-то не было ширилки. По правде сказать, ширилки было даже две, но они находилось по бокам этих замечательных штанов. Приходилось расстёгивать их обе, чтобы выполнить слив излишков влаги.

Ещё форменные ботинки, на все сезоны, хоть жара, хоть мороз тридцать градусов, похер. Возможно, изобретатели этих ботинок считали, что у курсантов на зиму отрастает на ногах шерсть с густым подшёрстком, как у диких собак

динго. К сожалению, шерсть не выростала, поэтому ноги зимой страшно мёрзли. И ещё у этих ботинок подошва была из картона, из толстого такого картона, и поэтому они протирались чрезвычайно быстро, на месте большого пальца через месяц образовывалась дырка. Приходилось их чинить, а это удар по бюджету. Вместо того, чтобы нормально похлебать пивка, приходилось тратить бабло на такую фигню как ремонт казённой обуви.

Выдавали ещё страшные-престрашные рабочие ботинки. Они выглядели настолько неэстетично, что к ним прилипло прозвище «говнодавы» или просто «гады». Из какой-то ужасно жёсткой, толстой, бычьей, что ли, кожи, согнуть их было практически невозможно, ходить тоже с непривычки невозможно, но человек ко всему приспосабливается.

Как известно, военные в России приветствуют друг друга отдаванием чести, но только в том случае, если голова покрыта головным убором. Поэтому выдали фуражку с лакированным козырьком и кокардой с якорем. Называлась эта штука – «мица». В нормальном состоянии верх мицы должен быть идеально круглый, внутри там стояла такая пружина, которая как бы распрямляла все неровности ткани и делала мицу ну очень круглой и большой, как аэродром. Но ходить в таком чепчике было просто верхом кретинизма, поэтому пружину сразу выбрасывали, а саму кепку замачивали в воде и придавали ей форму фашистской сплюсненной фуражки, как у Гитлера, со свисающими по бокам краями и задранной

тулей. В этих мицах мы очень сильно смахивали на эсэсовцев. Хенде хох! Арбайтен, рашен швайн!

Самые продвинутые модники, чтобы выглядеть поприличнее, и чтобы девушки хоть как-то клевали, всю эту форменную срань видоизменяли до неузнаваемости. Несчастную фланель ушивали до фантастически дикой узости так, что в итоге, чтобы её одеть или снять требовалась чья-нибудь помощь. Несчастный гюйс вываривался в хлорке до голубого состояния, и на нём проглаживали две забубённые стрелки. «Ну, нахрена?» – спросите вы. А чёрт его знает, вроде как модно, тренд сезона. С брюками поступали наоборот, внизу вставляли клинья офигенной ширины, и в таком виде зажигали на дискотеках. Не забывайте про эсэсовские мицы. В общем, парни были хоть куда, прибавьте к этому форменные ботинки, на подошвы которых наклеивали двухсантиметровые платформы и семисантиметровый каблук аля Дипапл.

Правда, у начальства обо всём этом было другое мнение. Если курсант попадался, к примеру, капитану первого ранга Строгову, кстати, постоянно находящемуся в подпитии, то тот, ни минуты не сомневаясь, прямо тут же на месте вырывал клинья из штанов, давал пять нарядов и приказывал через час доложить об исправлении недостатков. Суровый был дядька, и фамилия подходящая, но алкаш конченный.

По утрам, как все нормальные курсанты, мы просыпались в шесть часов утра от жуткого крика: «П а д ь ё- ё- ё- ё-

м!!!» Вопль должен быть как можно ужаснее, чтобы потом какой-нибудь хитрый Гуторов не сказал, что он не слышал и поэтому проспал до обеда. Надо вскочить как можно проворнее, быстренько натянуть штаны. Если на дворе не зима, то мы с «голым торсом» резво выбежали на улицу, рысью добежали до плаца, там занимались зарядкой, и бегом возвращались обратно в роту, уже взбодрённые на весь день.

Теоретически так должно было быть, на практике получалось совсем иначе. Первое время почти все бегали как дураки, но однажды я подумал: «Нахера это надо? Бегать как дебил на холоде. Еще заболēju, чего доброго». Дай-ка, думаю, по дороге забегу как бы в туалет, да там и пережду это глупое взбадривание. Пусть тут ссаками воняет, зато в тепле. Сказано – сделано, сворачиваю втихаря на выходе в туалет.

Батюшки светы... там толпа, все кабинки заняты. Якобы, всем приспичило, обосрались бедняги. «Ладно! Может быть, по дороге на улицу получится увильнуть, и забиться куда-нибудь в укромный уголок». На выходе из роты распахнуты двери. «Отлично! Спрячусь за двери пока, а потом проберусь в кроватку, когда все эти простаки убегут». Да что за чёрт? За дверями толпа! За другими тоже. Что за дерьмо такое? Там еще ниже лестница на цокольный этаж, где был муззвод и кладовки. Внизу тоже толпа. Оказалось, я не один такой умник. В итоге жалких пара десятков человек из полутора сотен, самых правильных, а по-моему просто глупцов, побежали закаливать свои тела.

В дальнейшем, у всех по утрам движения были отработаны до автоматизма. Ганс и Слон после того, как был озвучен подъём, ныряли под кровать. Тащишь одеяло вниз, расстилаешь и продолжаешь кемарить дальше. В каждом кубаре были два рундука, вроде встроенных шкафов, в которых мы держали своё барахло, форму и все такое. Заборчик (Забровский) залезал в рундук и заваливал себя вещами. Скрючивался там в три погибели. Да это не страшно, он был гибкий, легкой атлетикой занимался. Но я придумал, мне кажется, лучше всех. Под кроватью крайне неудобно, там грязь ужасная, пыли метровый слой, а из рундука вылезешь скрюченным инвалидом.

Я делал так: поскольку моя кровать стояла ближе к окну, а между кроватями стояла тумбочка, то просто прижился к стене, предварительно запихнув обувь под кровать, и завернув одеяло таким образом, будто кто-то только что встал с кровати и ушел. Ноги под одеялом смотрелись как просто скомканное одеяло, а голову скрывала тумбочка. Если вдруг заглянет какой-нибудь ублюдочный старшина, то увидит лишь пустой кубарь, мальчишки убежали заниматься физкультурой, всё окей. Ай да я, ай да сукин сын! Скажете, мелочь. А вот и нет, час добавочного здорового сна, это очень важно. Потом, днем, на занятиях, котелок варит гораздо лучше. Но эта беготня была только на первом курсе, потом от нас отвязались. Спустя примерно час, настоящий подъём, чистка зубов и прочая хренотень.

Для холодного времени года выдавали бушлаты и шинели. Была такая маленькая, но важная деталь гардероба, мы её прозвали «сопливчик». В самом деле, эта штука была похожа на детские сопливчики, которые одевают малышам при кормлении, чтобы сильно не заляпать одежду выпадающей изо рта едой. Так вот, этот маленький, черненький фартушек, пристегиваемый на шею, доставлял немало хлопот. Хоть он был и маленький, но выполнял две очень важные функции. Во-первых, зимой он был вместо шарфа, если бы его не было, мы все попростывали бы к черту с раскрытой шеей. А главное, на него с внутренней стороны пришивалась полоска белой ткани. Это не блажь, насущная необходимость. Офицеры частенько заставляли нас снять сопливчик и показать чистоту этой белой полоски: не дай бог, если она была несвежая – тут же вломят парочку нарядов. Поневоле приходилось мыть шею каждый день. Но все равно, тряпочка пачкалась, хватало на один-два дня. Потом приходилось отрывать её, стирать, снова пришивать. Если бы не эта чудесная полоска, многие так бы и ходили с навозной шеей. Когда под рукой не было чистого подворотничка, но надо было срочно доложить о его чистоте, то просто отрывался кусок ткани от простыни и пришивался на сопливчик. Поэтому все простыни в роте были уменьшенные в размерах и имели форму не прямоугольника, а какого-то странного, ступенчатого многоугольника. Что поделаешь, чистота превыше всего.

За полчаса до занятий все выстраиваются на палубе на утренний осмотр. Старшины проверяют форму одежды, прически, сопливчики и все остальное.

Потом завтрак: строем шагаем на камбуз, по команде садимся и быстренько поглощаем все, что есть. Как правило, это были бутерброды с маслом, реже, вареные яйца, иногда сыр и, конечно, чай. Столы накрывали нарядчики, те самые раздолбаи, среди которых очень часто находился ваш добропорядочный сочинитель. Старший лейтенант Субботин продолжал пристально наблюдать за мной.

23 Бэг и ноги.

Для краткости свой институт мы называли «бурса». Курсанты ДВВИМУ и курсанты ТОВВМУ точно так же называли свои заведения. Почему бурса? А хрен его знает. Мне кажется кто-то, очень давно, заимствовал это слово у Гоголя, да так и осталось навеки. Хотя бурсами считались только высшие учебные заведения, а средние называли еще проще – «шмонька», это уж совсем непонятно откуда взялось. Не хочу разбираться, пусть докапываются лингвисты, русский язык могуч и всеобъемлющ.

Главный корпус бурсы находился в самом шикарном месте Владивостока, фасадом на главную площадь города. Если где-нибудь на фотографии или по телевизору увидите этого медного красноармейца, приглядитесь внимательнее, по его правую руку, сзади, стоит старинное здание со срезанным уг-

лом – это и есть Дальрыбвтуз. Правда мы ездили туда учиться один или два раза в неделю, изучали некоторые экзотические второстепенные предметы. Все основное время проводили на Баляева.

Это были дикие времена, трамвай тогда ходил только до Баляева, там разворачивался и шел обратно в город. Гораздо позже добавили большой кусок рельсов до 3 Рабочей, и получилось гигантское трамвайное кольцо через весь центр города. Хотя о чём я? Сейчас все рельсы давно вырваны, и о трамваях остались только воспоминания. Мостовой развязки на Баляева тоже не было, просто огромный перекресток. Возле него, на месте нынешнего торгового центра, был обычный захламлённый пустырь, на который и зимой, и летом привозили бочку с пивом, как нарочно напротив окон учебного корпуса, где ваш рассказчик изволил изучать устройство дизельных двигателей кораблей, а также устройство вспомогательных механизмов этих же кораблей. Попутно приходилось изучать такую нужную для механиков науку, как марксистско-ленинская философия. Чувствуете, как шикарно звучит? Кто-нибудь из вас знает такую науку? Или вот ещё: политическая экономия. И конечно, курсантам надо было досконально знать труды Брежнева Леонида Ильича, в особенности его судьбоносный доклад на 24 съезде КПСС. Ха! Вы, небось, и не слыхивали, что это за хрень такая.

Знаете что, когда тебе 18 лет, когда природа цветет и пахнет, греет весеннее солнышко, а за окном на пустыре стоит

бочка с холодным пивом, очень нелегко изучать труды Ленина, и уж тем более Брежнева. Странно, что никто из руководства никогда не поднял вопрос о нахождении этой бочки, практически на территории учебного заведения. Я понимаю, что Дальрыбвтуз далеко не Оксфорд, но это, знаете ли, напоминает мне Голландию с её легальной торговлей марихуаной. Естественно, при появлении бочки знания уже крайне плохо воспринимались. Тем более рядом сидит Ганс, а он очень уважал этот напиток. Уважал и любил! Любил дико, безкомпромиссно! У меня просто не находится слов, чтобы показать, насколько он обожал пивас. Это был просто пивной маньяк.

Ах, да! Вы ещё не знаете Ганса. Ну, так послушайте. Когда нас нарядили в эти мерзкие, безразмерные шмотки, и расселили по комнатам, выяснилось, что вместе со мной в кубрике оказались три замечательных типа. Одного я уже знал, это Заборчик, мой давнишний дружок по Находке. Вечно оптимистичный хлопец, ему хоть кол на голове теши, он не расстроится. В любой, самой дрянной ситуации он находил позитив. Рядом с ним всегда было спокойно, он заряжал своим оптимизмом. Даже если мы попадали в полное говно, а рядом был Забор – значит, всё будет в порядке, всё будет ОК.

Другой сосед, Меркулов Виталька, к нему сразу же прилепилось погоняло Слон, наверно, из-за носа. Он у него был не то чтобы длинный, а какой-то крупненький и страшно мягкий, как будто там внутри не было хряща. Своеобразный

юноша, с выражением лица, словно он только что проснулся, и ничего не может понять. Своими повадками очень смахивал на медвежонка коалу, двигался крайне медленно и лениво. У него было что-то с кишечником, по утрам он постоянно пердел. После второго подъёма, когда вылезал из-под кровати с комками пыли на ушах, он садился на кровать, медленно потягивался, звонко пукая и широко зевая. Это длилось достаточно долго, минут десять, но характерно, что вони не было. Его пукиши были абсолютно прозрачны в смысле запаха. Обижаться на него или не уважать его было невозможно, он был похож на большую мягкую игрушку. Звуки, которые издавала его жопа, были протяжны и жалостливы, ну как на него обижаться? Это была наша достопримечательность, больше так никто не умел, правда, проучился он недолго, его отчислили после второй сессии за неуспеваемость. Много пердел, но мало учился.

Третьим был Славик Гуторов, мы его звали просто Ганс. Высокий рыжий парень с белёсыми ресницами. При ходьбе он всё время сутулился, и странно шлёпал своими ботинками 45 размера, в точности, как это делают гуси. Иногда из-за этой особенности походки его называли Гусь. Мало того, что у него была странная походка, он весь полностью был странен. Его поступки, слова и ужимки, всё было очень необычным. Он был чрезвычайно горазд на всяческие выдумки, сейчас такое называется креативность. Иногда было очень сложно осознать его фантастические идеи. Он даже са-

мые дикие и дерзкие предположения воплощал в реальность с лёгкостью. За какое бы дело он ни брался, даже если это по человеческим понятиям было невыполнимо, у него получалось легко. Он был непосредственен как ребёнок, обаятелен жутко. Невозможно было не поддаться его обаянию. Я иногда жалел, что не режиссёр, иначе обязательно снял бы фильм с его участием, точнее, фильм о нем, но я, к сожалению, не режиссёр и даже не писатель, скорее, просто хроникёр.

Находиться рядом с ним – это незабываемое шоу. Уральские пельмени кусали бы локти от зависти. Честно! У него это получалось естественно, без всяких усилий с его стороны. Наблюдать за ним, за его телодвижениями, походкой было жуткое удовольствие. Слушать его, общаться с ним, слышать его дурацкий смех в виде растянутого звука «и-и-и-и-и-и-и-и-и-и», это когда ему было ну очень весело. И если приходилось выходить в город с ним в компании или участвовать в каком-нибудь мероприятии, я знал – будет приключение. Чистая правда! По этой причине он был всеобщим любимцем, и в процессе жизни его ник видоизменился до уменьшительно-ласкательного «Ганя».

Так вот, у Ганса все внутри начинало зудеть при виде желтого бочонка на колесах. Все уже знали про Славкину слабость, и начиналось самое интересное. Денег у него, конечно, как всегда не было, они не любили долго задерживаться в его карманах. А бочка уже стоит, и тётка уже приступила

к продажам. У меня есть бабосы в кармане, он это знает, вижу, что у Гани во рту образовалась страшная сухость. В общем, не мастак я описывать все эти его ужимки, но скажу одно, нетерпение у него достигло предела.

– Бэр, а Бэр. А ты не хочешь пива попить? – начинает он осторожно.

Я был в курсе про эту Славину хитромудрость. Отказываться было просто бесполезно, в принципе невозможно, он бы так просто не отстал. Нет, он не хныкал и не давил грубо, все происходило крайне дипломатично. Примерно как Штирлиц, в том знаменитом фильме, убеждал Шелленберга или кого-то другого, что это надо непременно сделать именно так, хотя на самом деле выгоду с этого имел только сам Штирлиц. Так и Ганс. Он расписывал все прелести вкуса холодного пива. Он убеждал, что это просто необходимо – похлебать пивка. Я никогда сразу не соглашался, хотя сам точно так же хотел «промочить горло». Мне было интересно, какие он придумает аргументы на этот раз.

Из-за того, что денег у него не оказывалось в тот момент, он в виде компенсации предлагал «свой бэг и ноги». То есть свой советский объёмный портфель, были в Совдепии такие большие бесформенные портфели для переноски документов. А ноги подразумевались славкины, замечательные, быстрые ноги в ботинках сорок пятого размера, которые мигом примчат в его портфеле восхитительный, прохладный напиток. Вы спросите, почему именно в портфеле

ле? Что за странная тара для пива? В канистре, бидончике или банке было бы гораздо удобнее. Естественно, мы не наливали пиво прямо в портфель. Не забывайте, что мы были курсанты, это было бы палево, если курсант тащил банку пива в руках. Кругом шныряют офицеры или их приспешники, кому охота торчать потом в нарядах. В портфель аккуратноенько ставились две трехлитровые стеклянные банки, обычная пивная тара того времени.

Вот теперь другое дело. Случайные прохожие или офицеры подумают, глядя на шустрого курсанта с тяжелым портфелем, видимо, набитом под жвак учебниками: «Какой прилежный студент! Бедняжка, как их там нагружают! Да, из этого парня выйдет толк».

И они были правы, Ганя был толковым переносчиком пива. Пиво он носил очень быстро, несмотря на явно гусиную, неуклюжую походку. Если что-нибудь другое, то, конечно, помедленнее, но пиво в процессе транспортировки ведь может нагреться, потерять консистенцию и товарный вид, а этого ни в коем случае допустить нельзя. В таких делах Слава был крайне щепетилен.

Без хитростей в стиле Ганса не обходилось. Однажды мы с ним перли в общагу два портфеля бухла, он как-то притормозил и, протягивая мне свой портфель, деловито сказал: «Подержи, шнурок завяжу». Ну, я без всякой задней мысли, взял второй портфель и потихоньку потащил дальше, дожидаясь его. Он догнал и стал на ходу что-то мне рассказывать,

очень увлекательно, лапшичку он умел навешивать на уши, поверьте. Я слушал, слушал и только потом смекнул: что-то не так, у меня два портфеля, у него ни одного. Некоторое время спустя снова так получилось, только тогда я понял, что со шнурком был просто трюк. Думаю, что этот трюк он проделывал не со мной одним. Он был чрезвычайно находчив, но я не обижался, это было бы глупо. Возможно, это была какая-то разновидность халявничества, которую я так не люблю, но Славка не был халявщиком, может быть, самую малость, зато всегда это происходило вертуозно и практически незаметно со стороны.

Раз уж вспомнили про эту бочку, то вот забавный случай. Когда ее подкатывали, не только курсанты бежали за пивом, весь окрестный люд мужского пола старался порезче работать копытами, так как через небольшой промежуток времени к бочонку выстраивалась гигантская очередь, кстати, почему-то в форме галактики или улитки. Видно, всем хотелось поближе находиться к любимой емкости, и поэтому хвост очереди как бы обвивал бочку по спирали. Наверно, с высоты птичьего полета вся эта разношерстная группа людей выглядела просто толпой. Но это неверно, каждый железно знал свое место, помнил несколько человек впереди, на всякий случай. Именно с того времени у меня появилась чрезвычайно полезная привычка запоминать в очередях впереди стоящих, человека два или три, и дожидаться, чтобы кто-нибудь занял за мной. В итоге это экономит много времени

и нервов, поверьте.

Скидок никому не делали, студент, курсант или просто бичара. Так в советское время называли бомжей. Кратко и ясно – «бич». Все скромно стояли в очереди, несмотря на то, что у некоторых трубы горели зверски. Никому и в голову не приходило влезать без очереди. Вот эта людская черта в Союзе мне нравилась. Сейчас бы всплыла куча народу, с какими-нибудь депутатскими мандатами, мигалками, орденами, погонами или просто нахрапом, потому что их несколько, и они сильнее, и начала бы без очереди прорываться к крану. Тогда я еще не знал, что однажды сам окажусь главным у подобного крана, как, впрочем, и Славка. Те, кто находились у этого пивного краника, считались полубогами. Их все на районе знали и уважали. Во-первых, они спасали народ от жажды, во-вторых, они зарабатывали кучу денег, по понятиям того времени. Но об этом я позже расскажу.

Так вот, было одно исключение. Впервые, когда я увидел эту картинку, был сильно удивлен. Стоим в этой закрученной очереди, уже совсем близко, вдруг какое-то тарахтенье, и прямиком к крану из толпы выдвигается зеленая морда «инвалидки». Инвалидкой называли маленький двухместный тарантас со складывающейся брезентовой крышей и двигателем от мотоцикла, отчего он звонко и глупо тарахтел. Их бесплатно выдавали инвалидам, помните, в том знаменитом фильме, когда такая же тачка мешала проезду, Бывалый поинтересовался: «Где этот чёртов инвалид?»

Народ послушно расступился, и рулевой оказался прямо возле крана. Позже я уже не удивлялся появлению этой тарантаски. Никто не возмущался, не пытался спорить по поводу прав очередности. У мужика, хозяина тачки, не было ног. Все, видимо, понимали, что это, как бы, такие железные тарахтящие ноги. В такие моменты замечал в Славкиных глазах немалую зависть: «Эх, мне бы такие ноги!» У инвалидки и «бэг», то есть багажник, покруче, вместилось бы гораздо больше банок. Мужик набирал пиво, отхлёбывал малость прямо из банки и уезжал восвояси. Кто такой? Где оставил свои ноги? До сих пор не знаю. Скорее всего, в какой-нибудь из войн, которые Совдепия частенько вела втихомолку, не сообщая об этом народу. Всё тихо и спокойно было в стране. На вот тебе, парень, тачку, попей пивка, и всё будет хорошо. Сейчас Русское Радио без конца твердит, что всё будет хорошо, но только не уточняет, когда-же это будет, и у кого конкретно. А пока что всё очень хреново.

Давайте уже, чтобы не возвращаться больше к бочке, еще один случай, и закончим с ней. Курсе на третьем просыпаюсь ночью от истошного вопля: «Рота, подьееееём!!!» Крик был ужасен. Сразу подумалось: «Наверно наших бьют».

«Не понял нах...» На улице темень, глаз выколи, до утра еще как до Луны пешком. Что за шутки неуместные? А надо сказать, что у курсантов, солдат, моряков существует негласное, жёсткое правило – будить только в случае пожара. Ну, в смысле, если возникла какая-то реальная угроза жизни.

Сон – это священо. Все эти группы людей, как правило, не высыпаются по жизни. И если вдруг выдалась удобная минутка, то погружаются в здоровый крепкий сон. А тут вдруг посреди ночи какая-то скотина нарушает законный порядок вещей. Я думаю, что многим захотелось стукнуть по лицу этого подонка. Сонные, мятые рожи стали высовываться из своих берлог, чтобы увидеть наглеца своими глазами.

Но Моня окончательно пробудил всех, сообщив сногсшибательную новость: «Там льётся пиво!» Я уже не помню точно, что было с Гансом, но наверняка у него помутился рас-судок.

А случилось вот что. Ту самую, легендарную бочку, с остатками пива оставили на ночь на пустыре. Вообще-то, её обычно увозили, но в этот раз она почему-то осталась си-ротливо стоять в темноте. И очень глупо! Оставлять без при-смотра пивас нельзя! Странно, что её вообще не укатали на-хер. Оказалось, что какие-то злоумышленники, проходя ми-мо, решили хлебнуть пивка. Вырвали замок, вырвали проб-ку из крана, попили маленько и пошли дальше своей доро-гой, а пиво продолжало выливаться через испорченный кра-ник. Тут как раз Моня с Богданом, как всегда на автопилоте, возвращались в роту после нехилого дегустирования различ-ных алкогольных напитков. Они всегда возвращались на ав-топилоте, крепкие были орехи, ну, вы поняли, о чём я. Ко-гда увидели льющееся пиво, сразу протрезвели. В бурсу Мо-ня прибежал уже на ручном управлении. Богдан тем време-

нем затыкал дырку пальцем, время от времени прикладываясь к струе.

Было два часа ночи. Какая тварь вырвала замок и вытащила пробку, неизвестно, но эти люди были без чести и совести. Пиво лилось рекой. Помню, когда мы подбежали с двумя сорокалитровыми кастрюлями, взятыми на камбузе, пена была нам по колено. Кастрюли наполнены до краев. А пиво все льется. Обидно! Темень, пробку не найти, заткнуть нечем. Да и срать, в конце концов, это не наша проблема.

Потом была самая веселая ночь. Если уж уксус на халяву вкусный, то представьте себе, как радостно мы лакали халявное пиво. Ганс точно был на небесах. Практически все приняли участие в этой попойке. Конечно, были некоторые отщепенцы, которые прикинулись спящими, а потом, поутру сдали всех. У них свои понятия о чести, они есть в любом коллективе, эдакие паршивые овцы. Как правило, такие на хорошем счету у командиров и начальства. Что называется – красиво лижут жопу.

Веселье длилось всего-то пару часов, но всё когда-нибудь кончается, кончилось и пиво, мы пожалели, что не взяли больше кастрюль. Ганс сообразил быстрее всех, что надо бы добавить. Но гонцы, во главе со Славиком, посланные для исправления ошибки, вернулись ни с чем. Бочка была пуста!!!

Сразу представил себе дикую картинку, как Ганя подбегает с огромной кастрюлей к бочке и, видя пустую емкость

и пенное, небольшое озерцо вокруг, с яростью отшвыривает бесполезную тару, с разбегу кидается в него, с остервенением пытаюсь всосать в себя желтую жижицу, ревет протяжным воем и извивается, чтобы хотя бы намочить кожу в надежде, что умный организм впитает через неё хоть немножко изумительной влаги.

Конец этой истории жалок и паскуден. Субботин, придя утром в роту, был, как я уже сказал, обо всем информирован. Преступники выявлены, ублюдки наказаны. Подробно описывать эту процедуру я не хочу. Отчасти оттого, что смутновато все помню, да и вообще это не особо интересно. Скажу только, что все участники оргии получили по заслугам. Субботин, как всегда, был крайне справедлив.

24 Компот будешь?

Общежитие для курсантов, это унылое кирпичное здание в пять этажей, без балконов. Вообще-то таких зданий несколько, стоящих одно за другим, они и по сей день там стоят. В двух из них, ближайших к учебному корпусу института на Баляева, проживали курсанты мореходного факультета. Так вот, в самом ближнем доме обретался ваш скромный рассказчик, вместе со своими товарищами, стремившимися, во что бы то ни стало, овладеть специальностью «инженер-механик судовых силовых установок». Но надо сказать, что об этой профессии грезил только половина роты, другая половина изучала крайне необходимую для народного

хозяйства специальность «эксплуатация водного транспорта».

В самом начале нас всех насчитывалось около ста пятидесяти голов, мы проживали в вышеописанном доме на первом этаже. Правда, в процессе учебы, на первом курсе количество резко уменьшилось почти на треть, но в дальнейшем оно оставалось практически стабильным до окончания бурсы в 1982 году. Кто-то переводился в другой вуз, кто-то, наоборот, появлялся, в итоге примерно человек 70—80 доучились-таки до конца и получили драгоценные дипломы о высшем образовании. Этот день я помню как сейчас, но до этого дня, как говорил Славик, надо ещё допердеть.

В общаге были нормальные армейские порядки, хотя мы получали вполне гражданскую специальность. Почти каждый день строевые занятия, будь они неладны, а перед праздниками вообще, бля, с утра до вечера шагистика. Без конца нас гоняли на различные работы за бесплатно. Чаще всего мы почему-то копали ямы. Я, можно сказать, стал профессиональным землекопом. Частенько стоял в нарядах вне очереди на дежурство по роте, и по камбузу. Суба, сэта, не забывал меня.

В связи с вышеописанным дерьмом, нормально учиться у нас никак не получалось. Поэтому неудивительно, что по итогам года треть курсантов вылетела из института по всяким разным причинам. Зато остались самые выносливые и живучие шакалы.

Мы жили в обыкновенной пятиэтажке, но если бы посторонний человек подслушал наши разговоры, то мог подумать, что эти brave парни в тельняшках с какого-нибудь забубённого суперкрейсера. Как ни странно, всё, что касалось быта в общаге, называлось на морской манер. К примеру, обычный коридор важно называли палубой, и если кого-то наказывали мытьем полов, то человек говорил, что, мол, он пошел драить палубу. Это же звучит гораздо круче, чем тупое «мыть полы». Железная, слегка ржавая кровать, на которой мне снились чёрно-белые сны, называлась шконкой, табуретка – банкой. Лестница, конечно, это трап. Туалет, не сортир, не клозет, а галльон, его тоже приходилось частенько драить. Кухня, это камбуз, и так далее.

На первом курсе всё время хотелось жрать. Хотелось всегда, особенно ближе к ночи. Во-первых, потому, что организм рос и ему требовались калории. Во-вторых, нас гоняли то на стройке, то на плацу, и опять требуются калории. В блокадном Ленинграде голод был покруче, и очень понимаю тех ребят, испытал на собственной шкуре, что такое собачий голод, даже в таком урезанном виде. Мы завидовали мальчуганам, у которых в городе проживали родичи, и они могли, хотя бы раз в неделю, нахаваться до отвала сытных мамкиных пирожков.

Немного о еде. Это было что-то! То есть дерьмо полное. Очень грамотное дерьмище! Особенно в рыбные дни. Были такие, это вторник и пятница. Система работала примерно

так. Где-то высоко наверху, в министерстве то ли обороны, то ли образования, выделялась некая сумма на питание нас. Вначале пидзили генералы, хорошим таким шматом. Потом отщипывала местная военная блоть, совсем немного себе на дачку. И машинку новую не помешает прикупить. В итоге, когда бабло добиралось до нашей бурсы, получалась совсем дохлая кучка. Здесь главные пищевые интенданты тоже немножко себе брали. То, что доходило до камбуза в виде продуктов, растаскивали повара во главе с директором столовой. И наконец, оставшиеся жалкие крохи поступали к нам на стол. Что там оставалось, сами можете себе представить. Короче, в рыбные дни, когда жарили какую-нибудь протухшую камбалу, запах стоял тошнотворный. Такое угощение можно было есть только с прищепкой на носу, но мы ели, затыкали нос и ели. Захочешь жрать по-настоящему, и не такое съешь. Наверно, это все-таки лучше, чем вытришки.

К обеду все были голодны как собаки, обеда все ждали с нетерпением. Очень ждали, бежали в столовку как свора голодных псов, никому не хотелось оказаться последним, так как частенько последнему ничего не доставалось. То ли порций не хватало, то ли кто-то из своих воровал, бес его знает.

Перед обедом, и вообще по любому поводу, даже самому ничтожному, было построение, на них Субботин щедро раздавал наряды. Мне перепало очень часто.

Однажды на таком построении он объявил: – Курсант Сы-

чевский, выйти из строя!

Из строя кое-как, опираясь на костыли, выползает тип в гражданской одежде. На тот момент мы все уже ходили в форме, он к нам попал позже, и ещё не успел её получить. Сыч был «великий» футболист, играл за какую-то, хрен его знает какую, команду, и ногу как раз сломал на футбольном поле брани в борьбе за дурацкий мяч. Видно, этот парень побывал в разных передрыгах, так как ещё и глаз у него был подбит. На лице под глазом красовался бесформенный, очень несимпатичный шрам, наверно, кто-то в пылу борьбы здорово припечатал ему бутсой по бубну. Выражение лица у Юрика всегда было чрезвычайно глупое, улыбка до ушей без причины, и какой-то всегда мутный взгляд, да такой, что офицеры частенько цеплялись к нему, принимая за пьяного. Ей богу, не вру. Он всегда выглядел как бы нетрезвым, и разговаривал так, как будто был выпивши. Как раз по этим причинам он тоже стал всеобщим любимчиком. Многие считали его туповатым, но это не так. Он был хитрован ещё тот, но ленивый до крайности. Ленивей меня во много тысяч раз. Вот показательный случай. Как-то вечером мы сидели в кубрике, и Юрка изрек историческую фразу. Вот она:

– Пойти посрать, что ли? Да что-то не хочется.

Это конгениально! Просто фантастическая лень! Вы поняли суть? Он хотел в туалет по-большому, но был настолько ленив, что поленился поднять собственную жопу, наполненную калом, и сходить в туалет. То есть срать ему хотелось,

но идти жутко не хотелось. Он так и сидел некоторое время в надежде, что всё пройдёт. Конечно, оно не проходило, только усиливалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.